

Роберт Антон Уилсон

Маски иллюминатов

«Маски иллюминатов»: Янус, Эклибрис; 2002

ISBN 5-901620-15-1

Оригинал: Robert Wilson, "Masks of the Illuminati"

Перевод: Максим Чеботарев

Аннотация

...Мир — шахматная доска, явления этого мира — фигуры, так называемые законы природы — правила игры. Игрок по другую сторону шахматной доски сокрыт от нас.

...Боже! Только подумайте, о чем вы говорите. Это слишком невероятно, слишком чудовищно; такое попросту невозможно... Должно быть какое-то объяснение, какое-то избавление от всего этого ужаса. О, нет, будь такое возможно, Земля была бы сущим адом.

...Если Господь не сомневается в существовании демонов, с какой стати сомневаться нам?

...Древние всегда были, Древние есть, Древние всегда будут. После лета наступает зима, после зимы наступает лето. Они правили там, где сейчас правит человек, они будут править там снова. Они спокойно ждут вне пространства и времени, Незримые для нас.

...Истина! Истина! Истина! кричит Владыка Бездны Галлюцинаций... Эту Бездну еще называют «адом», или «множеством», или «сознанием», или «миром»...

Роберт Антон Уилсон

Маски иллюминатов

... Мир — шахматная доска, явления этого мира — фигуры, так называемые законы природы — правила игры. Игрок по другую сторону шахматной доски сокрыт от нас.

... Боже! Только подумайте, о чем вы говорите. Это слишком невероятно, слишком чудовищно; такое попросту невозможно... Должно быть какое-то объяснение, какое-то избавление от всего этого ужаса. О, нет, будь такое возможно, Земля была бы сущим адом. То, что находится внутри этой рамки, известно.

То, что находится вне этой рамки, неизвестно.

Кто создал эту рамку?

Если Господь не сомневается в существовании демонов, с какой стати сомневаться нам?

Древние всегда были. Древние есть. Древние всегда будут. После лета наступает зима, после зимы наступает лето. Они правили там, где сейчас правит человек, они будут править там снова. Они спокойно ждут вне пространства и времени, Незримые для нас.

... Истина! Истина! Истина! кричит Владыка Бездны Галлюцинаций... Эту Бездну еще называют «адам», или «множеством», или «сознанием», или «миром»...

От издателя

Роман «Маски иллюминатов», открывающий знаменитую уилсоновскую фантастическую эпопею, публикуется с незначительными сокращениями.

От автора

Люди и события, описываемые в этой книге, — как и те, с которыми мы имеем дело в повседневной жизни, — отчасти реальны, отчасти плоды чьего-то больного воображения.

«Герметический орден Золотой Зари» и «Орден Восточного Храма» были (и остаются) вполне реальными организациями; описываемые в книге магические упражнения тоже не выдуманы. «Великий бог Пан», «Король в желтом» и «Облака без воды» — книги реально существующие, и цитаты из них приводятся в точном соответствии с оригинальными текстами. Все подробности политических убийств и других исторических событий взяты из стандартных справочников — таких, как Британская энциклопедия, — и достоверны ровно настолько, насколько и эти источники.

Автор торжественно заверяет и гарантирует, что в двух предыдущих параграфах нет явной лжи, а есть только одна скрытая шутка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мир — шахматная доска, явления этого мира — фигуры, так называемые законы природы — правила игры. Игрок по другую сторону шахматной доски сокрыт от нас.

Томас Генри Хаксли, «Избранные эссе»

Одно из главных различий между химией и алхимией заключается в том, что в первой все начинается сразу с яростного огня, а во второй жар усиливается лишь постепенно.

Израэль Регарди, «Золотая Заря»

Боже! Только подумайте, о чем вы говорите. Это

слишком невероятно, слишком чудовищно; такое попросту невозможно... Должно быть какое-то объяснение, какое-то избавление от всего этого ужаса. О, нет, будь такое возможно, Земля была бы сущим адом.

Артур Мейчен, «Великий бог Пан»

I

СЕРИЯ САМОУБИЙСТВ

(Новые ужасы озера Лох-Несс)

ИНВЕРНЕСС, 23 АПРЕЛЯ 1914 ГОДА. Инспектор Джеймс Макинтош из местного отделения полиции столкнулся с загадкой еще более ужасной, чем те, что можно встретить в произведениях Эдгара По и Артура Конан-Дойла. В окрестностях озера Лох-Несс за две недели произошло три необъяснимых самоубийства. Местные жители утверждают, что эти земли облюбовала нечистая сила, причем не только чудовище по имени Несси, здешняя достопримечательность, но и гораздо более странные и страшные существа.

Первое загадочное самоубийство произошло в прошлый четверг: 68-летний Бертран Александр Вири выстрелил себе в голову из ружья. Соседи утверждают, что он никогда не жаловался на здоровье и вообще не имел видимых причин для того, чтобы лишать себя жизни. Расследование, проведенное коронером, также не выявило никаких разумных мотивов такого акта крайнего отчаяния.

Второй жертвой этой зловещей эпидемии самоуничтожения стала супруга брата покойного Вири, 59-летняя миссис Энни Вири, в девичестве Макферсон. Она покончила с собой в этот понедельник, приняв яд. Ее безутешный муж, преподобный Чарльз Вири — известный пастор прекрасной древней церкви Олд-Кирк на самом берегу озера и президент Общества распространения религиозной истины.

Третья ужасная и необъяснимая трагедия произошла сегодня. Преподобный Дункан Макферсон, брат миссис Вири и вице-президент Общества распространения религиозной истины, перерезал себе горло бритвой. Складывается впечатление, что этот случай меланхолического помешательства странным образом связан с предыдущими двумя.

Как же вирус сумасшествия мог поразить семью столь благочестивых христиан? Наш репортер задал этот вопрос инспектору Макинтошу и услышал в ответ: «За тридцать лет службы в местной полиции я был свидетелем множества трагедий и странных происшествий и теперь склонен думать, что буквально каждый способен буквально на все».

Жители Инвернесса и соседних деревушек утверждают, что в том месте, где река Несс впадает в озеро Лох-Несс и где расположены дома Вири и Макферсонов, уже давно творится что-то неладное. Они рассказывают о загадочном змееподобном чудовище Несси, живущем в озере, и о другом чудовище с крыльями летучей мыши, а также о странных звуках и огнях, голосах, которые иногда слышны в совершенно безлюдных местах, и многих других сверхъестественных явлениях.

«Тут живут очень суеверные люди», — сказал инспектор

Макинтош, когда его спросили, что он думает об этих рассказах.

У местных жителей скептицизм инспектора вызывает вполне определенную мысль: ни жены, ни лошади, ни усов, только гнев и насмешки.

Некий Малколм Макглаглен (61 год), чья ферма расположена неподалеку от местности, предположительно облюбованной нечистой силой, заявил репортеру следующее: «Полицейские — дурачье. Все здешние мужчины, женщины и дети называют эту землю „Поместьем дьявола“, и никто из них не рискнет пройти по ней после наступления темноты. Несси — просто пустяк в сравнении со всем остальным. Одни только ужасные звуки, которые слышны здесь по ночам, способны свести с ума кого угодно, не говоря уже об огнях в небе и на земле и чудовищных тварях, которые у нас то и дело появляются. Есть от чего поседеть».

Другой фермер, просивший не упоминать его имени, дополнил зловещий рассказ Макглаглена несколькими еще более ужасными подробностями. Он сказал, что его сын два года назад увидел одну из этих «чудовищных тварей» и до сих пор находится под присмотром врачей. Он отказался описать чудовище, сказав: «Городские нас засмеют».

«Нам нужен скорее охотник на ведьм, чем полицейский», — так выразил общее мнение местных жителей другой фермер, Роберт Макмастер (43 года). Макмастер утверждает, что недавно видел, как женщина без головы шла через луг, принадлежащий лорду Глен-Кэригу.

«Суеверия», — заключил инспектор Макинтош. Тем не менее, наш репортер был очень рад вернуться в город, пока на «Поместье дьявола» не опустилась ночь.

Из дневника сэра Джона Бэбкока, 25 июня 1914 года:

Что же это за человек или что за создание, принявшее человеческий образ? Хотя я видел его во плоти только два раза, он постоянно присутствует в моей жизни на протяжении вот уже двух лет — с того самого момента, как я купил эту проклятую книгу «Облака без воды» и оказался втянутым в дела семьи Вири и ужасные события на берегу Лох-Несса. Он являлся мне еще до той богохульной выходки с перевернутым крестом, которая вынудила меня покинуть Арль. Он принимал самые гротескные формы в моих постоянных ночных кошмарах, граничивших с настоящим бредом. Один отвратительный образ преследует меня особенно упорно — он в тюрбане и похож на отвратительного и толстого то ли демона, то ли султана, а вокруг пляшут, наигрывая что-то на свирелях, слуги, похожие на насекомых или чудовищ Доре или Гойи. Мне так и хочется воскликнуть, подобно королю Лиру: «Аптекарь! Дай мне что-нибудь — смягчить воображенье!». Но это не воображение, это ужасная реальность. Я до сих пор помню слова, которые он сказал мне в Лондоне во время нашей последней встречи: «Ваши Бог и Иисус мертвы. Сейчас наша магия сильнее, потому что вернулись Древние». Временами моя вера слабеет, и я почти готов покориться ему. Это самое ужасное: пассивно, без борьбы и надежды соскальзывать к тому, чего боишься больше всего. Я стою на краю бездны и более не в силах сопротивляться демону, который нашептывает мне: «Прыгай, прыгай, прыгай...»

II

Вечером 26 июня 1914 года в купе номер 23 экспресса Базель — Цюрих собралось весьма странное трио джентльменов. Двое из них очень скоро начали подозревать, что третий не в своем уме.

— Дождь утих, — первым отважился нарушить молчание швейцарец, по виду доктор, вскоре после того, как поезд тронулся. Это было совершенно обыденное замечание, сделанное, конечно же, с намерением завязать непринужденный разговор.

— Ja, — холодно бросил русский, давая попять, что не склонен к пустой болтовне.

— Действительно, дождь кончился, — любезно согласился англичанин, вежливо улыбнувшись одними лишь краями губ. Его глаза оставались холодными и безжизненными, как у мумии.

Доктор на миг задержал свой взгляд на этой пустой улыбке и решил сменить направление разговора.

— Похоже, эрцгерцога Фердинанда везде встречают с радостью, — сказал он. — Может быть, теперь обстановка на Балканах наконец-то улучшится.

Русский скептически хмыкнул, на этот раз не удостоив собеседника даже словом.

— Политика — это сплошной маскарад, — сказал англичанин с той же вежливой улыбкой, которая никак не отразилась на его пустом, ускользающем взгляде.

Русский неожиданно отреагировал целой фразой:

— У всех маскарадов один и тот же смысл, — произнес он с отвратительной веселостью вурдалака, — и древние римляне это знали. Cui bono?

— «Кому это выгодно?» — перевел англичанин. — Кому же еще, как не дьяволу? — ответил он сам, издав нездоровый смешок, из тех, которые обычно заставляют сидящих рядом с опаской отодвинуться.

Русский внимательно посмотрел на англичанина, отмечая про себя симптомы нервного расстройства, которые доктор заметил уже давно.

— Дьявол, — произнес он убежденно, — это удобный миф, придуманный истинными носителями зла в этом мире.

С этими словами он развернул газету и углубился в чтение, ясно показывая этим, что не желает продолжать разговор. Доктор старался сохранять доброжелательный тон.

— Мало кто в наши дни верит в дьявола, — сказал он, думая про себя: Девять из десяти шизофреников уверены, что их преследует дьявол, а восемь из десяти непременно используют метафору с маскарадом.

— Мало кто в наши дни, — ответил англичанин с механической и оттого отвратительной улыбкой, — способен видеть дальше кончика своего носа.

— Вероятно, у вас есть веские причины утверждать это, — заметил доктор.

— Вы психиатр? — резко спросил англичанин.

Вот оно, подумал доктор, та поразительная интуиция, или экстрасенсорное восприятие, которую часто проявляют такие типы.

— Я врач, — ответил он осторожно, — и в самом деле занимаюсь лечением душевных и нервных расстройств — но не так, как это принято в

традиционной психиатрии.

— Мне не нужен психиатр, — оскорбленным тоном сказал англичанин, игнорируя нежелание доктора принять этот ярлык.

— А кто сказал, что он вам нужен? — спросил доктор. — Видите ли, мой отец был священником, и мне просто интересно, почему вы так страстно верите в существование дьявола в наш просвещенный век, когда большинство образованных людей скорее согласится с мнением нашего циничного спутника, закрывшегося газетой.

Из-за газеты донеслось скептическое хмыкание.

— Вы когда-нибудь видели, как исчезает человек, буквально растворяется в воздухе? — спросил англичанин.

— Нет, — ответил доктор.

— Тогда не говорите, что мне нужен психиатр, — сказал англичанин. — Возможно, психиатр нужен этому миру... возможно, он нужен Господу Богу... но я — я уверен в реальности того, что видел своими глазами.

— Вы видели, как человек исчез во время представления иллюзиониста в цирке? — мягко поинтересовался доктор. — Это и в самом деле производит сильное впечатление. Теперь я понимаю, почему вы боялись, что вам никто не поверит.

— Вы смеетесь надо мной, — упрекнул его англичанин. — Я видел очень многое... и я знаю... заговор, который управляет всем. У меня были все доказательства, а потом они просто исчезли. Люди, почтовые ящики, все... все исчезло с лица земли в одночасье...

Одночасье, одночасье, одночасье: всем показалось, что колеса поезда подхватили ритм этого слова.

— Наверное, вы действительно пережили что-то ужасное, — сказал доктор. — Но, видимо, шок помешал вам хорошо запомнить подробности того, что с вами произошло?

Одночасье, одночасье, одночасье: продолжали выстукивать колеса.

— Я видел то, что видел, — твердо произнес англичанин, вставая. — Извините, — добавил он, выходя из купе.

Доктор посмотрел на русского, который все еще прятался за развернутой газетой.

— Вы ходили в Базеле на концерт Бетховена? — спросил он приветливо.

— У меня есть более важные дела, — ответил русский отрывисто и холодно, переверачивая страницу газеты и углубляясь в чтение с преувеличенным интересом.

Доктор сдался. Один умалишенный, другой невежливый: веселая же мне предстоит поездка, подумал он.

Англичанин вернулся с сонными глазами, скрючился в своем углу и вскоре уснул. Лауданум, или какой-то другой опиат, определил доктор. Что ж, это в лучшем случае острый невроз.

Одночасье, одночасье, одночасье: повторяли колеса. Доктор решил, что ему самому было бы неплохо вздремнуть.

Что-то резко вырвало его из полудремы; открыв глаза, он увидел, что русский непроизвольно сжимает его руку. Потом он услышал голос англичанина:

— Нет... нет... я не пойду в сад... нет, не надо... О Боже, Джоунз, эта тварь... перепончатые крылья... огромный красный глаз... Да поможет нам Бог, Джоунз...

— Он совершенно безумен, — заметил русский.

— Приступ острого беспокойства, — поправил его доктор. — Ему просто снится кошмар...

— По-по-подвяз... — пытался выдавить из себя англичанин во сне.

Русский смущенно отпустил руку доктора.

— Вы, верно, видите нечто подобное по несколько раз в день, сказал он. — А я к таким вещам не привычен.

— Да, мне приходится иметь дело с бредящими наяву, — сказал доктор. — Но они такие же люди, как мы, и тоже заслуживают сочувствия.

— Никто из его класса не заслуживает сочувствия, — с прежней холодностью произнес русский и отодвинулся в свой угол.

— Незримая Коллегия, — продолжал бормотать англичанин. Теперь его речь напоминала бессмысленную скороговорку шизофреника. — То появляется, то исчезает... растворяется прямо в воздухе... в воздухе прозрачном.

— Он говорит о тайном обществе семнадцатого века, — с удивлением заметил доктор.

— Даже Джоунз, — продолжал бормотать англичанин. — Он был, и его нет... О Боже, нет... я не хочу обратно в сад... За окном купе показались предместья Цюриха. Доктор наклонился вперед и осторожно прикоснулся к плечу англичанина.

— Это всего лишь сон, — негромко произнес он. — Сейчас вы проснетесь, и все ваши страхи исчезнут.

Англичанин резко открыл глаза. Его взгляд был полон ужаса.

— Вам снился кошмар, — сказал доктор. — Просто кошмар...

— Чуть всякая! — внезапно воскликнул русский, оставив свою безразличную холодность. — Вы поступите очень мудро, если забудете обо всех этих воображаемых демонах и будете бояться не дьявола, которого не существует, а растущего гнева рабочего класса.

— Это не сон, — сказал англичанин. — Они все еще преследуют меня...

— Молодой человек, — настойчиво продолжал доктор, — все ваши страхи существуют только в вашем внутреннем мире и не имеют ничего общего с миром внешним. Пожалуйста, постарайтесь понять это.

— Вы глупец, — сказал англичанин, — Для них не существует ни внутреннего, ни внешнего. Они входят в вас, когда им это необходимо. И они изменяют мир, когда им это необходимо...

— Они? — вкрадчивым тоном спросил доктор. — Вы имеете в виду Незримую Коллегию?

— Незримая Коллегия исчезла, — ответил англичанин. — Миром завладело Черное Братство.

— Цюрих! — прокричал кондуктор. — Конечная остановка! Цюрих!

— Послушайте, — сказал доктор. — Если вы остановитесь в Цюрихе, загляните ко мне, пожалуйста. Я уверен, что смогу помочь вам. — С этими словами он протянул англичанину свою визитную карточку.

Русский поднялся, что-то скептически проворчал и вышел из купе, ни с кем не попрощавшись.

— Вот моя визитная карточка, — повторил доктор. — Так вы зайдете ко мне?

— Да, непременно, — ответил англичанин и улыбнулся своей механически-неискренней улыбкой. Как только доктор вышел, он снова уставился в пустоту. Карточка выпала у него из рук и, несколько раз перевернувшись в воздухе, опустилась на пол купе. Мельком взглянув на

нее, он прочитал: д-р Карл Густав Юнг.

— Мне не нужен психиатр, — повторил он апатично. — Мне нужен экзорцист.

III

Кругленький Альберт Эйнштейн величаво выплыл из полумрака, царившего в пивном погребеке «Лорелея». В руках он осторожно держал бледно-желтый поднос, на котором, уравновешенные, возвышались две кружки пива.

На его гномьей фигурке смешно болтались мешковатые брюки и старый зеленый свитер, почти черный при слабом свете свечей, но темные волосы были аккуратно и даже не без шика причесаны, а усы стильно подстрижены.

— Уф, — сказал профессор Эйнштейн, чуть не столкнувшись и полумраке с другим посетителем, который тоже нес кружки с пивом.

Джеймс Джойс, изможденный и бледный, поднял голову и мутными голубыми глазами осмотрел темный зал и приближающегося коротышку Эйнштейна.

— Ха, — произнес он задумчиво, слишком пьяный для того, чтобы продолжать свою мысль.

Эйнштейн осторожно поставил янтарный поднос на грубый деревянный стол, за которым сидел Джойс. Прежде чем сесть, он сделал три веселых па под музыку, доносившуюся из угла пивной, где одноглазый рабочий играл на аккордеоне. Что-то неуловимо девическое в этих движениях поразило Джойса, и он снова произнес:

— Ха.

— Джим, отчего это вы вдруг затихли? — спросил Эйнштейн.

Он осторожно уселся, нащупав свой стул в почти полной темноте. Устроившись на стуле поудобнее, он с удовольствием отхлебнул красновато-коричневого пива. Джойс продолжал изучать его с приятной невозмутимостью амебы: поверженный Телемак.

— Вы пьяны? — продолжал допытываться Эйнштейн.

— Ирландец не пьян, — наставительным тоном объявил Джойс, — пока он способен скатиться по лестнице с четвертого этажа в угольный погреб и ничего себе при этом не сломать. Вообще-то я думал о лох-несском водяном змее. В сегодняшних газетах пишут о каком-то шотландце, лэрде¹ Боулскинском, который приехал сюда, чтобы лазать по горам. Когда репортеры спросили его об этом чудовище, он ответил: «Несси существует, и в этом нет никакого сомнения. Я сам видел ее несколько раз. Она почти ручная».

IV

— Что такое выбор? — спросил Джойс. — Он неизбежен, но именно поэтому вдвойне подозрителен.

Эйнштейн улыбнулся.

— Думая о том, что мы думаем о том, что мы думаем, мы сами загоняем себя в ловушку, — сказал он. — Сейчас объясню.

¹ Лэрд — титул помещика в Шотландии.

Он проворно и аккуратно нарисовал на салфетке прямоугольник и что-то быстро написал внутри него.

— Вот, — сказал он, протягивая Джойсу салфетку.

**Мы должны верить в свободу воли:
У нас нет иного выбора.**

Джойс рассмеялся.

— Вы совершенно правы, — сказал он, — А теперь я покажу вам, как из этой ловушки выбраться.

Он перевернул салфетку, начертил похожий прямоугольник и написал внутри него:

**То, что находится внутри этой рамки, известно.
То, что находится вне этой рамки, неизвестно.
Кто создал эту рамку?**

— Сначала мы говорили о социализме, — заметил Эйнштейн, — а теперь рискуем увязнуть в трясине солипсизма. Джим, скажите наконец без обиняков, что же, по-вашему, реально?

— Собачье дерьмо на улице, — быстро ответил Джойс. — Оно желто-коричневое и липнет к ботинкам, как домовладелец, которому ты должен за полгода. Солипсизм и прочая чепуха вылетает из головы, когда стоишь на обочине и пытаешься отчистить эту гадость со своей обуви. Le bon mot² Канбронна.

— О, еще один квантовый скачок, — произнес Эйнштейн и рассмеялся, — Кстати, известно ли вам, что Фрейд и Юнг создали целую научную теорию, пытаюсь объяснить эти разрывы в потоке сознания?

Нора, Станислаус: неужели они это делали? Лучше не думать об этом. Святой Иуда, покровитель братьев и влюбленных. Они это делали. Я знаю, что они это делали.

Подземелье в Сен-Жиле. Как там дальше?

Аккордеонист заиграл новую мелодию: Die Lorelei. Джойс наблюдал за неясными тенями, которые плясали на стенах пивной. За соседним столом раздался взрыв глуповатого хохота.

— Вероятно, это единственное место, где мы могли встретиться, — задумчиво произнес Джойс. — Жизнь выдающегося профессора Цюрихского университета нигде не пересекается с жизнью полунищего преподавателя иностранного языка из школы Берлина в Триесте, если только они оба не испытывают отвращения к буржуазному обществу и слабости к дешевым пивным. Кстати, большую часть своего образования я, как и Вийон, получил в дешевых барах и домах терпимости.

Приятели аккордеониста пьяными голосами затянули:

Ich weiss nicht was soll es bedeuten...³

— Эту песню любила моя мать, — печально заметил Эйнштейн. Мелодия воскресила в его душе яркие образы детства: поющая мать, Лорелея, красота

² Острота (фр.)

³ Я не знаю, что это значит (нем.).

и смерть в ее холодных и влажных объятиях.

В одночасье, в одночасье, в одночасье...

— Последний раз я был в Цюрихе, — сказал Джойс, мысли которого текли в другом направлении, — восемь или девять лет назад. Мы с Норой остановились в гостинице «Надежда», и это название меня немного приободрило. В тот год надежда была нужна мне как никогда. Сейчас мы остановились в той же гостинице, но ее по каким-то необъяснимым причинам переименовали в «Дублин» — а ведь так называется мой родной город... Может быть, это какой-то знак?

Из глубин подземелья в Сен-Жиле. Трам-тарарам на мили. Они это сделали. Разве я сторож брату моему?

— Нора ваша жена? — спросил Эйнштейн.

— Во всех смыслах, — с неожиданным пылом ответил Джойс, — исключая узкий юридический и устаревший церковный.

Они это сделали, я точно знаю. Совокуплялись, как кролики. Я знаю. Думаю, что знаю.

В споре, который разгорелся между Альбертом Эйнштейном и Джеймсом Джойсом в уютной старой пивной «Лорелея» в тот вечер, когда ветер фён достиг Цюриха, были затронуты самые разные и занимательные проблемы эпистемологии, онтологии, эсхатологии, семиотики, нейрологии, психологии, физиологии, теории относительности, квантовой физики, политологии, социологии, антропологии, эпидемиологии и (исключительно в силу нездорового интереса Джойса ко всякого рода извращениям) копрологии. В эпистемологии Джойс решительно защищал идеи Аристотеля, кумира Знающих, тогда как Эйнштейн выказал большую приверженность идеям Юма, кумира Незнающих. В онтологии Эйнштейн опасно приблизился к ультра-скептицизму, тогда как Джойс, бесцеремонно пренебрегая логикой и здравым смыслом, зашел еще дальше и начал отстаивать крайний агностицизм, пытаясь совместить аристотелевское утверждение «А есть А» с неаристотелевским утверждением «А есть А до тех пор, пока вы не начинаете присматриваться к нему достаточно пристально для того, чтобы заметить, как оно превращается в Б». В эсхатологии Эйнштейн упрямо придерживался гуманистической позиции, утверждая, что наука и разум значительно улучшили этот мир для большей части представителей вида Homo Sapiens; Джойс же саркастически заявил, что любой прогресс всегда сопровождается регрессом. Великие идеи Бруно и Хаксли, Зенона и Бэкона, Платона и Спинозы, Макиавелли и Маха летали над столом взад-вперед, словно шарики для пинг-понга. Собеседники по достоинству оценили словесный арсенал друг друга. Каждый увидел в другом отточенный и быстрый ум и понял, что вероятность полного согласия между столь разными натурами не выше, чем вероятность того, что в следующий вторник после обеда состоится конец света. Рабочие за соседним столом, до которых доносились обрывки этого спора, сочли спорящих чрезвычайно умными людьми, но если бы там был тот неприветливый русский с поезда, он назвал бы их обоих презренными представителями мелкобуржуазного субъективизма, декадентского империалистического идеализма и додиалектического эмпириокритицизма.

Голоса рабочих воскресили в душе Джойса его собственный образ Лорелеи: бездонные черные глаза, рыбий хвост, чешуя. Как сирены у старины Гомера. Она причесывает свои блекло-желтые полосы, выше талии — стыдливость и целомудрие, ниже талии — сущий ад. Плывут к скалам, соблазненные песнями, зачарованные музыкой. Удар, корабль резко

накреняется и уходит под воду. Сначала слышны крики, потом наступает абсолютная тишина. Водоворот, пустота. В безжалостном небе носится чайка.

Змеиная голова, поднимающаяся из озера: вкусите, и будете, как боги.

Подслеповато вглядываясь в темноту и помогая себе тростью, Джойс очень осторожно, но с достоинством приблизился к стойке и жестом попросил еще пива. Он мрачно посмотрел на свое отражение в зеркале; прямо над ним раскинул крылья огромный бронзовый орел.

Вот, почти вспомнил. Из глубин подземелья в Сен-Жиле — страшный крик разнесся на мили. Трам-трам-трам-тарарам. Черт, никак не могу вспомнить.

Задребезжали оконные стекла: фён гуляет по улицам Цюриха.

Когда Эйнштейн наконец вернется из туалета? Мочевой пузырь: сложная воронка. Если во мне продолжает жить студент-медик, то живут и священник, и музыкант. Святой Джеймс из Дублина, покровитель кадил, катетеров и кантат. Почему бы и нет, ведь моя проза всегда получается одновременно музыкальной, литургической и клинической.

Ага, вот и зеленый свитер Эйнштейна.

— Ну что ж, Джим, — сказал Эйнштейн, не садясь на свое место, — мне кажется, на сегодня хватит.

— А может, еще по кружке? — с надеждой предложил Джойс.

— Ein stein⁴, Эйнштейн?

Эйнштейн грустно покачал головой.

— Мне завтра утром на занятия.

— Надеюсь, мы еще встретимся, — сказал Джойс, сделав попытку учтиво приподняться со своего стула. — Я бесконечно благодарен вам за идею квантового языка. Возможно, она станет ключевой в том огромном романе, который я все пытаюсь начать...

— Не знаю, можно ли применить квантовую физику к языку, — сказал Эйнштейн, — но рад, если хоть чем-то вам помог. Для меня этот разговор был не менее интересным и полезным.

Внезапно косо висящая входная дверь распахнулась под чьим-то мощным толчком, и Джойсу пришлось быстро отступить, чтобы избежать столкновения.

Неуклюже пошатываясь, в пивную ввалился привлекательный, но чем-то ужасно расстроенный молодой человек. Мертвенно-бледное лицо и сумасшедший взгляд говорили о том, что на его долю выпало какое-то ужасное испытание, какой-то чудовищный страх, с которым не в силах совладать слабый человеческий ум. Все в зале замерли. Хотя незнакомец был одет как настоящий английский джентльмен, не стесненный в средствах, в руках у него был дешевый желтый чемодан. Судя по жутковатому смешку, который вырвался у него, когда он отчаянно пытался справиться с истерикой, в этом чемодане мог быть яд, клубок кобр или человеческие головы. В пивную вполз почти осязаемый страх, который заставил утихнуть веселую полупьяную компанию. Аккордеонист перестал играть и опустил аккордеон. «Что предсказывает это вторжение?» — одновременно подумали все, и каждый получил неожиданный и ужасный ответ: «Только сумасшедший может быть абсолютно уверен в чем-либо». В каждой тени на ступах этого сырого и древнего погребка раскрылись грешные и вечные

⁴ Ein stein (нем.) — здесь: одна кружка.

секреты забытых эпох и мрачные пропасти богохульной некромантии. Дверь металась на ветру, словно потревоженный дух, зловеще поскрипывая. В зале послышался какой-то странный, почти неразличимый шелест.

Дорогая одежда с Бонд-стрит: явно англичанин и при деньгах.

Широко раскрытые голубые глаза Джойса внимательно следили за тем, как незнакомец с изможденным лицом, больше похожим на девичье, неуверенно шел к стойке бара. Дориан Грей, дошедший до предела. Настоящий страх.

— Виски, — потребовал молодой англичанин на своем родном языке и неуверенно добавил — *bitte*...

Внезапно его взгляд затуманился, глаза закатились, и он грузно рухнул на пол. Все в зале вздрогнули.

Та ночь, когда я напился до беспамятства и упал на Тайрон-стрит, а Хантер помог: все повторяется.

Джойс прислонил свою трость к стойке бара и, опустившись на колени, приложил ухо к груди англичанина. Не зря просиживал штаны в медицинской школе. Послушал, посчитал: сердце бьется ровно и не слишком быстро. Пульс частый, но в пределах нормы. Сильный испуг.

Вот, сейчас он придет в себя.

Англичанин открыл глаза и испуганно уставился на Джойса.

— *Mein herr*, — прошептал он, хватая ртом воздух. — *Ich*, э-э-э...

— Не утруждайте себя, — быстро сказал Джойс, — я говорю по-английски.

В наступившей тишине ботинки Эйнштейна простучали по деревянному полу неожиданно гулко, словно копыта быка. Джойс обернулся.

— Что с ним стряслось? — спросил Эйнштейн. — Это серьезно?

— Нет, он просто очень сильно напуган, — ответил Джойс.

Англичанина била дрожь.

— От самого Лох-Несса, — хрипло вымолвил он, — Через всю Европу до этой самой двери.

— Вам не следует напрягаться, — повторил Джойс. Лох-Несс. Совпадение?

Оно преследовало меня до этой двери, — снова пробормотал англичанин. — Оно на улице... ждет...

Вы чем-то напуганы, — рассудительно произнес Джойс. — поэтому ваши мысли пришли в беспорядок. Отдохните еще минутку, сэр.

— Вы не понимаете, — с жаром воскликнул англичанин, — прямо за углом... возле железнодорожной колеи.

— И что же вы там увидели? — спросил Джойс, вспоминая методы Гогарти⁵: мягкость, рассудительность, спокойствие. Англичанина по-прежнему трясло, как в лихорадке.

— Если бы вы были англичанином, вы, скорее всего, сочли бы меня сумасшедшим. — сказал он. — Но вы ирландец, значит у вас есть воображение, не так ли? Сумерки кельтов. *Merde*.⁶

— Да, — терпеливо согласился Джойс. — Расскажите мне, что вы видели.

⁵ Гогарти, Оливер Сент-Джон (1878 — 1957) — ирландский прозаик и поэт, хирург по профессии, друг Джойса.

⁶ *Дерьмо* (фр.); восклицание досады.

— Прямо за этой дверью, на Банхофштрассе, меня поджидает один из демонов ада.

Одноглазый аккордеонист опустился на колени рядом с ними.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросил он по-немецки.

— Да, — ответил Джойс. — Помогите ему подняться и добраться до стула. Он уже может сидеть. Я выйду на улицу.

— На него напали бандиты? — спросил аккордеонист. — Мы с друзьями можем пойти с вами...

— Нет, — сказал Джойс, — Мне кажется, на него напало его воображение. Но мы с другом все-таки выйдем и проверим.

В этот поздний час Банхофштрассе, освещенная слабым желтоватым светом газовых фонарей, была почти безлюдной. В полуквартале от пивной стоял безлошадный экипаж, или автомобиль, как его называют итальянцы. Он и в самом деле оказался итальянским: FIAT — Fabbrica Italiana di Automobili di Torino. Пресловутая романская любовь к кодам и акронимам. MAFIA — Morte Alla Francia Italia Anelia⁷. INRI — величайшая из загадок.

Фён усиливался — горячий, отвратительный и липкий, как поцелуй вурдалака. Джойс подслеповато огляделся. На одной стороне Банхофштрассе — готические фасады крупных банков: управляющие бумажками, которые управляют континентами. Всемирная система ростовщичества, как сказал бы Такер. На другой стороне — железная дорога, давшая улице ее название⁸: параллельные линии, которые перспектива сводит в теоретической бесконечности. Джойс прищурился и внимательно посмотрел сначала направо, потом налево. Небо разорвал удар грома, и он невольно вздрогнул.

Улица была совершенно пуста. Чистая, как швейцарский темперамент, и никаких ответов. Демон, которого увидел англичанин, существовал только в его голове.

Стоп, а что это там лежит — в арке, под фонарем? Джойс шагнул вперед, нагнулся и поднял с тротуара какой-то предмет, слабо светившийся в темноте. Это была театральная или маскарадная маска Сатаны, с красными рогами и козлиной бородой.

— Наверное, чья-то злая шутка, — предположил Эйнштейн.

В двери пивной появился англичанин, все еще бледный, но уже не такой растерянный.

— Итак, джентльмены, — сказал он, — вы, конечно же, ничего не нашли и считаете меня сумасшедшим.

Джойс улыбнулся.

— Напротив, — сказал он. — Мы тут кое-что нашли и далеки от того, чтобы считать вас сумасшедшим.

Он протянул англичанину маску.

— Боюсь, вы стали жертвой какого-то жестокого шутника.

Англичанин подошел и взглянул на ухмыляющуюся маску. На его лице не выразилось ни малейшего облегчения.

— О, это гораздо более жестокая шутка, чем вы можете предположить, — сказал он наигранно беспечным тоном, — Три человека уже умерли ужасной смертью. По-вашему, это смешно, сэр?

⁷ «Смерть французам — вот клич Италии!» (ит.)

⁸ Bahnhof (нем.) — вокзал.

Вечный искушитель: змей выбрался из озера Лох-Несс, пересек Европу и достал меня здесь.

Злобных теней миллионы
Строятся, как на парад.
Как тростинка, разум сломан:
Сатанинский Маскарад.

Откуда эти строки? Не из Блейка, это точно. Может, из какой-то древней баллады? Но послушаем: он, кажется, что-то говорит.

— Три человека уже умерли, — повторил англичанин. — И теперь я уверен в том, что стану четвертым.

В январе палата общин приняла гомруль⁹ для Ирландии, в марте палата лордов его отменила. Теперь остался только один выход — революция. Стрельба на улицах, женские крики, мертвые дети, Кровавая Война. Кошмар, от которого я стараюсь пробудиться. Да, и еще слова отца: «Джимми, сынок, никогда не доверяй трем вещам: копыту лошади, рогу быка и улыбке англосакса». Еще одна сеть, в которую я не должен угодить. Этому парню нужна помощь. Лучшее лекарство от угрызений совести — сострадание.

Фён, ведьмин ветер, швырял нездоровый, застоявшийся воздух прямо в лицо.

— Позвольте мне помочь вам, — предложил Джойс.

Шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам... Привез его в гостиницу. Может быть, у меня даже найдутся два динария.¹⁰

— Да, — поддержал его Эйнштейн, — позвольте нам помочь вам.

V

Сэр Джон Бэбкок родился 23 ноября 1886 года — единственный ребенок сэра Джеймса Фенвика Бэбкока, некогда уважаемого биолога, который к тому времени оказался на задворках науки вследствие того, что осмелился открыто предпочесть учению Дарвина еретическую теорию эволюции Ламарка. Матерью сэра Джона была леди Кэтрин Грейсток-Бэбкок. Судя по сохранившимся дневникам и письмам, эта женщина славилась своей живостью и остроумием, была отличной хозяйкой и последовательно отстаивала научную ересь своего мужа.

В 1897 году сэр Джеймс и леди Кэтрин были убиты в Африке, куда отправились путешествовать вместе с лордом Грейстоком, сумасбродным кузеном леди Кэтрин. Так в возрасте одиннадцати лет сэр Джон осиротел. Забота о мальчике легла на его дядю, врача Бостика Бентли Бэбкока, который был широко известен в медицинских кругах тем, что первым применил эфир для наркоза. Доктор Б. Б. Бэбкок, в отличие от своего брата, был убежденным дарвинистом и атеистом, а также неумолимым защитником философии Герберта Спенсера. Некоторые считали, что такому рационалисту и вечному холостяку, как доктор Бэбкок, ни за что на свете не удастся вырастить и воспитать чужого ребенка. Очевидно, добрый доктор в глубине

⁹ Гомруль (англ. Home Rule) — программа самоуправления Ирландии в рамках Британской империи.

¹⁰ См. Лук. 10: 30-35.

души разделял это мнение, так как нанял целую армию няnek, гувернанток, слуг и прочих доверенных лиц, каковой армией и отгородился от всех проблем, связанных с воспитанием племянника, вступающего в период полового созревания.

Доктор Бэбкок скончался от внезапного сердечного приступа 16 июня 1904 года, когда восемнадцатилетний сэра Джон мучительно и болезненно заканчивал свой последний год в Итоне. Семейный адвокат объяснил сэру Джону, что тот не только стал единственным владельцем двадцати тысяч акров земли, но и унаследовал два крупных состояния, которые, будучи вложенными в дело, должны были приносить ему около четырех тысяч фунтов в год. Таким образом, ему не пришлось заботиться о своем пропитании и пачкать руки таким богомерзким для любого цивилизованного англичанина занятием, как зарабатывание себе на жизнь.

Сэр Джон был стройным юношей с красивым нервным лицом. В школе и колледже он неизменно становился козлом отпущения и жертвой всех дурацких шуток. Товарищи называли его не иначе, как «тихоней», «зубрилой» или «чудаком». Счастливым он чувствовал себя только тогда, когда блуждал в одиночестве по самой густой части леса в унаследованном поместье, наслаждаясь «зелеными мыслями», как выразился Эндрю Марвелл¹¹. Иногда, особенно в те часы, когда предзакатное солнце играло своими красновато-золотыми лучами на изумрудно-зеленых ветвях, ему казалось, что перед ним вот-вот отворится дверь в иной мир. Он почти различал быстрые и в то же время робкие движения дриад, запах серы и сандалового дерева, поднимающийся из скрытых в толще земли огромных пещер троллей. В эти волшебные моменты он грезил, что завеса вот-вот приподнимется, в лесной дымке возникнут неясные очертания средневекового замка, раздастся протяжный звук грубы и позовет его в мир романтики и волшебства, опасностей и триумфа.

Однажды он поймал полевую мышь и долго смотрел в ее испуганные глазки, с ужасом размышляя о том, что одним ударом камня может оборвать ее жизнь так же быстро и бессмысленно, как были оборваны жизни всех, кого он любил. Он был напуган не тем, что в его голове возникают такие жестокие фантазии, и даже не тем, что какая-то первобытная сила внутри него побуждала его совершить убийство, познать ужасную радость сознательного греха. Он был напуган метафизически: знанием собственной силы, тем фактом, что убийство возможно, что жизнь так хрупка и ее так легко оборвать. Ароматы розы и клевера, изумрудные и бирюзовые тени деревьев, первобытная красота природы — все это внезапно напугало его, ибо он увидел, что за всем этим стоит лишь смерть и любовь к убийству. Он отпустил мышь — «зверек проворный, юркий, гладкий»¹², процитировал самому себе, — и долго смотрел, как она убегала прочь. Он почувствовал тот же страх, который чувствовала мышь, в одно мгновение увидел глазами Бентли Бэбкока и Чарльза Дарвина миллиарды лет борьбы за выживание и наконец-то дал волю слезам, которые глупость и застенчивость помешали ему выплакать на похоронах дяди. Почувствовав себя трижды осиротевшим, хотел было проклясть Бога и умереть, как жена Иова, но не осмелился.

¹¹ Марвелл, Эндрю (1621 — 1678) — английский поэт, политический и государственный деятель.

¹² Роберт Бернс, «Полевой мышь, гнездо которой разорено моим плугом» (пер. С. Маршака).

Тот момент остался в его памяти навсегда, и однажды, много месяцев спустя, когда один из преподавателей, зная его блестящие способности и сочувствуя его одиночеству, попросил его прочесть любимые строки из Шекспира, сэр Джон немедленно процитировал — как вы думаете, что? Нет, не «Быть или не быть», и не «Завтра, завтра, завтра», а мрачное место из «Лира»:

Как мухам дети в шутку,
нам боги любят крылья обрывать.¹³

Преподаватель был настолько удручен отчаянием, прозвучавшим в голосе сэра Джона, что счел его «безнадежным случаем» и больше никогда не пытался говорить с ним по душам.

Но сэр Джон также знал, что боги, или слепые безличные силы мира естественного отбора Дарвина и дядюшки Бентли, так же бесстрастно, как они лишили жизни его мать, отца и дядю, наделили его материальным богатством, которое считается великим благословением в мире, где три четверти населения отчаянно борются за выживание и где большинство рабочих умирает без зубов и без сил, не дотянув и до сорока, растратив все свое здоровье на мрачных Мельницах Сатаны, заклеянных еще Вильямом Блейком. Тем не менее, все знали, что без этих Мельниц невозможен Прогресс и что до появления электричества участь большинства людей была еще более плачевной. Сэру Джону было очень трудно понять все это. Еще труднее ему было понять, чего мир хочет от него и какую роль он ему уготовил, если уготовил вообще. Его мудрствования были в самом разгаре, когда их неожиданно прервало событие, потрясшее весь мир, — убийство Плеве, министра внутренних дел России. Оно стало еще одним звеном в длинной цепи бессмысленных и зверских убийств. Сэр Джон слышал, как одни говорили о том, что в мире воцаряется жестокость и беззаконие, а другие, причем с еще большим страхом, — о том, что за этими чудовищными убийствами стоит какой-то всемирный заговор.

Пять лет спустя, в 1909 году, сэр Джон с отличием окончил колледж Святой Троицы. В том году мир снова содрогнулся — убили японского принца Ито. Вновь все начали рассуждать о всемирном заговоре и тайных обществах (одни утверждали, что всему виной сионисты, другие клеймили иезуитов), но к тому времени все эти разговоры стали для сэра Джона не более чем посторонним шумом, так как душой и сердцем он уже был в другом мире, точнее, сразу в двух мирах — истории и мифологии, хотя сэр Джон и отказывался признать разницу между ними. Он влюбился в мертвый мир, который, в отличие от реального, не мог причинить ему боль и в то же время был полон загадок и очарования.

Примерно в это же время сэр Джон прочел утопию лорда Эдуарда Бульвер-Литтона «Вриль, сила грядущей расы» и был совершенно зачарован, причем не только перипетиями сюжета, но и познаниями автора в оккультизме и политической психологии. Наибольшее впечатление на сэра Джона произвело то, что лорд Бульвер-Литтон, в отличие от Брэма Стокера, не придумывал оккультные подробности и не заимствовал их из народных сказок; судя по всему, он отлично разбирался в средневековой каббалистике

¹³ В. Шекспир, «Король Лир», Акт IV, Сцена 1 (пер. Б. Пастернака).

и учении розенкрейцеров. В течение следующих трех месяцев сэр Джон купил и с возрастающим интересом прочел все остальные книги лорда Бульвер-Литтона — «Реинци», «Последние дни Помпеи», а также другие романы стихи, пьесы, эссе и даже сказки. Его очень удивило, что этот огромный вклад в литературу был сделан всего одним человеком, который к тому же выпускал ежемесячный журнал, был членом парламента и одним из главных советников Дизраэли.

Сэру Джону, как и сотням тысяч других читателей, которые помогли Бульвер-Литтону стать одним из самых популярных писателей девятнадцатого века, не давал покоя вопрос, в той или иной форме присутствовавший во всех этих книгах: Если оккультные знания имеют под собой реальную и прочную основу, следует ли верить в то, что розенкрейцеры до сих пор существуют и управляют таинственной силой вриль, которая может превратить людей в сверхлюдей?

В свои двадцать четыре года сэр Джон был романтически, болезненно и, конечно же, ошибочно убежден в том, что между ним и его сверстниками существует непреодолимая эмоциональная пропасть. Денежные дела вызывали у него отвращение и скуку (он унаследовал достаточно денег для того, чтобы ни в чем себе не отказывать); такие же чувства вызывала у него слабая и мягкотелая англиканская церковь — единственное поле для деятельности и строительства карьеры, которое одобрила бы его семья. Итак, ему оставалось только учиться и заниматься научными исследованиями. Но и эта стезя его не привлекала, так как он считал себя слишком особенным, бунтующим человеком (конечно, этот бунт не выходил за рамки хорошего вкуса, морали и британского здравого смысла; он все еще был девственником, так как проституток считал жертвами социальной эксплуатации, которая вызывала у него возмущение, а искать расположения благородных дам ему казалось неприличным, да он и не знал, как это делать). Что еще хуже, он был преисполнен решимости противостоять пагубному влиянию свалившейся на него огромной независимости (а именно это слово он предпочитал употреблять вместо слова «наследство») и менее всего хотел стать прожигателем жизни и мотом. В конце концов он решил писать книги; пусть даже никто не станет их читать, его это не волновало. Он еще не нашел свою душу, но у него, по крайней мере, уже была своя роль; он был «ученым мужем в роду Бэбкоков».

В колледже сэр Джон изучал средневековую историю и языки Ближнего Востока. Выпускная работа, в которой он исследовал влияние Каббалы на средневековые оккультные общества, оказалась настолько глубокой и удачной, что он решил издать ее отдельной книгой под названием «Тайные вожди». Нельзя сказать, что эта книга была замечена широкой общественностью, но в нескольких изданиях все же появились краткие отзывы, большинство из которых носило в целом благоприятный характер. Самым нелестным среди них была статья некоего профессора Ангуса Макнотона, опубликованная в «Историческом журнале» Эдинбургского университета. Профессор упрекал сэра Джона в «чрезмерном романтизме и пылкости ума, которые позволили молодому автору предположить, что некоторые из описываемых им тайных обществ продолжают существовать в наш просвещенный век — идея, которой место скорее в книгах лорда Бульвер-Литтона, чем в работе, претендующей на историческую точность».

Подобно другим молодым авторам, Бэбкок расценивал любую критику в свой адрес как смертельное оскорбление. Ему было ужасно досадно оттого,

что беллетристическое происхождение его идей так легко разоблачили. Он три раза переписывал длинное письмо профессору Макнотону, в котором доказывал безупречную точность всех приведенных в своей книге фактов; окончательный вариант он отправил в «Исторический журнал», сопроводив его пятью страницами ссылок и примечаний, составленных с преувеличенной точностью. Письмо опубликовали, но вместе с язвительным ответом Макнотона, который начинался так: «Люди, на которых юный мистер Бэбкок ссылается в своей работе, так же впечатлительны и незрелы, как он сам». Далее профессор доказывал, что ни одно из существующих ныне обществ, называющих себя масонскими или розенкрейцерскими, не может документально подтвердить свою связь с одноименными обществами, существовавшими в средние века. (В этом смысле наиболее выгодное положение было у шотландского масонства, историю которого можно было проследить вплоть до 1723 года.) Затем следовало еще несколько ядовитых замечаний, и в конце злобный профессор называл веру сэра Джона в то, что за фасадом «вольных каменщиков» скрываются какие-то могущественные тайные общества, «странной, сомнительной и скороспелой».

По мере того, как сэр Джон читал этот ответ, его негодование нарастало, и он то и дело вскрикивал: «Шотландская собака!» и «Проклятье!». Он окончательно вышел из себя, когда его опровержение, содержащее уже семнадцать страниц ссылок и заумных комментариев (в том числе и тщательно продуманный выпад — фразу, в которой он неявно относил профессора Макнотона к «людям, которые предпочитают конструктивной дискуссии вульгарные аллитерации»), было возвращено университетским издательством с коротким объяснением, что «Журнал», в силу своего ограниченного объема, не имеет возможности публиковать бесконечные споры по такому совершенно незначительному поводу.

Этим малоутешительным для сэра Джона эпизодом все могло бы и закончиться, если бы не вмешалась таинственная третья сила.

Некто Джордж Сесил Джоунз из Лондона написал сэру Джону письмо, в котором одобрительно отзывался о первом письме сэра Джона в «Исторический журнал» и уверял его в том, что все его теории абсолютно верны, хотя для их полного доказательства и не хватает некоторых исторических документов. «Подлинная традиция каббалистического масонства, — утверждал в своем письме Джоунз, — все еще жива в некоторых ложах, особенно в Баварии и Париже. И даже в Лондоне, причем всего несколько лет назад, существовала ложа, члены которой обладали истинными тайными знаниями».

Сэр Джон незамедлительно отправил мистеру Джоунзу в высшей степени учтивое ответное письмо, в котором между прочим интересовался, что еще тому известно о масонской ложе в Лондоне, якобы унаследовавшей учение и традиции Незримой Коллегии Креста и Розы (основанной суфийским мудрецом Абрамелином, который через Авраама передал свое учение Христиану Розенкрейцу, который похоронен в Пещере Иллюминатов, которая, согласно исследованию сэра Джона, находится где-то в Альпах, что бы ни утверждал по этому поводу чертов шотландец Макнотон).

Через неделю сэр Джон получил ответ — не менее учтивое письмо, в котором Джоунз предлагал встретиться в Лондоне и обсудить все волнующие сэра Джона вопросы за ужином «в благоприятной обстановке, где им никто не сможет помешать».

Сэр Джон написал, что будет в Лондоне в следующий четверг.

Следующая неделя была дождливой, и в поместье Бэбкоков царил сырость, поэтому сэр Джон не выходил из дома и большую часть времени провел в своей библиотеке, вчитываясь в старинные герметические и розенкрейцерские трактаты и ломая голову над загадочными словами и фразами тех, кого он считал посвященными в тайное учение каббалистической магии. Он перечитал «Алхимическую свадьбу Христиана Розенкрейца», эту странную смесь христианских и египетских аллегорий; енохианские тексты, которые доктор Джон Ди якобы получил от некоего сверхчеловеческого существа в эпоху Елизаветы I; полного загадок и тайн «Торжествующего зверя» Джордано Бруно, а также книги Бэкона, Людвига Принна и Парацельса. Снова и снова он встречал явные или скрытые упоминания о загадочной Незримой Коллегии, состоящей из Тайных Вождей — достигших просветления мужчин и женщин, которые будто бы тайно вершат судьбы мира. Снова и снова он спрашивал себя, стоит ли этому верить.

За эти несколько дней сэру Джону по меньшей мере три раза снилась его будущая встреча с Джоунзом, причем в мельчайших подробностях. В этих снах Джоунз неизменно предстал перед ним в остроконечной шапке средневекового мага и мантии с орденом Святого Георгия, на котором были выгравированы какие-то необычные астрологические знаки. Он вел сэра Джона вверх по темному холму к странному и рассыпающемуся от старости готическому сооружению, которое представляло собой нечто среднее между аббатством и замком. Это зловещее сооружение (и сэр Джон понимал это даже во сне) было чем-то вроде ожившей книжной иллюстрации — одновременно и Башней Погибели из легенд о Священном Граале, и Темной Башней, к которой направлялся Роланд. Как ему было известно из легенд и сказаний, внутри этой башни были собраны все его страхи. Он знал, что должен пройти ее, чтобы получить то, к чему стремится каждый розенкрейцер: Философский Камень, Эликсир Жизни, Лекарство для Металлов, Истинную Мудрость и Совершенное Счастье. Но всякий раз, как только дверь башни отворялась перед ним и оттуда доносилось жужжание, напоминающее жужжание мириад гигантских пчел, он тотчас же просыпался от страха.

Однажды ему приснился сам доктор Джон Ди — придворный астроном Елизаветы I и величайший математик своего времени, который утверждал, что постоянно общается с духами и ангелами. Со словами: «Три-пять-восемь, отведай просим», Ди протянул ему «ягоду утешения» — магический плод, дарующий бессмертие. Ягода эта воняла экскрементами и была отвратительной как на вид, так и на ощупь. Сэр Джон уже было собрался отказаться, но тут из-за спины Ди появилась неприлично обнаженная женщина с головой коровы и торжественно произнесла: «Игнац еще никому не повредил», и все они вдруг снова оказались перед распахнутыми дверями Башни Погибели, внутри которой кишели насекомые. Сэр Джон проснулся в холодном поту.

Во всех известных ему легендах говорилось, что через Башню Погибели может пройти только тот, кто храбр и чист душой. Это отнюдь не воодушевляло сэра Джона, ибо он, подобно многим склонным к рефлексии молодым людям, чересчур глубоко анализировал собственные страхи и поэтому подозревал себя в крайней робости и трусости. Что касается душевной чистоты, ему казалось, что и здесь ему нечем гордиться: его постоянно обуревали греховные фантазии, хотя ему почти всегда удавалось

обрывать их прежде, чем в его воображении возникали самые худшие и не поддающиеся словесному описанию подробности во всей их похотливой и греховной соблазнительности. Даже когда водоворот плотских желаний захватывал его целиком и непристойные образы с абсолютной четкостью вырисовывались в его воображении, он не позволял себе задерживаться на них и наслаждаться ими, какими бы вождеденными они ни были. К сожалению, иногда — впрочем, очень редко, так что это были скорее исключения, — он все же терял контроль над собой. Чувство вины за эти досадные срывы лежало тяжелым бременем на его совести и (так он думал) никогда не позволило бы такому двуличному и слабохарактерному человеку, как он, приблизиться к Башне Погибели.

Так или иначе, все эти башни, маги и бесстрашные герои относились скорее к миру легенд, чем к реальному миру; о них было приятно мечтать, но только сумасшедший стал бы серьезно разговаривать с людьми, которые верят (или утверждают, что верят), что побывали в Башне Погибели и вернулись так же быстро и легко, как будто бегали в табачную лавку на соседней улице...

Наступила среда. Сэр Джон окончательно извелся от неопределенности, чему в немалой степени способствовало одиночество, и в конце концов решил съездить к своему дяде, виконту Грейстоку. Он велел Дорну, егерю Бэбкоков, подготовить экипаж и после обеда отправился в усадьбу Грейстоков, которая находилась всего в трех милях от его дома. Хотя у виконта Грейстока уже кое-где пробивалась седина, он был еще очень крепким мужчиной и отличался чрезвычайно практическим складом ума. По общему мнению, он был наиболее богатым и наименее эксцентричным из всех Бэбкоков и Грейстоков. С трудом вытерпев неизбежную в таких случаях светскую беседу ни о чем, сэр Джон наконец задал мучивший его вопрос:

— Как вы думаете, сэр, существуют ли в наше время тайные общества, ложи или братства, которые сохранились со времен средневековья и владеют древними оккультными или мистическими знаниями, недоступными обычным людям?

Грейсток задумался и с полминуты сосредоточенно молчал.

— Нет, — ответил он наконец. — Если бы такие общества существовали, мне, без сомнения, было бы о них известно.

Обратный путь сэр Джон проделал в глубокой задумчивости. Возраст и Мудрость сказали свое слово, но на то она и Молодость, чтобы не доверять ни тому, ни другому. На следующее утро он встал пораньше, чтобы успеть на первый поезд в Лондон. Сэр Джон доверял только своим знаниям и интуиции, а они подсказывали ему, что такие общества на самом деле существуют, и единственный способ доказать это — лично найти их и лично выяснить, что они могут предложить, кроме заклинаний на искаженном древнееврейском языке и мудреных тайных рукопожатий.

В углу купе лежала забытая кем-то газета. Газета оказалась американской, что само по себе было очень любопытно, вдобавок она была раскрыта на странице с комиксами. Сэр Джон никогда не понимал этого странного жанра, но все же взглянул на картинки — исключительно из праздного любопытства. Его взгляд задержался на одной из комических серий: злобный мышонок Игнац все время швырял кирпичи в кота Крэзи. Как ни глупо, коту это явно нравилось и каждый раз, когда кирпич бил его по голове, он удовлетворенно рывкал: «Дорогуша, ты мне всегда верный!». Жуткий американско-еврейский жаргон. Сэр Джон содрогнулся. Все это было

отнюдь не смешно и скорее похоже на неприкрытую пропаганду садизма. Или мазохизма? Или и того, и другого сразу? В любом случае, это было дурное предзнаменование...

VI

Сэр Джон прибыл в Лондон около одиннадцати часов утра и решил посидеть несколько часов в Британском Музее, чтобы просмотреть кое-какие материалы о масонстве и как следует подготовиться ко встрече с Джоунзом.

В одном алхимическом трактате елизаветинских времен он — конечно же, это было чистой воды совпадение — наткнулся на длинное аллегорическое стихотворение, которое странным образом перекликалось с его настроением, если вспомнить, что он настойчиво искал встречи с людьми, коим подвластны оккультные силы. Одна строфа этого стихотворения не выходила у него из головы, пока он ехал в экипаже в «Симпсон-кафе-диван», где они с Джоунзом договорились встретиться. Казалось, даже цоканье копыт повторяло навязчивый рефрен:

Ты не верь своим глазам
Ни на солнце, ни в тени:
Краски, формы — все обман,
Маскарад у Сатаны.

Когда экипаж поравнялся с театром «Савой», сэр Джон увидел, что труппа Д'Ойли-Карта опять дает «Пейшенс». Он с усмешкой вспомнил песенку Банторна:

И если чересчур глубок для меня смысл его речей,
Должно быть, этот юноша — и впрямь мудрец и
книгочей!

Этот шуточный куплет стал для сэра Джона освежающим глотком скептицизма и британского здравого смысла. Когда экипаж остановился у «Симпсон-кафе», он уже совершенно успокоился и был готов ко встрече с таинственным Джоунзом.

Мистер Джордж Сесил Джоунз оказался полным и дружелюбным джентльменом, к тому же превосходно разбирался в винах. На нем был приличный костюм, а не мантия и остроконечная шапка, он с большой любовью говорил о своих детях и по профессии был химиком-технологом. Сэр Джон, который опасался увидеть полусумасшедшего фанатика с подернутыми дымкой глазами, сразу же почувствовал к Джоунзу приязнь и доверие.

На вид Джоунзу было около сорока, но он разговаривал с сэром Джоном как с равным, ничем не выказывая своего превосходства в возрасте. Титул сэра Джона не произвел на него особого впечатления. Сэр Джон решил, что перед ним совершенно обычный англичанин средних лет, для которого важнее всего здравый смысл и приличия. Тем не менее, ему потребовалось немало времени и усилий, чтобы вытянуть из Джоунза хоть что-нибудь о Незримой Коллегии.

— Поймите же, сэр Джон, что подобные вещи окружены страшными тайнами, а те, кто в них посвящен, дают Обет Тайны, — в конце концов

доверительно сообщил ему Джоунз. — Все эти предосторожности кажутся совершенно бессмысленными в наш свободный и просвещенный век, — простите мне мой иронический тон — но они часть традиции, которая восходит еще ко временам Святой Инквизиции, когда за любое неосторожное слово можно было поплатиться головой.

Сэр Джон, поощренный откровенностью Джоунза, с юношеской прямоотой спросил:

— Полагаю, сэр, вы тоже связаны подобным Обетом?

— Боже милосердный! — воскликнул Джоунз, скорее развеселившись, чем обидевшись. — О таком нельзя спрашивать на первой встрече. Если хотите открыть дверь, ведущую к Таинству Таинств, вы должны вести себя, как терпеливый рыбак, а не как бойкий репортер.

Он невозмутимо продолжил атаковать свой филе-миньон, как будто только что произнесенные им слова не были равносильны признанию. Сэр Джон понял, что его проверяют — определяют, на какой ступеньке эволюционной лестницы он находится.

— Читали ли вы мою книгу о Каббале? — спросил он, пытаясь приблизиться к волновавшему его вопросу окольными путями. — Или только письма в «Историческом журнале»?

— О, я читал вашу книгу, — ответил Джоунз, — Ни за что на свете не отказался бы от такого удовольствия. На мой взгляд, в этом мире нет ничего более захватывающего и прекрасного, чем книга о Каббале, написанная молодым человеком, который знает об этом древнем учении только понаслышке.

Сэр Джон почувствовал издевку в словах Джоунза, но ответил просто:

— В то время я всего лишь старался установить историческую истину, поэтому практический опыт меня не интересовал.

— А что же теперь? — спросил Джоунз, — Хотите ли вы на своем личном опыте узнать, что в действительности представляет собою Каббала?

— Возможно, — небрежно ответил сэр Джон, чувствуя себя бесстрашным героем лорда Байрона. — Больше всего я хочу доказать, что средневековые тайные общества существуют и поныне — доказать так, чтобы даже самый тупоголовый шотландский профессор вынужден был признать мою правоту! Джоунз кивнул.

— Желание доказать свою правоту — один из основных двигателей науки, — заметил он. — Но в интересы организации, о которой я упомянул, не входят ни поиски исторической истины, ни самореклама. Видите ли, сэр Джон, этих людей вообще не волнует, что о них думает весь мир в целом и напыщенные университетские ослы в частности! У них совершенно иные цели.

Сэр Джон уже почти поверил в то, что ужинает с одним из членов той самой Незримой Коллегии, которая издала первые розенкрейцерские памфлеты в 1614 — 1616 годах. Он решил впредь вести себя немного осторожнее.

— В своем письме, — сказал он, — вы упоминали о некоем тайном обществе, которое будто бы существовало совсем недавно. Если мне не изменяет память, вы написали так: «...даже в Лондоне, причем всего несколько лет назад, существовала ложа, члены которой обладали истинными тайными знаниями». И все же, когда именно существовала эта ложа?

— Она распалась ровно десять лет назад, в 1900 году.

— И как же она называлась?

— «Герметический Орден Золотой Зари». Сэр Джон шумно выдохнул и отпил еще вина.

— Ваши ответы становятся все более откровенными, — удовлетворенно заметил он. — Я считаю это хорошим знаком, и поэтому сразу перейду к своему главному вопросу. Возможно ли, что этот орден не совсем распался десять лет назад?

— Все возможно, — ответил Джоунз, закуривая сигару и подавая официанту знак принести еще вина. — Прежде чем мы продолжим нашу беседу, я хочу показать вам один простой документ. Это клятва, под которой должен поставить свою подпись каждый член этого ордена. Вот, не угодно ли вам взглянуть, сэр Джон?

С этими словами он достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист обычной бумаги, на котором был какой-то текст, напечатанный на обычной пишущей машинке.

Сэр Джон очень внимательно прочитал этот странный документ.

Я, _____¹⁴, торжественно взываю к Тому, Кого Боятся Ветры, Всевышнему Господу Этого Мира, пользуясь масонским словом¹⁵, и клянусь, что с этого самого дня я, как часть Тела Христова, буду искать Знания и Общения Моего Святого Ангела-Хранителя, который даст мне Тайное Знание, чтобы я мог преодолеть свою человеческую природу и слиться с Высшим Разумом. И если я когда-нибудь использую это Священное Знание для личного обогащения или для того, чтобы причинить вред своему ближнему, пусть меня проклянут навеки, пусть перережут мне горло, пусть выжгут мне глаза и швырнут мой труп в море, пусть меня ненавидят и презирают все разумные существа, как люди, так и ангелы, во веки веков. Клянусь. Клянусь. Клянусь.

— Хм, довольно необычный стиль, — в замешательстве заметил сэр Джон. Зверек проворный, юркий, гладкий... всегда верный...

— Это клятва первой степени. Ее дает тот, кто хочет стать учеником, — сказал Джоунз. — Чем дальше, тем серьезнее клятвы, предупреждаю сразу.

Сэр Джон решил отбросить все страхи и опасения.

— Я бы с радостью подписал такую клятву, — сказал он, расставаясь с душевным целомудрием намного раньше, чем у него достало смелости расстаться с целомудрием физическим.

— Что ж, это очень интересно, — любезно заметил Джоунз, забирая у сэра Джона лист с клятвой и снова пряча его в карман. — В таком случае, я поговорю кое с кем, и недели через две мы обязательно с вами свяжемся.

Последние несколько минут этой встречи Джоунз говорил только о своих любимых детях и не менее любимой работе в химической промышленности. В нем не было абсолютно ничего загадочного или необычного; более того, он даже показался сэру Джону немного скучноватым. И все же после того, как они наконец распрощались, сэра Джона еще долго не покидало смутное чувство, что он разговаривал с одним из селенитов Герберта Уэллса, старательно замаскировавшимся под человека. Конечно, это полный бред, говорил он себе, но все-таки в облике и словах Джоунза было что-то

¹⁴ вписать имя

¹⁵ дается кандидату до начала ритуала

неуловимо таинственное и необычное.

На обратном пути он снова обнаружил в своем купе американскую газету. И купе, и даже вагон были другими, поэтому, если это и было совпадение, то одно из самых невероятных в его жизни. Вдобавок газета была раскрыта на той же странице с мышонком-садистом и котом-мазохистом — «Дорогуша, ты мне всегда верный».

После четырех лет обучения в «Золотой Заре» сэр Джон чувствовал себя в точности как этот странный кот, и, когда Джойс и Эйнштейн на Банхофштрассе предложили ему свою помощь, он глупо хихикнул и произнес: «Дорогуша, ты мне всегда верный».

VII

Первым делом Эйнштейн отряхнул дорогой, но уже изрядно испачканный костюм сэра Джона от влажных опилок с пола пивной. Он подал сэру Джону его элегантную шляпу и энергично потрепал его по плечу, словно добрый самаритянин, который старается ободрить своего ближнего. По-видимому, душевно сэр Джон был вполне здоров (если оставить без внимания непонятную фразу на нью-йоркском жаргоне), но его физическое состояние оставляло желать лучшего. Так как он явно нуждался в чашке крепкого кофе, Джойс немедленно пригласил его к себе домой. Дом, в котором жил Джойс, находился на Банхофштрассе, в паре кварталов от того места, где они сейчас стояли. После того, как сэр Джон охотно и с многословными изъявлениями благодарности принял это предложение, все трое двинулись по ночной улице, овеваемые горячим ветром. Конечно, в столь поздний час найти извозчика на Банхофштрассе было так же нереально, как встретить там одного из персонажей братьев Grimm. Подумав об этом, Джойс многозначительно заметил: «Частенько мне доводилось слышать, как часы бьют полночь».

Бэбкок решил щегольнуть своей начитанностью:

— Фальстаф, не так ли?

— Да, — ответил Джойс, — Генрих IV, часть вторая.

Они обменялись взглядами, словно оценивая друг друга заново теперь, когда их эмоционально, или каким-то более загадочным образом, связало друг с другом знакомство с бессмертным Бардом. Джойс подумал о том, что полночь для Фальстафа, жившего в земледельческую эпоху, когда все пробуждалось на рассвете и замирало на закате, была гораздо более поздним часом, чем для него и Бэбкока в этот индустриальный век. Бэбкок был настроен более прозаически; его интересовало, который час, и если они на самом деле слышали, как часы на ратуше пробили полночь, то сколько времени прошло с того момента? Ни Бэбкок, ни Джойс не решились поделиться своими мыслями с попутчиками, и все трое продолжали идти по Банхофштрассе молча. Эйнштейн задумался о бое часов в полночь и странном еврейском бормотании сэра Джона, ум Джойса был затуманен таким количеством пива, что в нем мог бы утонуть весь швейцарский военно-морской флот, если бы эта вылизанная до блеска страна его имела, а Бэбкок был до смерти напуган. В конце концов они попытались завязать дружеский или, по крайней мере, любезный разговор. Сначала это им не вполне удавалось; Джойс и Бэбкок, хорошо понимая глубину исторической и психологической пропасти, разделяющей ирландцев и англосаксов, вели себя как две акулы, присматривающиеся друг к другу перед схваткой.

Первая попытка Бэбкока установить контакт с чуждым ему миром была крайне неуклюжей:

— Вы, конечно, мистик, как и все ирландцы, — опрометчиво начал он, второй раз наступая на самую большую мозоль Джойса.

— И вам, несомненно, известно, что материальная реальность — лишь ширма, за которой скрывается множество невидимых сил и форм разума. Слышали ли вы когда-нибудь о Йейтсе?

— Да, кое-что слышал, — уклончиво ответил Джойс и потянул Бэбкока за локоть, не давая ему вступить в кучу собачьего дерьма. Я обязательно описал бы эту кучу, если бы решил включить эту сцену в одну из своих книг. Йейтс никогда бы этого не сделал.

— Не тот ли это Йейтс, который ужасно боится, что в будущем мир изменится?

— Я бы не стал упрощать до такой степени, — сказал Бэбкок, явно не одобряя легкомысленную и пренебрежительную шутку Джойса. — Мистер Йейтс боится, что нас ждет холодное, научное и материалистическое будущее, лишённое романтики и загадочности прошлого.

Эйнштейн молчал. Они поравнялись с автомобилем «ФИАТ», и Джойс оглядел его со всех сторон с огромным любопытством, которое показалось Бэбкоку немного болезненным.

— С каждым годом этих штук появляется все больше, — сказал Джойс. — Недавно я прочитал, что один американец по имени Олдс начал их массовый выпуск и продает их по шесть тысяч и даже больше в год. Черт возьми! В том, как они ездят, для меня столько же романтики и таинственности, сколько для автобиографического героя Йейтса — в сказочном прошлом, которое он так хочет прижать к своей груди. Насколько мне известно, внутри этих аппаратов есть магический жезл, который называется «карданом», и этот жезл толкает их вперед со скоростью пятьдесят километров в час. Как жаль, что я так плохо разбираюсь в механике.

— Тут нет ничего сложного, — успокоил его Эйнштейн. — Но в этот поздний час вам вряд ли будет интересно слушать лекцию об устройстве двигателя внутреннего сгорания.

Эйнштейн и сам был не в настроении читать лекции. Он внимательно наблюдал за своими попутчиками, ибо очень хотел узнать, почему маски дьявола так пугают Бэбкока и что за дорогуша слышал бой часов в полночь.

— Автомобили приводятся в движение управляемыми взрывами, — добавил он, надеясь, что это краткое объяснение удовлетворит всех.

— Да-да, именно так, — неуверенно подтвердил Бэбкок. — Я бы не сел в такую штуку и за миллион фунтов. В газетах пишут, что с ними часто происходят ужасные вещи. Господь Бог дал нам лошадь, к чему же изобретать всякие хитроумные приспособления? Мне страшно даже подумать, каким станет наш мир лет через десять, когда эти чудовища заполонят улицы.

— Конечно, — почему-то сказал Джойс, мысли которого, по-видимому, текли в совершенно ином направлении, — если вам, как и мистеру Йейтсу, нужна по-настоящему глубокая, бесконечная и бездонная тайна, попытайтесь понять свою жену. Или хотя бы человека, идущего вам навстречу по другой стороне улицы.

Бэбкок на несколько мгновений задумался над словами Джойса, показавшимися ему циничными, а потом вдруг увидел, что по другой стороне улицы к ним на самом деле приближается какой-то мужчина. Он выглядел

очень необычно — высокий шекспировский лоб, темные и жестокие монгольские глаза (они напомнили сэру Бэбкоку то ли ибиса, то ли бабуина), заостренная черная борода. Продолжая думать над тем, что сказал Джойс, Бэбкок пристально вглядывался в эти смутно знакомые ему славянские черты, и только после того, как мужчина свернул в переулок, наконец-то вспомнил:

— Я ехал с этим человеком в одном купе. В таких, как он, мне всегда видятся какие-то глубокие тайны.

— Похоже, он занят каким-то очень важным делом, — заметил Эйнштейн.

— Черт бы побрал этот ветер, — проворчал Джойс, несколько раз проткнув воздух тростью, словно шпагой. — Местные называют его ведьминым. Когда он дует, половина Цюриха сходит с ума. Мы, северяне, более чувствительны к нему, так как привыкли к холодному и злому ветру. Горячий и удушливый ветер — все равно что нежеланная, уродливая и немытая любовница в твоей кровати.

Внезапно где-то недалеко завывала собака, сбиваясь на зловещую высокую ноту, как волк или койот.

— Вот видите? — сказал Джойс. — Животные, и те бесятся, когда дует фён.

— Это как запах белого сандала, — согласился Эйнштейн. — Такой сильный и густой, что начинает тошнить.

— А знаете, — заговорщическим голосом сказал Джойс, — если верить записям местной полиции, в дни, когда дует фён, количество убийств резко возрастает. Местные психиатры утверждают, что в эти дни также увеличивается количество нервных срывов и буйных помешательств. В этом ветре есть что-то жуткое и зловещее, не так ли? Мистер Йейтс сказал бы, что это русалки и водяные духи пытаются победить элементалов воздуха на астральном плане, осложняя нам жизнь на плане материальном.

Тут мысли Джойса опять перескочили на другое, и он цинично добавил:

— Но это всего лишь изменение в уровне ионизации воздуха, легко измеряемое теми варварскими научными приборами, которых так страшится мистер Йейтс.

После этого их разговор превратился в беспорядочный обмен мнениями, который длился до тех пор, пока они не подошли к гостинице Джойса. За это время Джойс выяснил, что Бэбкок является пылким почитателем не только незрелой (пусть и элегантной) поэзии Уильяма Батлера Йейтса, но и самого противного (пусть и милого) Йейтса. Он также узнал, что сэр Джон вместе с Йейтсом состоял в Герметическом Ордене Золотой Зари — группе лондонских оккультистов, о которой Джойс уже давно составил себе крайне неблагоприятное мнение — они все были «слегка тронутыми». Бэбкок же, в свою очередь, из множества сардонических и злобных замечаний, вскользь оброненных Джойсом, понял, что Джойс испытывает глубокое презрение к Йейтсу, «Золотой Заре», Блаватской и всему современному мистицизму в целом. Через некоторое время все начало проясняться, по крайней мере в смятенном уме Бэбкока, когда до него дошло, что мистер Джойс тоже писатель, только гораздо менее известный, чем Йейтс, а вернее — практически неизвестный. У Бэбкока возникли подозрения, что Джойса попросту гложет зависть, но это были всего лишь подозрения, ибо только сумасшедший может быть в чем-то абсолютно уверен.

— Мне кажется, — сказал Бэбкок, когда они наконец-то подошли ко

входу в гостиницу «Дублин», — что вы либо социалист, либо анархист, либо и то и другое сразу.

— В моем лице вы имеете дело с ужасным примером разнузданного анархического индивидуализма, — высокопарно ответил Джойс. — Я отвергаю все без исключения нации. Государство концентрично, но индивидуум эксцентричен. Добро пожаловать в самый жуткий дом по эту сторону от Дублина, — добавил он, указывая на вывеску «GASTHAUS DOEBLIN».¹⁶

— Слава Богу, мы наконец выбрались из этого мерзкого ветра, — с явным облегчением сказал Эйнштейн, когда они вошли в холл гостиницы. На полу лежал желтый ковер, стены были оклеены обоями с пальмами и ухмыляющимися мартышками.

— У хозяина гостиницы очень необычный вкус, — прокомментировал Джойс вполголоса, заметив удивление своих гостей.

Здание, по-видимому, было восьмиугольным, так как Бэбкок и Эйнштейн обогнули семь углов, пока Джойс вел их к своему номеру, который, как он объявил, «снабжен альковым для завтрака, где я пью лучший итальянский кофе по эту сторону от Триеста, так как привез его из Триеста».

Следуя примеру Джойса, Бэбкок и Эйнштейн прокрались в номер на цыпочках и остановились, когда Джойс медленно и осторожно открыл дверь спальни и заглянул внутрь. Там царил беспорядок, на сбившихся простынях разметалась во сне полная женщина с красивым лицом.

— Это, должно быть, миссис Джойс, — полувопросительно-полуутвердительно сказал Бэбкок.

— Так должно быть, — съязвил Джойс, — но она мисс Барникл.

Чрезвычайно пораженный этим варварским презрением к морали и приличиям, Бэбкок вынужден был напомнить себе, что этот грубый ирландец пригласил его к себе в гости и вообще проявил более чем обычную благосклонность к нему как совершенно незнакомому человеку, притом похожему на сумасшедшего, притом представителю враждебной английской расы. Очнувшись от раздумий, Бэбкок обнаружил, что они уже расположились на кухне, в том самом «алькове для завтраков», и Джойс варит кофе, умело пристроив маску дьявола на стену, прямо над часами с кукушкой.

— Итак, — сказал Джойс, — вы утверждаете, что этот тип с козлиной мордой преследовал вас от самого озера Лох-Несс.

— Учитывая ваши взгляды, — ответил Бэбкок, — вы, должно быть, считаете мои рассказы плодом моей больной фантазии, а меня самого — сумасшедшим. Хочу напомнить вам, сэр, что в этом проклятом деле три человека уже умерли ужасной смертью.

— Их преследовал тот же демон, — спросил Эйнштейн, — который преследует вас?

Указательным пальцем он игриво потрепал маску по подбородку.

— Но что это за маскарад, где за масками никого нет?

— Маскарад Сатаны, — с горечью в голосе ответил Бэбкок.

Эти слова поразили Джойса. Ему снова пришли на ум те же строки, что и на Банхофштрассе, хотя он по-прежнему не мог вспомнить, кто их написал. Еще одно четверостишие всплыло в его памяти:

¹⁶ Игра слов: нем. Gashauss и англ. ghastly house.

Черти пьют из черепов,
Отправляя души в ад.
Посетите, кто готов,
Сатанинский Маскарад.

Что-то много совпадений для одного вечера, подумал Джойс (сюда бы доктора Карла Юнга, уж он-то сразу разобрался бы, что к чему). Размышляя о событиях, которые произошли в последние несколько часов, великий ирландский вольнодумец перекатывал в пальцах сигарету и задумчиво поглядывал на английского мистика.

— Святой Фома утверждает, — совершенно трезвым голосом сказал он, — что дьявол не в силах причинить вред тем, кто верит в Господа. Таких людей он только запугивает или пытается сбить с толку, чтобы испытать их веру. В сущности, величайшая ересь утверждать, что дьявол прямо вредит вам, ибо это говорит о том, что вам недостает веры в Божественную доброту. Ага, — прервал он сам себя, — я вижу, вы удивлены тем, что я умею говорить на этом языке. Что ж, сэр, если я когда-нибудь и поверю в мистицизм, то это будет логичный, последовательный и полный здравого смысла мистицизм Святого Фомы, а не абсурдный и полный высокопарной болтовни мистицизм современных оккультистов. Извините, я, по-моему, немного увлекся. — Он закурил сигарету и указал ею на маску. — Должно быть, это какой-то второсортный, дешевый дьявол, раз он не может обойтись в своих грязных делишках без театрального реквизита.

Бэбкок, к которому постепенно возвращалось присутствие духа, криво улыбнулся.

— Вы неверно истолковали мои слова, — сказал он. — Мне хорошо известно, что в этом ужасном деле участвуют и люди, но они наделены силами, недоступными простым смертным, ибо служат тому, кто не принадлежит к человеческому роду. Очевидно, вы относите меня к тем, кого легко напугать театральными масками, но я уже пережил ужасы, которые вы даже не в состоянии себе представить. Сегодня вечером я испугался так сильно не потому, что увидел лик Сатаны, приближающийся ко мне во мраке. Нет. Поистине дьявольским было то, что они нашли меня здесь, ведь я принял все меры предосторожности и очень тщательно заметал следы.

Джойс молча налил себе кофе. В его левой руке красноватым огоньком тлела сигарета, о которой он, по-видимому, забыл. От Лох-Несс в Цюрих, прямо ко мне. Все мои детские страхи: воют и размахивают вилами демоны, похожие на бабуинов, кричат объятые пламенем люди. Древний зороастрийский кошмар, от которого Запад тщетно старается пробудиться.

— И как же умерли те трое, о которых вы постоянно вспоминаете? — спросил Джойс. — Готов спорить, им оторвало головы какое-нибудь ужасное чудовище вроде тех, которыми изобилуют готические романы Уолпола?

Хотя сэр Джон привык вести себя учтиво и всегда считал, что нужно соглашаться с хозяином дома, каким бы невоспитанным и дерзким он ни был, ему пришлось приложить немало усилий, чтобы не ответить какой-нибудь резкостью. Овладев собой, он сказал:

— Все они были доведены до самоубийства.

— И тоже с помощью масок и карнавальных нарядов? — воскликнул Джойс с неприкрытой иронией. Схватив со стены маску, он поднес ее к своему лицу и угрожающе склонился над столом.

— С помощью вот таких театральных штук? — саркастически переспросил он из-за маски с провинциальным ирландским акцентом.

— Причиной их самоубийства послужила книга, — сказал сэр Джон, — книга настолько чудовищная, что ей нет места в этом мире. Одного лишь взгляда на нее хватило этим людям, чтобы сойти с ума от ужаса и убить себя. По-видимому, они прочитали в ней что-то очень страшное, что-то такое, после чего жизнь стала для них совершенно невыносимой.

Эйнштейн воззрился на юного англичанина с неподдельным изумлением.

— И вы лично участвовали во всем этом? — спросил он. — Это не сказка, не история, рассказанная с чужих слов?

— Все, о чем я рассказываю, так же реально, как вот эта чашка с кофе, это блюдо, этот стол, — твердо заявил Бэбкок, по очереди энергично ткнув пальцем во все перечисленное. В его глазах был настоящий страх.

Джойс и Эйнштейн молча обменялись многозначительными взглядами.

— Сейчас я вам кое-что покажу, — сказал Бэбкок и открыл свой чемодан. — Это заметка из инвернесской «Экспресс-джорнэл», — пояснил он, выкладывая на стол газетную вырезку. Джойс и Эйнштейн заинтересованно склонились над ней.

СЕРИЯ САМОУБИЙСТВ
Лохнесские ужасы
Полиция сбита с толку

Дочитав заметку, Эйнштейн поднял голову и внимательно посмотрел на сэра Джона.

— Пожалуйста, расскажите нам обо всем, что с вами произошло, — попросил он, набивая свою трубку.

Джойс кивнул и привычно свернулся в кресле. За его спиной фён сотрясал оконное стекло, словно гоблин, который старается прорваться в дом.

VIII

В ночь после встречи с Джорджем Сесилом Джоунзом сэру Джону опять приснилась Башня Погибели. В этот раз она предстала перед ним в виде хорошо укрепленного замка с алыми стенами, хозяином которого был великан-людоед по имени сэр Талис.

— Ты должен войти, не будучи посеянным, — сказал Судья Всякий, — ибо влеющие руны алеют.

Король Эдуард III, одетый в деловой костюм Джорджа Сесила Джоунза, бродил по таинственной комнате, что-то бормоча о бессилии честности.

— Непосудный и непоследственный, — пробубнила гигантская сова.

— Здесь похоронен Сол, — сказал Дядюшка Бентли. — Поговори с ним, поухай.

Сэр Джон понял, что очутился в храме царя Соломона, о котором не раз читал в масонских книгах.

— Тор напророчил, сэр Талис родился, — прорычал Лев.

— Это всего лишь чрезмерное сгущение росы и тумана, — просвистел Орел.

— Гром и молния! — заорал Сэр Н. Е. Всемогуший. — Да будет проклят

тот, кто меня проклял!

Сэр Джон забрел в какую-то пещеру, полную скелетов, и обнаружил на стене загадочную надпись:

НЕ ВМЕШИВАЙТЕСЬ В ДЕЛА КОЛДУНОВ,
ИНАЧЕ ОНИ ОТСЫРЕВАЮТ И ПЛОХО ЗАГОРАЮТСЯ.

— Сед Страшнорогий, — монотонно говорил Ангел, — разорвал его на зерна и бросил туда, где не светит солнце. Но он забыл про влагу росы, и зерна быстро превратились в Единорога, Железного Дровосека и мышь с семью хвостами.

— Они, — произнес Джоунз, указывая на белеющие в полутьме кости, — рискнули оправиться в путь без Пентакля Храбрости. Как вы сочетаете, сэр Джон, могли они выжить?

Не успел сэр Джон ответить на этот странный вопрос, как они уже оказались в подвале Брутанского Музея, где гордо возвышались тройка, пятерка и восьмерка, огромные яйцеклетки плевались ножницами, а Карл Маркс читал вслух какую-то книгу, которая при ближайшем рассмотрении оказалась тайной историей масонства. «Соломон был странным парнем и любил запирается в чулане, чтобы спокойно поесть медку. Однажды Господь сказал ему: Соломон, а получи-ка ты! И Соломон получил, и в глубинах своего храма породил Нести, а Нести породила Хирана, а Хиран породил Финнегана, а Финнеган породил Геромана, а Героман породил сэра Талиса, а сэр Талис породил Бешеный Апельсин, а Бешеный Апельсин породил Способную Машину». Дальше шло что-то неразборчивое, похожее на нецензурную брань. Сэр Джон решил, что пора просыпаться.

— Не слишком ли все это сложно для начала? — спросил он, прислушиваясь к своему голосу и щурясь на ярком утреннем солнце.

Сев в кровати, он понял, что еще не совсем проснулся или говорит сам с собой. «Мы созданы из вещества того же, что наши сны», — произнес его или чей-то еще голос. Шекспир, «Буря». Великие и часто цитируемые строки, но в чем их истинный смысл? В чем смысл «Бури» вообще? Если Просперо — это, как утверждают литературоведы, сам Шекспир, то почему он маг, а не поэт? Почему он дружит с феями, эльфами, чудовищем Калибаном и всей оккультной братией?

И что делает в «Короле Лире» строка «Наехал на Черную Башню Роланд», ведь она не имеет ничего общего с сюжетом? Был ли Шекспир членом Незримой Коллегии?

Сэр Джон позавтракал плотнее, чем обычно, и предпринял длительную прогулку, стараясь вернуть уверенность в твердости материи и реальности земли, неба и деревьев.

Он не боялся быть романтиком, но не имел ни малейшего желания оказаться дураком.

Вернувшись домой, он первым делом раскрыл свежую «Таймс». В ней он с ужасом прочел, что убит Столыпин, российский премьер-министр. Это убийство продолжило серию отвратительных преступлений, которые вызвали всеобщую панику на рубеже столетий и заставили людей говорить о том, что грядет всемирная анархия. Сэр Джон попытался было вспомнить, что он чувствовал, когда умерли его родители, но нашел лишь тупую боль в той части своей души, где раньше была память о них. «Если и есть на свете

высшая мудрость и высшее знание, — подумал он, — то человечество в них очень нуждается. Ибо для обычной мудрости и обычного знания человеческая жизнь — не более, чем бессмысленная и грубая шутка. „Отрубите им головы! Отрубите им головы!“ — тараторит Бог без передышки, как Королева из „Алисы в стране чудес“. Неужели Он обрывает нам крылья просто забавы ради?»

Следующие две недели сэр Джон провел, вдумчиво читая розенкрейцерские памфлеты семнадцатого века. В них он нашел все те правила, о которых ему говорил Джоунз: член Незримой Коллегии Креста и Розы должен «носить платье» страны, в которой живет, и «принимать все ее обычаи»; хотя клятва навеки связывает его с Незримой Коллегией, он должен всячески скрывать эту связь. В качестве единственного исключения ему дается право лечить больных, но он ни в коем случае не должен брать за это деньги.

В четверг, то есть спустя ровно две недели после встречи с Джоунзом, сэр Джон получил по почте объемистый конверт с обратным адресом «Лондон, центральное почтовое отделение, почтовый ящик 718». Вскрыв конверт, он вытащил из него небольшую книгу с надписью «Лекция по истории» на обложке. Там, где обычно указывается имя автора, стояли слова:

Герметический Орден З.'. З.'.

У сэра Джона учащенно забилось сердце; он вспомнил, что значили эти треугольники между буквами. Так в оккультизме обозначался орден, который обладал древней, первичной традицией масонства. Но ведь все считают, что эта традиция давно утеряна! Он вспомнил строки из «Погребальной песни», написанной неизвестным автором в 1648 году:

Ибо мы братья Розы и Креста,
У нас есть Масонское Слово и второе зреньё:
Мы видим все грядущие дела.

Сэр Джон дрожащими руками раскрыл книгу и погрузился в чтение. История Герметического Ордена Золотой Зари началась в 1875 году, когда в лондонской масонской библиотеке случился сильный пожар. Спасая от огня ценные книги, писатель и ученый Роберт Уэнтворт Литтл — сэру Джону были хорошо знакомы его книги о масонстве — нашел несколько очень древних документов, о существовании которых в библиотеке давно забыли. Документы были зашифрованы, причем ни Литтл, ни другие лондонские масоны до этого никогда не встречали такой шифр. Когда Литтлу после долгих усилий наконец удалось расшифровать загадочные тексты, оказалось, что это тайные архивы Незримой Коллегии, которые давно считались утерянными. Эти документы помогли проследить связь английского масонского ордена с континентальным, который, по-видимому, обладал еще более глубокими тайнами. Литтлу удалось связаться с одним из высших адептов европейского масонства — некоей фройляйн Анной Шпренгель из баварского города Ингольштадт. В «Лекции» рассказывалось о том, как Роберт Уэнтворт Литтл и другие лондонские масоны под руководством фройляйн Шпренгель основали Герметический Орден Золотой Зари. Первыми

членами этого ордена стали те, кто уже достиг высших степеней посвящения в масонстве. Используя методы, о которых они узнали из расшифрованных документов и от мисс Шпренгель, члены «Золотой Зари» постепенно воссоздали всю систему каббалистического оккультизма, лежащую в основе розенкрейцерского масонства. После этого они попытались установить астральный контакт с Высшими Разумами на других планах в надежде на то, что они помогут им развиваться интеллектуально и совершить рискованный эволюционный скачок со стадии одомашненных приматов куда-нибудь повыше. Авторы «Лекции» утверждали, что такой контакт был установлен, и в настоящее время «Золотая Заря» действует под астральным руководством. Далее следовало зловещее предупреждение: искатели истины должны остерегаться нескольких ложных орденов с таким же названием, которые основаны самозванцами и в которых практикуют сатанизм и черную магию. Прочитав список отступников — а в нем была добрая дюжина имен, — сэр Джон понял, что раскол внутри ордена был отнюдь не мирным. Два имени привлекли его особое внимание своим раскатистым благозвучием: Макгрегор Матерс и Алистер Кроули.

IX

Прочитав «Лекцию по истории», сэр Джон еще пару дней раздумывал над тем, что ему делать дальше и как далеко он может зайти. Затем он написал Джоунзу и попросил принять его в Герметический Орден Золотой Зари.

Так он прошел сквозь трижды запечатанную дверь и превратился из любителя оккультной истории в начинающего и нервничающего мага. В этом новом качестве он очень быстро понял, что все мы на самом деле созданы из вещества того же, что наши сны, и что встречи с сэром Талисом не избежать никому.

Сэр Джон был посвящен в члены «Золотой Зари» ночью 23 июля 1910 года — ровно через 327 лет после того, как был посвящен в рыцари сэр Фрэнсис Бэкон, Великий Мастер Незримой Коллегии в Англии времен королевы Елизаветы (если верить документам «Золотой Зари», то помимо Фрэнсиса Бэкона членами Ордена в разное время были такие выдающиеся исторические фигуры, как сэр Ричард Фрэнсис Бартон, Поль Гоген, Рихард Вагнер, баварский король Людвиг, Вольфганг фон Гёте, Адам Вейсгаупт, доктор Джон Ди, папа римский Александр VI, Якоб Бёме, Парацельс, Христиан Розенкрейц, Джордано Бруно, Жак де Молэ, Ньютон, Бетховен, Лао-цзы, Соломон, Осирис и Кришна). О самом обряде посвящения сэр Джон, навеки связанный страшной клятвой, ничего не рассказал даже в ту ночь, когда под стук дрожащих от натиска фёна окон описывал свои злоключения Джеймсу Джойсу и профессору Альберту Эйнштейну. Если и есть тайны, которые навсегда остаются нераскрытыми, то это была одна из них.

Еще три ночи после формального обряда посвящения сэр Джон проходил его снова и снова, уже в форме герметического сна. Его с завязанными глазами вели к Южному престолу, где Серебряная Звезда распахнулась, словно окно, на темно-синем ночном небе.

— Кто идет? — спросил стражник, сэр Фрэнсис Бэкон.

— Тот, кто стремится к Свету, — отвечал сэр Джон так, как его научили перед церемонией посвящения.

— Человечеству не нужно так много Света, — сказала водяная змея

булькающим голосом. — Вы, одомашненные млекопитающие, должны довольствоваться тем слабым светом, который у вас уже есть.

Тут ослепительно полыхнула молния, и сэра Джон внезапно оказался в Черной Башне. Прямо перед ним лениво почесывался волосатый сэра Талис. Сэра Джон прополз мимо него и попал в толпу людей, которая гудела, словно растревоженный пчелиный рой. Какие-то сумасшедшие изо всех сил старались убить друг друга, крича и нецензурно ругаясь. «Тебе конец!», — орала они друг другу, размахивая кинжалами, саблями и зазубренными осколками пивных бутылок. Все вокруг постепенно заливал кроваво-красный лунный свет. На небе медленно разворачивался огромный средневековый свиток с надписью:

НЕ БРОСАЙТЕ ОКУРКИ В ПИССУАР, ИБО ОНИ НЕЖНЫ И
ВСПЫЛЬЧИВЫ.

Сет, Страж Порога, навис над сэром Джоном, злобно шипя: «Бойся запретного!»

— Они, — сказал Н. У. Всебегущий, — отправились в путь без Чаши Сострадания. Все они считают друг друга демонами и думают, что убивают друг друга в порядке самообороны. Иронично и трагично, не правда ли?

На этом месте сон оборвался, и сэра Джон открыл глаза, возвращаясь в реальный мир.

— Боже праведный! — воскликнул он, в который раз поминая Имя Божие всуе. Неужели именно таким видится человечество тому, кто достиг просветления?

«Настоящее посвящение длится вечно», — торжественно объявил Джоунз перед началом церемонии. Только теперь сэра Джон понял, что он имел в виду: сны и их причудливые образы — это продолжение посвящения, но уже на другом плане бытия. После нескольких герметических сновидений даже маски, которые использовались во время реальной церемонии инициации, приобрели для сэра Джона аллегорический смысл. В обычной жизни все тоже носят маски, только не картонные, а психологические. Каждый старается скрыть от других свое истинное лицо, и общество — тот же сатанинский маскарад.

Приехав к Джоунзу в Сохо, сэра Джон подробно пересказал ему сны о Черной Башне и не без гордости изложил свои соображения об их символизме, особенно об аллегории с масками.

— Вы правы, но лишь отчасти, — сказал Джоунз. — Видите ли, в нашем ордене существует правило, согласно которому ни один из его членов не должен знать в лицо других членов, за исключением одного. Вот почему во время церемонии посвящения все надевают маски.

— И каково же назначение этого правила? — воскликнул сэра Джон.

— Как вы, наверное, знаете, всем обществам покровительствует воинственный Марс, — мрачно сказал Джоунз. — Первая ложа «Золотой Зари» в Лондоне была уничтожена соперничеством. Все ее члены знали друг друга, и поэтому каждый мог сравнивать себя с другими: «мое просветление глубже вашего» и так далее. Демон спора посеял среди нас раздоры. Но мы никогда не повторяем своих ошибок, сэра Джон. Начиная с этого момента вы будете общаться только с одним членом ложи — со мной. Исключение может быть сделано только в каких-нибудь из ряда вон выходящих

обстоятельствах. Когда придет время, меня сменит другой наставник, занимающий в ложе более высокое положение. Если члены ложи не знают друг друга, между ними нет соперничества и вражды.

Сэр Джон вскоре понял, что эта жесткая децентрализация была весьма полезным нововведением. Она не только сэкономила ему время и энергию, которые он мог бы расходовать на сравнение своих успехов с успехами других учеников, но и создавала атмосферу таинственности, которая утончала и обостряла его восприятие в общении с людьми.

Теперь он, надолго задумываясь, когда кто-то произносил фразу, которая казалась ему наполненной иным, более глубоким смыслом. «Возможно ли... что это один из нас?» Был ли Шекспир членом Незримой Коллегии? А главный официант «Клариджа»? Вообще, сколько всего в ней было членов? Сэр Джон попытался было получить ответ у Джоунза, но тщетно. «Ваши вопросы говорят о том, что вы пока еще не понимаете истинной природы Пространства и Времени», — такова была неизменная реакция Джоунза. Иногда сэру Джону попадались в газетах заметки о Загадочном Незнакомце, который спасал кого-нибудь из беды и тотчас удалялся с места происшествия, не ожидая благодарности и даже не сообщив свое имя. «Один из нас?» — спрашивал себя сэр Джон в таких случаях и предавался романтическим размышлениям о вездесущей охраняющей деснице Великого Белого Братства. Однако за время учебы в Оксфорде он проникся, хотя и не вполне осознанно, современным научным скептицизмом, и поэтому не совсем исключал возможность того, что рассказы Джоунза и его собственные предположения могут оказаться всего лишь красивым мифом.

Ему оставалось только гадать и сомневаться, ибо никто еще не изобрел специальных очков, которые позволяли бы членам Незримой Коллегии безошибочно узнавать друг друга в толпе.

Со временем сэр Джон понял, что завеса тайны намного плотнее, чем он себе представлял до вступления в орден. Если «Золотая Заря» на самом деле продолжала традиции Незримой Коллегии Креста и Розы, члены которой должны были «носить платье и принимать обычаи» страны, в которой жили, то у сэра Джона не оставалось ни малейшей возможности узнать своих братьев-розенкрейцеров. Вскоре он обнаружил, что уже не только явные двусмысленности, но и даже самые глупые реплики заставляют его задавать себе тот же самый вопрос: «Один из нас?» Сколько же всего членов «Золотой Зари» путешествует по этой планете, тщательно скрывая свои знания и мудрость под маской серости и заурядности? Иисус смиренно принял плевки, побои, оскорбления и позволил себя распять; истинный же адепт «Золотой Зари» мог играть любую роль и терпеть любое унижение, выполняя свое «Делание». Дурак мог оказаться переодетым Магом.

Снедаемый сомнениями, сэр Джон жадно прочитывал оккультные книги всех времен и народов, которые Джоунз приносил ему по десятку за раз. В конце каждого месяца Джоунз устраивал ему устный экзамен, чтобы проверить, насколько хорошо он усвоил прочитанное.

— Но я ведь все-таки христианин, — робко запротестовал сэр Джон однажды.

— Мы не собираемся лишать вас веры, — сказал Джоунз. — Но для того, чтобы выполнить Великое Делание, вы должны понять истину, которая объединяет все религии и скрыта за их внешними атрибутами. В нашем ордене христиане остаются христианами, иудеи — иудеями, мусульмане — мусульманами, но никто не может остаться узколобым сектантом, какова бы

ни была его вера.

Сэр Джон понял смысл этого всеобъемлющего подхода, когда изучал один буддийский текст. Ему то и дело попадалось изречение «Любой, кого ты встречаешь, и есть Будда», и в конце концов он впал в отчаяние. Эти слова казались ему совершенно бессмысленными, но на них, похоже, было основано все буддийское учение. Сэр Джон понял, что ему никогда не разобраться в буддизме, если он не постигнет смысл этой фразы. Следуя совету Джоунза, он попытался видеть Будду в каждом встречном — и вдруг на него снизошло озарение.

Загадка с Буддой показалась сэру Джону очень похожей на ту, которую загадала ему «Золотая Заря»: как определить, кто является членом ордена? Поиски Будды, как и поиски братьев-розенкрейцеров, привели к тому, что сэр Джон начал проявлять к людям гораздо больший интерес и видеть в каждом человеке не просто набор поверхностных свойств — возраст, пол, раса, социальное положение — а уникальную и загадочную личность. Он внезапно понял смысл изречения Гёте, которое всегда казалось ему надуманным: «Труднее всего увидеть то, что находится у тебя прямо перед глазами».

Он также понял слова Святого Павла: «Все мы — части Тела Христова». Каждый человек — грань бриллианта, который отражает Образ Божий. Как и обещал Джоунз, буддизм не только не разрушил христианских убеждений сэра Джона, но и значительно их укрепил.

Это вызвало у сэра Джона бурную радость, которой он не замедлил поделиться с Джоунзом во время их следующей встречи.

— Что ж, неплохо, — снисходительно похвалил его Джоунз. — Вы пробудились от одного из снов — того, который мешает людям увидеть друг друга. Но это лишь начало. Не хвалите себя и не думайте, что достигли чего-то важного, иначе вам не удастся продвинуться больше ни на дюйм. Постарайтесь увидеть божественный свет во всем, что попадает на глаза — в ярко-алых рубинах, розах, красных пятнышках на панцире краба. Затем спросите себя, в чем нет сознания и божественности.

Убежденность и пыл, с которыми Джоунз произнес эти строгие и вместе с тем поощрительные слова, не оставили у сэра Джона ни малейших сомнений в том, что он разговаривает с истинным адептом Ордена. Закончив свою речь, не зная жалости Джоунз выложил на стол очередной десяток книг о Каббале и велел сэру Джону тщательно их изучить. Это задание чуть не отбило у сэра Джона всякий интерес к дальнейшим занятиям.

До этого он изучал Каббалу только как историк и знал о ней ровно столько, сколько было необходимо для того, чтобы проследить ее влияние сначала на ранних герметистов — таких, как Пико делла Мирандола и Джордано Бруно, — затем на Джона Ди, Фрэнсиса Бэкона и, наконец, на масонов и иллюминатов. Теперь же ему предстояло изучить всю каббалистическую теорию мироздания, которая была примерно в тысячу раз сложнее периодической таблицы химических элементов, висевшей на стене в кабинете дядюшки Бентли.

Каббалисты считают, что вселенная — это символические соответствия между множеством планов бытия. Сама по себе эта идея казалась сэру Джону достаточно простой, однако в этих символических соответствиях полностью отсутствовала логика.

«Каббала превосходит логику, — напомнил ему Джоунз, — и эти соответствия нужно учить наизусть, не стараясь понять, до тех пор, пока они

не закрепятся в вашей памяти навсегда. Но даже тогда, — весело добавил Джоунз, — вы все равно не сможете их попятить. Для этого нужна развитая интуиция или непосредственное знакомство с невидимыми планами, которое состоится на следующем уровне посвящения, когда вы из Испытуемого превратитесь в Неофита.»

Часы складывались в дни, дни складывались в недели, недели складывались в месяцы. Сэр Джон упорно учил каббалистические соответствия, отрываясь от книг только для того, чтобы проверить, насколько хорошо он запомнил прочитанное. «Алеф — первая буква древнееврейского алфавита, значение — „бык“. Основные соответствия: карта Таро — „Дурак“, цвет — желтый, элемент — воздух, в Новом Завете — Святой Дух, в Ветхом Завете — Дух Божий (как бишь его? Ага, Руах Элохим), на Древе Жизни — путь от Кетер к Хокма, потом... э-э, хм, забыл...» И он снова погружался в чтение.

«Бет — вторая буква древнееврейского алфавита, значение — „дом“. Карта Таро — „Фокусник“, цвет — алый, планета — Меркурий, египетский бог — Тот, греческий — Гермес, норвежский — Один, путь от Кетер к Бина, бог-обезьяна в индуизме... Господи Иисусе, как же его звали?» И он в который раз перечитывал нужную страницу.

Время от времени Джоунз приезжал в поместье Бэбкоков и проверял успехи сэра Джона.

— Какая карта Таро соответствует букве Нун?

— «Смерть».

— Значение буквы?

— «Рыба».

— Неплохо. Какой символ в средние века соответствовал карте Таро «Колесница»?

— Святой Грааль.

— Отлично. Древнееврейская буква, соответствующая «Колеснице»?

— Э-э-э... Далет?

— Нет. Так дело не пойдет, мой мальчик. Постарайтесь отнестись к этому заданию более добросовестно. Учите, учите все наизусть!

Наконец сэр Джон вызубрил все соответствия.

— Поработайте с первыми двумя словами Библии, — предложил Джоунз. И сэр Джон начал искать скрытые значения слов «BRASHITH ALHIM», «В начале Боги».

Конечно, он читал Пико делла Мирандолу и знал, что слову BRASHITH («В начале...») соответствует число 3910. В оккультизме это количество лет, прошедших со дня «Грехопадения» человечества (которое произошло вследствие психической травмы, полученной при первом контакте с Высшим Разумом, представленным в Книге Бытия в образе змея-искусителя) до рождения Христова. Сэр Джон открыл для себя, что слово ALHIM (то есть «Боги»; интересно, что Бог в единственном числе — YHVH, или Иегова, — впервые появляется только во второй главе) в преобразованиях темуры¹⁷ дает число 3, 1415, или число «пи» с точностью до четырех знаков после запятой. Кроме того, он заметил, что BRA, первые три буквы Библии, в

¹⁷ Темура — методика каббалистического анализа древнееврейских слов, в которой одни буквы заменяются другими. Полученное новое слово используется для толкования исходного.

нотариконе¹⁸ соответствуют словам Бен, или Сын; Руах, или Святой Дух; и Абба, или Отец.

— Отлично, — похвалил Джоунз, когда он рассказал о своих открытиях. — Но вы обнаружили лишь малую часть того, что скрыто за этими словами. Так, слову Агапэ, которое часто встречается в Новом Завете и переводится как «любовь», каббалистически соответствует число 93. Добавляя эти две цифры к числу ALHIM — 3, 1415 — получаем 3, 141593, то есть число «пи» с точностью до шестого знака после запятой. Продолжайте работать над этими словами, пока не найдете в них Золотые Пропорции масонской ложи.

Однажды сэр Джон набрался смелости и спросил Джоунза о загадочном Святом Ангеле-Хранителе, вызывание которого считается основной целью обучения в «Золотой Заре».

— Существует три разных объяснения этой идеи, — сказал Джоунз, — для Испытуемых, для Неофитов и для тех, кто достиг высших уровней, но еще не понял ее. Учитывая то, что в вас склонность к наукам сочетается с любовью к романтике, я дам вам все три объяснения сразу. Первое: Ангел-Хранитель — это метафора, которая, грубо говоря, описывает ваш контакт с собственным бессознательным умом и получение информации от него без обычных искажений и помех. Что касается второго объяснения, то здесь все уже гораздо запутаннее. Святой Ангел-Хранитель говорит с вами через ваше бессознательное, но представляет собой отдельное существо, которое сложнее человека примерно во столько раз, во сколько человек сложнее первых беспозвоночных. Третье объяснение: да, это метафора, но она отражает нечто настолько непривычное нашему сознанию, что абсолютно неважно, как я буду это нечто описывать — с точки зрения ученого, как в первом объяснении, или с точки зрения мистика, как во втором. Оно превосходит оба этих объяснения. Когда вы наберетесь опыта, у вас появится собственная метафора для этого, и тогда вы создадите гениальную научную теорию или произведение искусства, или просто постараетесь приблизиться к святости и абсолютному состраданию, то есть, в традиционном понимании, станете более «религиозным». Вообще, если вы хотите хоть чему-нибудь научиться, больше работайте над собой и не задавайте так много вопросов.

Только через девять месяцев после посвящения сэр Джон наконец-то закончил штудировать книги по мистицизму и смог без запинки ответить на самые сложные вопросы Джоунза о Каббале. К тому времени в его голове воцарилась совершеннейшая неразбериха, и он уже начал было подумывать о том, что Джоунз безумен.

Ибо какому нормальному человеку придет в голову искать связь между быком и картой Таро «Дурак», или между желтым цветом и Святым Духом? Пусть Тот и Гермес — разные имена одного и того же бога; это можно назвать исторической истиной. Но почему они связаны с древнееврейским словом, которое переводится как «дом»? И, черт возьми, что общего имеет планета Венера с еврейской буквой Далет и богиней Деметрой? Может быть, вся Каббала — это замысловатая шутка древних евреев, насмешка над теми, кто пытается понять иррациональное с помощью рациональных методов? Сэр

¹⁸ Нотарикон — еще одна каббалистическая методика, в которой одно слово анализируется как аббревиатура целой фразы.

Джон уже был склонен остановиться на последнем предположении, но тут по-прежнему невозмутимый Джоунз предложил ему первое серьезное испытание. Это предложение застало сэра Джона врасплох.

— Вы, конечно, не раз видели на католических и православных распятиях буквы «INRI», — сказал Джоунз.

— Йод-Нун-Реш-Йод, — сразу же выдал древнееврейский эквивалент сэра Джон.

— Отлично. Конечно, церковь объясняет эти буквы, но по-детски, для неискушенных умов. Вам, наверное, известно это объяснение.

— Считается, что это первые буквы латинских слов, — довольным тоном способного ученика ответил сэра Джон; эта задача была для него простой, — *Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum*, «Иисус из Назарета, Царь Иудейский».

— Отлично, — сказал Джоунз. — А сейчас я должен сообщить вам, что эти буквы несли в себе эзотерическое гностическое значение задолго до того, как появилось экзотерическое объяснение, о котором вы только что вспомнили. Для того, чтобы расшифровать это первичное значение, нужно хорошо знать Каббалу и обладать поистине незаурядной интуицией. Это будет вашим следующим заданием. Если вы его выполните, вас ждет более высокая степень посвящения, степень Неофита. Свяжитесь со мной, когда решите, что нашли правильный ответ.

Сэр Джон тщетно бился над этой головоломкой целую неделю. В конце концов он составил таблицу, в которой нарочно собрал самые бессмысленные соответствия, чтобы придать своим мыслям ту нелогичность, которая была свойственна всем настоящим каббалистам. Вот что у него получилось:

Буква древнееврейского алфавита	Карта Таро	Астрологическое соответствие	Греческое соответствие
Йод (рука)	Отшельник	Дева	Кронос
Нун (рыба)	Смерть	Скорпион	Гадес
Реш (голова)	Солнце	Солнце	Аполлон
Йод (рука)	Отшельник	Дева	Кронос

Он попытался было дать волю интуиции и воображению, в то же время избегая всякой логики: рука, рыба, голова, рука; рука, рыба, голова, рука; рука, рыба, голова, рука... В голову приходили десятки оригинальных и головокружительных идей (в какой-то момент он даже подумал, что эволюция — ни что иное, как тщательно продуманный сценарий...), но позже, когда он к ним возвращался, все они оказывались пустыми и бесполезными.

Он сосредоточился на астрологических соответствиях: Дева, Скорпион, Солнце, Дева. Девственница, насекомое, Солнце и снова девственница. В этом было еще меньше смысла, чем в руках, рыбах и головах. Тогда он попробовал разбить символы на пары: девственница-рука, насекомое-Смерть, голова-Солнце, девственница-рука. Вследствие этого эксперимента его мысли потекли не в том направлении, он густо покраснел и снова начал сомневаться в том, что ему когда-нибудь удастся пройти испытание Черной Башней.

Имена греческих богов пробуждали в воображении сэра Джона яркие образы. Думая о Кроносе, боге времени, он сразу же вспоминал страшную картину Гойи «Кронос пожирает своих детей». Гадеса и мир мертвых легко было представить, вспомнив Гомера и путешествие Одиссея в подземное царство. С Аполлоном все обстояло немного сложнее: он почему-то

ассоциировался у сэра Джона с Оскаром Уайльдом и лордом Алфредом Дугласом. Но что же значила вся последовательность целиком: Кронос, Гадес, Аполлон, Кронос?

Сэр Джон решил внимательно рассмотреть изображения на картах Таро.

Отшельник: старик, бредущий в темноте с фонарем. Но какое отношение он имеет к Йод, руке, помимо того, что фонарь обычно несут в руке? И причем здесь скорпион и девственность?

Смерть: скелет на огромном белом коне, наезжающий на Короля, Епископа, Мать и Ребенка. Какое отношение он имеет к Нун, рыбе? Хотя связь с Гадесом, богом мертвых, несомненна.

Солнце: голый ребенок на таком же огромном коне и на фоне восходящего солнца. С астрологией связь очевидна, но где же связь с Реш, головой?

И снова старый Отшельник с фонарем...

Может быть, в этих образах закодировано само посвящение? Сначала ум ученика — это старик (общественные традиции), блуждающий во тьме невежества с фонарем интуиции. Затем все лишнее — связи с Королем (Государством), Епископом (Церковью), Матерью и Ребенком (Семьей) — умирает, и ум возрождается как солнечное дитя («истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»). Но затем почему-то опять появляется старик, бредущий во тьме. Почему? Едва сэру Джону начинало казаться, что он на верном пути, как он снова оказывался в тупике.

Рука, рыба, голова, рука...

Старик, смерть, ребенок, старик.

I.N.R.I. Иисус из Назарета, Царь Иудейский.

Кронос, бог Времени и разрушения; Гадес, бог подземного мира и правитель царства мертвых; Аполлон, бог восходящего солнца; снова Кронос, будь он проклят...

И попытка повторялась заново.

Сэр Джон решил использовать гематрию — каббалистический метод, в котором исследуемое слово сравнивалось с другими древнееврейскими словами, имеющими такое же численное значение. Итак, *Йод* — 10, *Нун* — 50, *Реш* — 200, снова *Йод* — 10. Итого 270. Потратив несколько дней на тщательное изучение словаря древнееврейского языка, сэр Джон нашел в нем только одно подходящее слово, означавшее «рычаг» или «прут».

Опять глухая стена.

Следующей ночью ему приснился кошмар: множество гоблинов, похожих на пчел, с жужжанием носилось вокруг него. Он проснулся весь в холодном поту с готовым ответом: *I Never Risk Inquiry*¹⁹. Ни секунды не сомневаясь в том, что эта фраза — величайшее откровение, сэр Джон торопливо, чтобы не забыть, записал ее в блокнот, который он накануне вечером предусмотрительно положил на столик у кровати. Утром, прочитав эти четыре слова, он лишь громко рассмеялся.

Но часом позже, когда он работал в библиотеке, произошло чрезвычайно любопытное событие. Сэр Джон решил найти еще хотя бы одно слово со значением 270 и потянулся за древнееврейским словарем, который стоял на одной из верхних полок. Доставая его, он случайно зацепил соседнюю книгу,

¹⁹ Я никогда не отваживаюсь задавать вопросы (англ.).

и она упала ему под ноги. Нагнувшись, он увидел, что это алхимический трактат семнадцатого века, раскрытый на странице 270. Первый абзац начинался словами:

Тайна Великого Делания открывается всем истинным христианам в формуле **I. N. R. I.** , которая расшифровывается как *Igni Natura Renovatur Integra*.

Перевод мгновенно вспыхнул в мозгу сэра Джона ослепительно яркими буквами: Все в природе обновляется огнем.

Старик, смерть и возрождение — Время, Смерть и Воскресение — Распятие и Искупление — Повелитель Времени, Повелитель Подземного Мира и Золотая Заря. Все в природе обновляется огнем. Греческие и христианские символы, карты Таро — все слилось воедино. Сэр Джон все отчетливее представлял себе совершенно новую теорию эволюции — нечто среднее между ламаркианской ересью его отца и дарвинистским догматизмом дядюшки Бентли. Перед его внутренним взором проходили сражающиеся за существование пещерные люди, кочевники с обветренными лицами, снегопады, бури, бедствия, болезни и смерть, всюду одна лишь смерть. И предстоящая борьба: новое рождение, новое сознание, превращение слабого огонька, который теплится в каждом, в огромное и неистовое пламя просветления. Это вселенское рождение происходило снова и снова, пока агония и радость не соединились и не превратились в неразрывное целое. Он чувствовал себя маленькой одинокой клеткой в доисторическом океане, вспоминал опаляющий экстаз появления на свет; нежность материнской груди; пещеры троллей, которые он представлял себе, лежа в темноте; покой и ласковое солнце; а потом снова беды и ужасы жизни; голод, насилие и сумасшествие; жертвы инквизиции, веками кричащие от боли на хитроумных орудиях пыток безумной Веры; дьяволы и демоны, сотворенные больной фантазией сотни людей и ставшие пугалом для миллионов; заключенные в одиночных камерах; пленные, у которых отрезаны уши и половые органы; умирающие от голода и побоев дети; смерть на операционном столе под скальпелем пьяного хирурга-садиста; карнавалы и танцы для тех, кто пребывает в счастливом неведении относительно страшных мук своих братьев и сестер в аду человеческой бесчеловечности; матери, плачущие над мертворожденными детьми; ужас в глазах пойманной мыши; гигантские статуи, символизирующие мир и любовь; вечность гор и океанов; вековые деревья тихо о чем-то перешептываются; человек, несущий крест вверх по холму, принявший на себя всю боль, все бремя искупления, чтобы наконец прекратить эту слепую борьбу и завершить наконец процесс рождения. Да — в нем пришла в движение энергия вриль, и алхимический жар усиливался; он видел мир далеко за пределами крошечной клетки по имени Джон Бэбкок и ощущал себя одним целым с живым организмом по имени Земля.

Сэр Джон не знал, сколько времени прошло — минута или вечность. Но одно он знал точно: только что он сам и весь мир были обновлены огнем.

Х

— Я нашел правильный ответ, — уверенно сказал сэр Джон, протягивая Джоунзу свой дневник.

Джоунз раскрыл дневник и внимательно прочитал последнюю страницу.

Igni Natura Renovatur Integra: все формы иллюзорны и эфемерны, ибо существуют только в нашем воображении. Старый Отшельник будет поражен Смертью, но его внутренняя форма, жизненная энергия, возродится в Ребенке, который вырастет и со временем превратится в старого Отшельника. Кронос, Повелитель Времени, ведет всех нас к Смерти и Гадесу, Повелителю Подземного Мира, но мы вновь воскресаем каждое утро, когда над миром восходит Аполлон, Повелитель Золотой Зари. Миф о Христе — это и в самом деле пересказ греческих мифов о смерти и воскресении, как не устают твердить нам рационалисты, но рационалисты не понимают, что этот миф вечен, ибо символизирует великую истину: сознание, подобно материи и энергии, нельзя ни создать, ни уничтожить. Циклы рождения и смерти повторяются без конца, потому что платонические идеи существуют вне времени.

— Правильного ответа не существует, — обескуражил его Джоунз. В этот раз они ужинали в «Кларидже». Вместо обычной стопки книг Джоунз принес с собой лишь одну тонкую брошюру. — Или, вернее, правильных ответов бесконечно много. Когда-нибудь, но еще очень не скоро, мы вернемся к этой глубочайшей философской проблеме. Пока же я лишь скажу, что ваш ответ правилен для вас, на этом этапе вашей подготовки.

— Но ведь, — попытался было возразить совсем разочарованный сэр Джон, — я почувствовал это еще раньше, чем осознал. Энергия вривь пронизывает меня точно так же, как и все остальное в этом мире. Я почувствовал это непрерывное разрушение и воссоздание — мир, обновляемый огнем Святого Духа. Я почувствовал это, — повторил он уже не так уверенно.

Джордж Сесил Джоунз глубоко вздохнул.

— Вы сделали первый шаг, — сказал он печально, — но еще даже не знаете, в каком направлении идти. Прошу вас, прекратите хвалить самого себя и, ради Бога, постарайтесь добросовестно выполнить все упражнения, описанные в этой брошюре. Мы собираемся посвятить вас в Неофиты уже в следующем месяце, но если вы не будете прилежно выполнять эти упражнения по меньшей мере четыре раза в день, начиная с завтрашнего дня, от посвящения не будет никакого толку. Это будет просто театральное представление, не больше. Не заблуждайтесь и не убеждайте себя в том, что к чему-то пришли, ибо вы еще даже не умеете ходить.

Сэр Джон взглянул на брошюру. На обложке чернели аккуратные буквы:

Астральная проекция
Публикация класса В
Герметический Орден 3.'. 3.'.

Он окончательно пал духом.

— Итак, теперь я должен научиться выходить из собственного тела?

Джоунз пригубил кларета.

— Именно, — ответил он невозмутимо. — Выполняя эти упражнения, вы большую часть времени будете чувствовать себя последним идиотом. И у вас, конечно же, снова возникнут подозрения, что вы имеете дело с шайкой безумцев, которые пытаются заманить вас в какой-то метафизический бедлам. Но вы все же работайте, тщательно записывайте результаты каждого эксперимента и продолжайте каждый месяц давать мне ваш дневник на

проверку. Будьте терпеливы, мой мальчик, будьте терпеливы. И вот еще что. Боюсь, вы должны будете дать обет воздержания на следующие два года. Если вы не примете это условие, вас не допустят к Великому Деланию. Связывая себя этим обетом, вы тем самым соглашаетесь понести самое страшное наказание, если по каким-то причинам его нарушите.

Сэр Джон тщетно пытался сохранять невозмутимый вид.

— Я продолжу Великое Делание, — решительно сказал он, — и выдержу любые испытания.

— Я должен задать вам этот вопрос три раза. Уверены ли вы в своей способности сдержать клятву?

— Да, — на этот раз сэр Джон ответил без колебаний.

— Я спрашиваю вас в третий раз. Согласны ли вы связать себя обетом воздержания на следующие два года и не прибегать ни к каким интеллектуальным ухищрениям и уверткам в том случае, если этот обет покажется вам чересчур обременительным?

— Согласен, — твердо сказал сэр Джон.

Джоунз изучал свою пустую тарелку с таким интересом, словно это была ценная археологическая находка.

— Духовному развитию, — сказал он негромко, — способствует только абсолютное воздержание. Вы должны избегать любых плотских удовольствий, включая... м-м-м... те, которые можно получать в одиночестве.

Сэр Джон почувствовал, как напряглась каждая мышца на его лице. О боже, кровь приливает к моим щекам и я краснею, как нерадивый школьник. Нет, кровь отливает от моего лица, и я бледнею, как преступник на скамье подсудимых. Он боялся поднять глаза и встретиться взглядом с Джоунзом — вдруг тот на мгновение оторвется от своих археологических изысканий. Кроме того, сэр Джон очень боялся, что способности и степень посвящения Джоунза позволяют ему читать мысли других людей так же легко, как этикетки на бутылках с шампанским. Несмотря на этот страх, он снова почувствовал, как его охватывает алхимический огонь — *Igni Natura Renovatur Integra* — огонь, в котором все обновляется. В нем снова проснулся страх безумия, который преследовал его с отрочества, когда он робко совершал свои первые грехи. Внезапно кто-то за соседним столиком очень внятно и даже, как показалось сэру Джону, с издевкой, произнес слово, которое было самым непосредственным образом связано с его самым постыдным секретом. Сэру Джону показалось, что им овладевает паранойя. Действительно ли я это слышал? Может быть, мне только почудилось? Скорее всего, они говорили о повязке или развязке — да-да, так оно и было.

— Я... Я... — сэр Джон обнаружил, что не в состоянии произнести ни слова.

Джоунз отпил еще глоток вина.

— Два года, — продолжал он спокойно, словно не замечая смущения Бэбкока, — это не такой уж долгий срок, вот увидите. Когда вы победите плоть, духу станет гораздо легче. Я верю в вас, сэр Джон, — закончил он с неожиданной теплотой и потрепал молодого человека по плечу, чтобы придать своим словам большую убедительность.

Сэр Джон вернулся домой и в течение двух недель прилежно выполнял упражнения по астральной проекции, большую часть времени чувствуя себя (как и предупреждал Джоунз) полным идиотом.

Если для решения загадки с буквами I.N.R.I. нужно было преодолеть время, то для выхода на астральный план — пространство. Сэр Джон вскоре

понял, что цель этих упражнений заключается в том, чтобы находиться в двух местах одновременно. Так как здравый смысл этому отчаянно противился, нужно было выйти за его пределы, сознательно развить в себе некую веру, граничащую с религиозной манией. Первые попытки сэра Джона сделать это были комичны и неизменно оканчивались неудачей.

Все, чего удалось добиться сэру Джону после трех недель напряженной тренировки — это оказаться внутри какого-то сложнейшего механизма, состоящего из миллионов подвижных частей. Вокруг этих частей суетились голубые щенки и красные карлики, которые двигались рывками, словно автоматы, и разговаривали сами с собой. «Маллиган миллиган хулиган холиган», — бормотали одни. «Магия мистика эквилибристика!» — выкрикивали другие. «Глупый простак, вечно все не так», — пищали третьи. «Повязка, развязка, завязка, привязка», — ревели четвертые. «Сэр Пух, сэр Пах, сэр Талис, сэр Квалис», — тараторили пятые. Вздвогнув от испуга и отвращения, сэр Джон вернулся в свое тело, которое сидело в кресле, которое стояло в знакомой и уютной комнате в евклидовом пространстве, и понял, что во время своих попыток выйти на астральный план просто-напросто задремал.

— Не отвлекайтесь на чепуху, — сказал ему Джоунз, прочитав последнюю запись в его дневнике. — Такое можно услышать на любом религиозном собрании или спиритическом сеансе. Вы попали в одну из ловушек Черной Башни. Так случается с каждым, кто вступает на Путь без Меча Разума. Скорее всего, вы уже не раз слышали и видели нечто подобное, преодолевая зыбкую границу между явью и сном.

— Да, — подтвердил сэр Джон после секундного раздумья. — Неужели такое случается с каждым?

— Конечно. У каждого человека два ума — рациональный и иррациональный. Всегда быть рациональным — значит быть человеком только наполовину. Тем же, кто дает волю иррациональному, завладевает религиозный фанатизм, или то, что психиатры называют истерией. Великое Делание заключается в том, чтобы гармонично соединить иррациональное и рациональное. До тех пор, пока вам это не удастся, в ваше сознание будет постоянно проникать всякая тарабарщина из иррациональных сфер. Не обращайтесь на нее внимания и ничего не бойтесь. Постарайтесь полностью сосредоточиться на Делании.

В последующие несколько недель усилия сэра Джона привели к тому, что астральный мир и мир снов слились для него в одно целое, и ему все труднее было отличать их от реальности. Какой-то голос внутри него беспрестанно повторял идиотские фразы вроде «раз, два, три, четыре, пять, ты попался, твою мать», «пусто, зеро, ноль, ничто, Всемогущий», «ни жены, ни лошади, ни усов», «скучная-прескучная песня и большая-большая бутылка», «ибо кровь и вино одинаково красны», «да будет плохо тому, кому еще не было плохо» и, особенно часто, «Бэбкок сходит с ума, Бэбкок сходит с ума...»

Сэр Джон решил что-нибудь почитать, чтобы немного расслабиться. Помня о правиле «Золотой Зари», которое гласило, что во время интенсивных занятий ученик должен читать только то, что способствует поднятию его духа, сэр Джон купил сборник современной поэзии и начал читать стихи Уильяма Батлера Йейтса, великого ирландского мистика.

С каждой новой строфой он все чаще задавал себе вопрос «Еще один из нас?» и все смелее отвечал на этот вопрос утвердительно. Ошибки быть не

могло; стихи Йейтса изобиловали совершенно очевидными аллюзиями на учение «Золотой Зари» и церемонии посвящения.

Несколько дней спустя, по очень странному совпадению — хотя к тому времени сэр Джон уже почти перестал верить в совпадения — его пригласили на поэтический вечер, где Йейтс и несколько других поэтов собирались прочитать свои самые свежие работы. Сэр Джон принял приглашение не без некоторого чувства вины; но потом напомнил себе, что ему запрещено общаться только с теми братьями, о принадлежности коих к Ордену он знает, в случае же с Йейтсом сэр Джон только догадывался, или, вернее, предполагал.

Дьявольский внутренний голосок твердил ему: «Ты не догадываешься и не предполагаешь, а отлично знаешь», но он решил не обращать внимания. Он не в силах был побороть соблазн встретиться еще с одним членом Ордена, причем не каким-нибудь заурядным, а знаменитым и, судя по стихам, достигшим одной из высших степеней посвящения. В назначенный день сэр Джон без колебаний отправился по указанному в приглашении адресу, в захолустное предместье, о котором часто говорили, что индусов, евреев, американцев и прочих иммигрантов там даже больше, чем в Сохо.

Словно в подтверждение этого слуха хозяином дома оказался американец, причем из породы особо невыносимых. Его акцент был настолько ужасен, что сэр Джон сначала не мог понять и десятой части того, что он говорил. Воистину прав был Оскар Уайльд, когда сказал, что у англичан и американцев много общего, но только не язык. Этот странный американец был, как, впрочем, и все его соотечественники, напыщенным и самоуверенным, с большим апломбом судил обо всем на свете, особенно об искусстве и литературе. Его фамилия была Паунд, а звали его то ли Иезекилем, то ли Эзрой, то ли Иеремией — одним словом, одним из тех ветхозаветных имен, которые янки так любят давать своим детям. Высокого роста, с всклокоченными рыжими волосами, неухоженной рыжей бородой и раскатистым голосом, который, казалось, заполнял всю комнату, он был одет в какое-то пестрое тряпье, и сэр Джон так и не решил, чем это вызвано — бедностью, эксцентричностью или и тем, и другим сразу.

Йейтс был красив, но тоже несколько неопрятен, а его костюм был в отнюдь не идеальном состоянии. Но вместе с тем он составлял разительный контраст неистовому, догматичному и грубому Паунду, так как был спокоен, терпим и вежлив.

В тот вечер сэр Джон услышал почти все, на что была способна современная поэзия. Паунд прочитал свои очень короткие и очень оригинальные стихи, в которых не было рифм, а потом чрезвычайно странный перевод «Моряка», в который ему каким-то образом удалось впихнуть примерно столько же аллитераций и ассонансов, сколько их было в староанглийском оригинале. Робкая девушка по имени Хильда (сэр Джон не расслышал ее фамилию) продекламировала несколько стихов, тоже очень коротких, которые показались сэру Джону неудачными переводами с древнегреческого. Затем подошла очередь Йейтса, и он начал распевать и причитать в свойственной ему одному манере — наконец-то сэр Джон услышал нечто, в его представлении более или менее похожее на поэзию. Он даже чуть было не заплакал, когда Йейтс дошел до строк:

Мечты ирландской не вернешь,

Потом Паунд приготовил кофе — такого крепкого кофе сэр Джон еще никогда не пробовал — и вовлек всех в оживленную дискуссию. Он гневно заявил, что английская поэзия «охвачена мильтоновским трансом» и, подражая, по-видимому, Мильтону, комически продекламировал: «вакти-вакти-вакти-вакти-бум! бум! вакти-вакти-вакти-бум! бум!» По словам этого выскочки, «древнегреческие» стихи Хильды, древние баллады Йейтса и его собственные переводы-пересказы с китайского необходимы для того, чтобы расширить границы современной поэзии. Некоторые из присутствовавших немедленно запротестовали, причем так горячо, как будто мильтоновская звучность и ямбический пентаметр были для них не менее важны, чем монархия для консерваторов.

— По-моему, — заявила юная леди по имени Лола, чей акцент показался сэру Джону австралийским, — поэзия — это заклинание. Если стихи не заклинают, их нельзя назвать поэзией, какими бы красивыми они ни были.

— Заклинают в церквях! — закричал Эзра. — Поэзия должна быть лаконичной и точно передавать образ — так, чтобы читатель почувствовал и весенний ветерок, и солнечное тепло. Только тогда у него останется впечатление от прочитанного. Заклинания и повторения — это пустая болтовня, которая не дает разгореться поэтическому огню.

— Будет вам, Эзра, — попытался успокоить его Йейтс. — Повторения и ритм — основа акта любви, который поэты, сознательно или нет, всегда стараются воспроизвести в своих произведениях.

Прежде, чем Паунд успел что-либо возразить, в разговор вызывающе вмешалась Лола:

— Вот именно, мистер Йейтс. Знаете, какую поэму я считаю величайшим поэтическим произведением нашего времени? «Дом сокровищ» капитана Фуллера. Вы ее читали?

Она продекламировала по памяти:

О смелый солдат жизни, тонущий в зыбучих песках
смерти! Я люблю тебя, Эвоэ! Я люблю тебя, ИАО!

О смех, блуждающий среди надгробий! Я люблю тебя,
Эвоэ! Я люблю тебя, ИАО!

О козел, танцующий на холмах! Я люблю тебя, Эвоэ!
Я люблю тебя, ИАО!

О, красная кобра желания, выпущенная на волю
младыми девами! Я люблю тебя, Эвоэ! Я люблю тебя,
ИАО!

Сэр Джон вздрогнул и чуть не выронил чашку с кофе. В учении «Золотой Зари» Эвоэ и ИАО — два самых тайных гностических имени Бога. Вопрос «Один из нас?», который он с некоторых пор непрестанно задавал себе, мгновенно превратился в утверждение.

В глубоком изумлении он уставился на Лолу: во-первых, она так небрежно произнесла эзотерические имена, во-вторых, красивые юные леди попросту не говорят так смело о ритме акта любви. Но Лола смотрела на

²⁰ У. Б. Йейтс, «Сентябрь 1913 года» (пер. Г. Кружкова).

Йейтса, ожидая его ответа, и ее лицо было невинным и открытым. Сэру Джону не удалось поймать ее взгляд.

— У капитана Фуллера несомненно есть поэтический дар, — сказал Йейтс с таким же невинным выражением лица, как у Лолы, словно только что не были небрежно произнесены на публике два самых тайных слова силы в оккультизме. — Три такие строфы производят хорошее впечатление, но вот когда их три сотни, поэма начинает казаться скучноватой. Здесь я как раз должен согласиться с Эзрой в том, что краткость — сестра таланта.

— А кто он, этот капитан Фуллер? — спросил сэр Джон, стараясь, чтобы его вопрос прозвучал как можно небрежнее.

— Как мне сказали, он крупный специалист в вопросах военной стратегии, — ответил Паунд. — Недавно он начал писать мистические стихи, все как один похожие на тот, который мы только что услышали. Как по мне, он слишком многословен и витиеват.

Сэр Джон возбужденно вспоминал: «О, красная кобра желания, выпущенная на волю молодыми девами! Я люблю тебя, Эвоэ! Я люблю тебя, ИАО! Фаллический смысл этой строки был совершенно очевиден, особенно после слов Йейтса о том, что ритм поэзии есть не что иное, как ритм Эроса. Может быть, Лола состоит в одной из запрещенных „лож левой руки“ (Джоунз назвал их „культами тьмы“), которые откололись от „Золотой Зари“ и погрязли в сатанизме? Он посмотрел на нее снова и на этот раз встретился с ней взглядом, но увидел в ее глазах лишь загадочную искорку смеха. Что было в ее взгляде — дружелюбие, насмешка или опасность? А может быть, воображение сэра Джона было слишком возбуждено первой встречей с чувственным соблазном, способным разрушить и его робость, и доставшиеся ему по наследству строгие принципы викторианской морали? „Что, — подумал он с ужасом, — если это влечение окажется сильнее обета, который я дал Джоунзу?“ Он отвернулся, чувствуя, как кровь приливает к лицу, и внезапно оказался во власти целого сонма подозрений. Итак, Йейтс состоит в „Золотой Заре“, это вне всякого сомнения. А кто еще из присутствующих? Может быть, все они собрались здесь, чтобы подвергнуть испытанию его верность обету? Он так и не набрался храбрости взглянуть на Лолу еще раз и постыдно бежал с вечеринки, как только это позволили правила приличия.

В ту ночь ему снилась Лола. Она подняла юбку, чтобы поправить подвязку, и внезапно перехватила жадный взгляд сэра Джона, который наблюдал за ней, не отрываясь. Он ужасно испугался и побежал прочь. За ним погналось чудовище, ужасный и подлый зверь по имени Сид. Вне себя от ужаса, он забрался в пещеру, полную пчел, и потом осторожно брел в темноте в поисках выхода. Солнце встало над горизонтом, и он тоже встал, и у него встал, великий одноглазый в поисках подвязки. Раздался ужасный вой, потом он услышал чей-то голос: «Ненавидь и будь пронзен!». Обернувшись, он увидел Страшного Бога Бафомета с огромным восставшим фаллосом, а прямо над ним — перевернутую пентаграмму тамплиеров.

Сэр Джон вскрикнул и рывком сел в кровати. В комнате раздался оглушительный грохот и треск.

— С вами все в порядке, сэра? — послышался за дверью голос Уайлдблада, дворецкого.

— Вы тоже это слышали? — спросил сэр Джон. — Я думал, мне приснилось...

— Должно быть, это землетрясение, сэра. Я вам нужен, сэра?

— Нет, — ответил сэр Джон. — Со мной все в порядке, Уайлдблад.

Осмотревшись, он увидел, что зеркало, которое стояло в противоположном углу комнаты, треснуло. Полтергейст: атака астральных сил. Он напомнил себе основное правило «Золотой Зари»: что бы ни случилось, не давать волю страху и не спешить с выводами. Вероятно, Уайлдблад прав, и это всего лишь небольшое землетрясение.

Но заснуть ему больше не удалось, ибо он увидел ужасный лик Бафомета, Страшного Бога, и понял, что его странствия по Черной Башне больше не ограничиваются только лишь царством сна. Земля в буквальном смысле вздрогнула под ним, и этот толчок говорил о том, что мир астральный и мир физический вступили во взаимодействие. Вероятно, это было «всего лишь небольшое землетрясение», но сэр Джон знал, что в тот момент, когда треснуло зеркало, дверь между мирами широко распахнулась.

XI

Сэр Джон настойчиво, хотя по-прежнему безуспешно, выполнял упражнения по астральной проекции. Тем временем Джоунз вел себя все более странно. Во время одной из встреч, которые теперь происходили раз в две недели, он показал сэру Джону рисунок из «Панча»: чрезвычайно раздраженный джентльмен и надутый таможенный инспектор враждебно уставились друг на друга. Таможенник говорит: «У нас кошки идут как собаки, кролики тоже как собаки, а ваша проклятая черепаха — насекомая!»

Сэр Джон неуверенно улыбнулся.

— Забавно, — произнес он, пытаясь понять, к чему клонит Джоунз.

— В этом рисунке скрыта величайшая тайна иллюминатов, — торжественно объявил Джоунз. — И вы ее раскроете, достаточно лишь немного подумать.

Он передал рисунок сэру Джону, который покорно принес его домой, повесил на стену в спальне и созерцал как минимум пару раз в день. Просветление по-прежнему казалось недостижимым. Естественно, система понятий образованного путешественника не совпадала с системой понятий автора таможенных правил, но какое отношение это имело к вопросам духовного характера?

На следующей встрече Джоунз вручил сэру Джону сочинения Льюиса Кэррола.

— В этой книге, — произнес он очень серьезно, — закодированы основы каббалистического учения.

Сэр Джон вспыхнул от злости.

— Вот теперь я точно знаю, что вы надо мной издеваетесь, — вскричал он. — Я был о вас гораздо лучшего мнения, Джоунз. Вы ведете себя недостойно.

— Итак, — сказал Джоунз, — вы хотите сказать, что знаете больше, чем ваш учитель?

— По крайней мере я вижу, что вы пытаетесь меня мистифицировать.

Джоунз был невозмутим.

— Уверен, — сказал он, — что вы не раз сталкивались с изречением «когда ученик готов, говорит учитель». Знаете, в чем его истинный смысл? Дверь открывается вовнутрь. Учитель повсюду, по ученик не может услышать его голос, пока не откроет свой ум. Читайте внимательно, ищите скрытые значения, и тогда, возможно, учитель заговорит с вами со страниц этой книги.

Сэр Джон, чувствуя себя последним идиотом, взял Льюиса Кэррола и внимательно прочел от корки до корки. Его удивило, как много идей в этой книге совпадает с тем, что приходило ему в голову во время упражнений по астральной проекции — а ведь он был только в самом начале пути. Неужели в ней есть еще более глубокие значения, которые откроются ему только на следующих этапах посвящения?

Несколько дней спустя он проснулся рано утром в абсолютной уверенности, что понял Тайну Тайн. Это была строфа из «Песни Садовника»:

Ему казалось — Юный Клерк
По улице идет.
Он присмотрелся — это был
Не Клерк, а Бегемот.²¹

Ликование длилось всего несколько минут. Затем он взглянул на разбитое зеркало и увидел в нем свое изломанное, искаженное отражение. Весь мир вдруг взорвался и разлетелся на сверкающие осколки, мириады драгоценных камней. Сэр Джон знал, что этот взрыв произошел только в его голове и не был услышан ни Уайлдбладом, ни кем-либо еще из слуг.

Он очень осторожно вылез из кровати, зажег свечу, подошел к окну и уселся на подоконник. Прислушиваясь к биению своего сердца и стараясь дышать ровно и глубоко, он посмотрел в зеркало и был загипнотизирован тем, что увидел. Его отражение ритмически колебалось на фоне необычных образов — миры с семью лунами и девятнадцатью солнцами, волшебные замки в туманной дымке, паладины в черных и белых доспехах, гигантские разумные насекомые, другие планеты и галактики, воющий в безлунной ночи демон-султан. «Собаки идут как кошки, мыши — как 3, 141593, а вот эта проклятая подвязка — искомая. Иллиган Ниллиган Риллиган Миллиган. Съешь живую жабу перед завтраком, и ничего худшего в этот день с тобой уже не случится». Сэр Джон сделал именно то, что должен был сделать в этой ситуации. Сосредоточившись и стараясь не обращать внимания на писклявый голос, который назойливо повторял в его голове идиотские фразы, он воскресил в памяти и записал на листе бумаги пять аксиом и двадцать три определения евклидовой геометрии. Уже спустя полчаса Повелитель Бездны Галлюцинаций был побежден, и сэр Джон вновь оказался в нормальном пространстве-времени.

XII ДАЛЬНЕЙШИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА (не рекомендуется читать лицам, не достигшим совершеннолетия)

Фатальная цепь совпадений, а может, и нечто большее. Мириады мировых линий, как сказал бы профессор Эйнштейн, но все они связаны между собой невидимыми, неосвязаемыми и загадочными нитями. Диалектика: Йейтс, единственный человек на всю Ирландию, который попытался хоть как-то мне помочь, оказался моим главным врагом. Я должен бороться с ним до самого конца, ибо от исхода этой битвы зависит будущее ирландской

²¹ Льюис Кэрролл, «Песня Садовника» (пер. Д. Орловской).

литературы.

Мировые линии сворачиваются назад, к единому началу. Карма, или первопричина всего. Непостижимая и неотвратимая. К чему здесь подвязки, ради всего святого? Цепь совпадений. Эзра, сын Гомера, будь он проклят.

Самое странное: в жизни Бэбкока встреча с Йейтсом и Паундом — лишь незначительный эпизод, случайное отступление от основного сюжета. Что, если Гамлет был таким незначительным эпизодом в жизни Фортинбраса?

I.N.R.I. Iron Nails Ran In²². Расшифровка, придуманная дублинским мальчишкой-протестантом кто знает сколько лет тому назад.

Эйнштейн с глазами смышленного спаниеля; я был подготовлен к этому гораздо лучше, чем он, ибо слышал о «Золотой Заре» еще в Дублине. Интересно, что он думает о Йейтсе, Бэбкоке и других мистиках, которые пытаются сорвать с себя оковы пространства-времени?

«Повязка-развязка-завязка-привязка». Какое слово будет следующим? Подвязка.

Род *eutaenia*²³, конечно. Древний змий-искуситель. Едят мышей, по весне сбрасывают кожу: мужчина и женщина в саду, обнаженные и невинные. Один кусочек яблока, и все полетело в тартарары.

Может быть, им нужно было откусить по два раза?

Раз, а потом еще раз.

Во всем этом чувствуется боязнь гомосексуального влечения. Карточка, которую старый Квинсборо послал Уайльду в его клуб, чтобы спровоцировать обвинение в клевете: «Мистеру Уайльду, который называет себя сомдомистом». В снах Бэбкока пять или шесть раз встречались отчетливые признаки.

Интересно, а знает ли Бэбкок, что на самом деле это слово пишется «содомист», а не «сомдомист», как его написал Квинсборо?

Но что такое «ягода утешения»? Пока неясно, хотя, похоже на эдипов комплекс.

Из глубин подземелья в Сен-Жиле
Страшный крик разнесся на мили
«О Боже святой!» —
Вскричал брат Игнатий...

Нет, не то. Начну все сначала.

Хантер: Одиссей в Дублине. Время сделало его роконосцем. Жена слишком долго была одна. *Noni soit qui mal y pense*²⁴...

Нора, Станислаус: делали они это? Хотя бы раз? Или уже не раз? Неважно. Единожды отвергнув моногамию, могу ли я требовать ее сейчас? Человек не может быть собственностью другого человека. Не посягай и не посягаем будешь. *Non serviam*²⁵. Беру пример с лорда Байрона. Но все-таки:

²² Железные гвозди вонзились в плоть (англ.)

²³ *Eutaenia* — одна из разновидностей подвязочной змеи.

²⁴ Позор тому, кто подумает об этом плохо (фр.)

²⁵ Не буду служить (лат.)

делали или нет? Узнаю ли я об этом когда-нибудь? Во всяком случае, не в этом мире.

Мировые линии — пересекающиеся, переплетающиеся, расходящиеся. Так Минковский²⁶ представляет себе теорию забавного маленького профессора.

Делали ли они это? Нора стонет, глаза закатились, еще, еще, еще. В ней. Все глубже и глубже. Проникает в нее. Проникает глубже. И вот уже весь в ней. Горячее лоно, и в нем его, а не мой. Горячее и влажное устье.

Немедленно прекрати этот мазохизм.

Рога — отличие чудищ и зверей.²⁷

Мировые линии: Нора, Джим и Станислаус, пересекаются, переплетаются, расходятся. Джорджо и Лючия расходятся и образуют новые векторы. Беспредельно разветвляющаяся река времени.

Мать, Нора, Лорелея: засасывают нас, зовут нас домой. Тело человека на восемьдесят или девяносто процентов состоит из соляного раствора: топазовое море, солоноватый вкус впадин ее тела. Одиссей залил уши воском, чтобы не слышать этот темный зов лона, песнь утонувшего царства. Дно океана, затонувшие корабли, сокровища, тишина. Тонуть, должно быть, страшно — холодная и мокрая, отвратительная смерть. Совсем не то, что думал Вагнер: ertrinken, versinken, Unbewusst, hohste Lust²⁸. Отнюдь нет. А что же это за тварь в Лох-Нессе?

Наверное, просто какая-нибудь очень крупная водяная змея.

Что, если время едино и не движется, если «Я» в 1904 году и «Я» здесь и сейчас существуют одновременно? Оба реальны, несокрушимы, вечны. Весну не сменяет лето. Мировые линии. А что, если, скажем, лет через двадцать вся Европа знает имена Джойса и Эйнштейна? Тогда и это существует вечно, как один из изгибов мировой линии.

И те, кто впереди нас в линейном времени (их прошлое — наше будущее), оглядываясь, отчетливо видят то, к чему мы бредем почти вслепую и спотыкаясь. Трагедия и ликование завтрашнего дня. Кому умереть, а кому жить.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

И даже эта современная уловка — объявлять самоубийц душевнобольными — не дает нам надежды. Нет никаких сомнений в том, что эти несчастные жертвы Сатаны до самого последнего момента находились в здоровом уме и твердой памяти.

Преподобный Чарльз Вири, «Облака без воды».

²⁶ Минковский, Герман (1864 — 1909) — немецкий математик и физик. Дал геометрическую интерпретацию кинематики специальной теории относительности (пространство Минковского).

²⁷ Шекспир, «Отелло», акт 4, сцена 1 (пер. Б. Пастернака).

²⁸ Утопиться, утонуть, ничего не чувствовать — вот высшая радость (нем.) — Р. Вагнер, «Тристан и Изольда».

Древние всегда были, Древние есть, Древние всегда будут. После лета наступает зима, после зимы наступает лето. Они правили там, где сейчас правит человек, они будут править там снова. Они спокойно ждут вне пространства и времени, Незримые для нас.

«Некрономикон»

Я, жрица этого ритуала, чье тело сейчас алтарь и жертва, бросаю вызов тебе, Иисус. Порази меня молнией, если твоя сила превосходит силу моего Господина и Повелителя.

Леон Кац, «Дракула: Шабаш».

Эта стена на самом деле велика.

Ричард Никсон о Великой Китайской стене.

XIII

Заметим сразу, что странный и ненаучный образ мыслей, присущий, с некоторыми несущественными отличиями, как Джойсу, так и Бэбкоку, был совершенно чужд профессору Эйнштейну, ум которого был дисциплинирован математической логикой. Черный верблюд под ярким серпом луны для Джойса или Бэбкока мог означать все, что угодно, тогда как для науки он был всего лишь одомашненным животным на фоне непригодного для жизни спутника, вращающегося вокруг звезды типа «G».

Внимательно слушая удивительную историю сэра Джона Бэбкока, Эйнштейн время от времени позволял себе слабую улыбку. Наши предки, тело которых было покрыто густыми волосами, точно так же оскаливали зубы при виде пищи; но в данном случае пищей служила чистая мысль. Чудесный, хотя и слепой, процесс эволюции создал человеческий мозг, и у таких высокоразвитых человеческих существ, как Эйнштейн, этот орган способен был испытывать голод и жажду, которые могла удовлетворить только Истина.

Наука имеет дело с реальными показаниями реальных приборов и старается описывать изучаемые явления как можно меньшим количеством слов. Безусловно, в ней разрешается проводить определенные *gedankenexperiments*²⁹, с помощью которых иногда можно получить новые законы из уже имеющихся или анализировать гипотетические ситуации. Так, если представить себе межзвездный лифт, показания установленных в нем приборов будут говорить о том, что внутри него действуют гравитационные уравнения сэра Исаака Ньютона, поэтому физики, находящиеся в этом лифте, будут толковать результаты своих наблюдений на основе гравитационной теории Ньютона. Но физик, находящийся вне этого лифта, будет объяснять те же результаты действием закона инерции. Эта занятая мысль немного отвлекла и развлекла профессора Эйнштейна, но теперь он решил ее оставить и сосредоточиться на готическом романе, в котором жил

²⁹ Мысленные эксперименты (нем.)

сэр Джон Бэбкок и в котором оккультные силы играли гораздо более значительную роль, чем научные законы.

После некоторых размышлений Эйнштейн пришел к выводу, что наряду с физической относительностью существует относительность нейрологическая. Он стал новым Альбертом Эйнштейном, отказавшись от своих соотечественников и их Бога, а сэр Джон изменил свою нервную систему с помощью так называемых оккультных упражнений.

Предположим, два человека пытаются измерить длину движущегося стержня, двигаясь при этом с разными скоростями. Это относительность измерений. Но если взять, к примеру, мужчину — итальянца, католика и консерватора, и женщину — русскую, вегетарианку и пацифистку, — и рассказать им историю, которую рассказал нам сэр Джон, каждый из них истолкует ее по-своему. Это и есть относительность сознания, самой нервной системы.

Mein Gott, но ведь нервная система — это тот измерительный инструмент, с помощью которого мы используем все остальные измерительные инструменты.

Тогда получаем следующее: точно так же, как физики внутри лифта не могут определить, что тянет лифт вниз — сила тяжести или инерция, — обычные люди внутри своих нервных систем не могут определить источник тех сигналов, которые они воспринимают. Поэтому атеист может бесконечно долго спорить с оккультистом, и ни одному из них не удастся переубедить другого. Мы все — заложники наших идей, те слепые из анекдота, которые пытаются описать слона. Правила нашей нейрологической шахматной игры определяют форму, или контекст, в которые мы помещаем каждый новый сигнал. Игрок по другую сторону доски, как однажды верно заметил Хаксли³⁰, скрыт от нас.

Но чем вызвано чувство вины в его снах? Может быть, случаем с мышью? Почему он снова и снова вспоминает комиксы, найденные в поезде? Наверное, Фрейд разобрался бы в его проблемах гораздо быстрее и лучше, чем я.

Zwei Seelen wohnen³¹: любимая строка папы. «Знай, Альберт, что слова, идущие из души великого человека, всегда очень глубоки».

Бедный папа! Всегда боялся, что я умственно отсталый, потому что ему казалось, что я не похож на других мальчишек. Казалось?

Я и вправду не был на них похож. Наверное, меня всегда интересовало, каково это — быть фотоном. Сколько лет прошло с тех пор? In meiner Brust. «Знай, Альберт...»

Мне было пятнадцать. Так, прибавим пятнадцать к 1879 — ага, это было в 1894, то есть как раз в том году, когда я отказался от немецкого гражданства. Приблизительно тогда же я впервые прочитал о деле Белла, которое рассматривалось в Верховном Суде США. Капиталистическое Schweinerei³²: еще в 1872 (или... э-э-э... за семь лет до моего рождения)

³⁰ Хаксли (Гексли) Томас Генри (1825 — 1895) — английский естествоиспытатель, ближайший соратник Дарвина.

³¹ Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust (нем.) — «Ах! две души живут в моей груди» (Гёте, «Фауст»).

³² Свинство (нем.)

начали спорить, кому принадлежат электроны. Семь плюс пятнадцать — двадцать три, то есть к тому времени Белл и его конкуренты уже двадцать три года грызлись из-за патента. Собственность на электроны, *mein Gott*. Столько лет проработал в патентном бюро, и видел только скуку и алчность. Можно подумать, кто-то в состоянии владеть законом природы. *Konigen, Kirchen, Dummheit und Schweinerei*³³.

Но эти приматы до сих пор грызутся из-за денег, акций, патентов. Хищные млекопитающие. На той ли планете я родился? У человечества есть только один выход: свалить в одну гигантскую кучу все деньги, акции, облигации, и потом поджечь.

*Walpurgisnacht*³⁴. И дать людям возможность потанцевать вокруг костра, чтобы отпраздновать освобождение от вековой тирании. Да восстанет из пепла феникс свободы!

А может, все дело в генах? Иерархия и хищнические повадки появились у первых позвоночных. Наверное, я на самом деле родился не на той планете. *Biedermeier*³⁵, дразнили меня в школе. *Biedermeier* Эйнштейн: слишком глуп, чтобы лгать.

Zwei Seelen wohnen ach! In meiner Brust. Должно же это хоть что-нибудь значить? Если бы я был Гегелем, у меня бы возникли подозрения, что это не значит ровным счетом ничего. Но у Гёте каждое слово исполнено глубокого смысла.

Дядюшка Яков, высмеивающий кошерные законы. В общем-то, мама никогда их и не придерживалась, по крайней мере в том, что касалось еды. Семья еретиков, вот кем мы были. Но среди нас только дядюшка Яков был убежденным атеистом. Это мне очень помогло, как и годы в католической школе. Родиться евреем, иметь дядю-атеиста и ходить в католическую школу — неплохая тренировка для ума. Разнообразие сигналов.

Да, чем больше разных сигналов, тем шире должно быть представление о мире, чтобы вместить все эти сигналы. У большинства людей ум недоразвит, потому что каждая нация, каждая религия и практически каждая семья ограничивает диапазон сигналов. С возрастанием скорости перемещения (а также скорости связи) люди будут воспринимать все больше разных сигналов. Может, хотя бы это заставит одомашненных приматов поумнеть. Ни один итальянец не сможет сохранить узкобное итальянско-католическое представление о мире, пообщавшись с сотней немцев-протестантов. Англичанин, который вернулся из Индии, уже не тот стопроцентный чертов англичанин, каким он был до отъезда. Да. Скорость перемещения и связи в этом веке должна возрасти, поэтому людям придется поумнеть.

Если только война не отбросит нас назад, в мрачное средневековье.

³³ Короли, церкви, глупость и свинство (нем.)

³⁴ Вальпургиева ночь (нем.)

³⁵ Простак, простофиля (нем.)

$$V'' = \frac{V + V'}{1 + \frac{VV'}{c^2}}$$

Очень изящная формула. Но пацифизм заложен в нас глубже, чем социализм, по крайней мере так должно быть. Если мы не перестанем воевать, нам вскоре не из чего и негде будет строить социализм. Но попробуйте сказать это социалистам. Как только начинается драка, все они сразу же становятся в первую очередь немцами или французами, и только потом вспоминают про свои социалистические убеждения.

$$t' = \frac{1}{\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}}$$

Тоже очень изящно. Это уже больше похоже на кривую в новых уравнениях. Неевклидова, сходящаяся. Геодезическая. Нельзя ни увидеть, ни почувствовать, можно только описать математической формулой.

Связь будет все быстрее и быстрее, и каждый Иван, Ганс и Хуан будет получать смесь католических, иудаистских и атеистических сигналов, как это было со мной, или какую-нибудь другую похожую смесь. Это заставит их думать и выбирать.

Zwei Seelen wohnen...Точно. Два вида сознания, или то, что Фрейд называет сознательным и бессознательным — вот что имел в виду Гёте, говоря о двух душах. «Золотая Заря» сэра Джона — это нейрологическая игра, в которой бессознательная душа, которую они называют астральным телом, постепенно становится сознательной.

Но даже Фрейд не понимает, что сама нервная система как инструмент тоже относительна. Три человека в этой комнате — Джойс, сэр Джон и я — существуют в трех разных нейрологических реальностях, точно так же как физики из моего примера с лифтом существуют в разных пространственно-временных реальностях, так как перемещаются в пространстве с разными скоростями.

Театр теней, обман зрения и чувств. Nur der Wahnsinnige ist sich absolut sicher³⁶. Интересно, понимает ли это хоть один психолог?

Конечно, не имеет никакого значения, к чему или кому восходит традиция этой новоявленной «Золотой Зари» — к розенкрейцерству, средневековью, Адаму или даже первой амебе. Пусть даже мистер Роберт Уэнтворт Литтл и таинственная фрау Шпренгель выдумали эту традицию от начала и до конца — это совершенно не важно. Единственное, на чем в данном случае я, как ученый, должен сосредоточить свое внимание — тот факт, что, вступив в «Золотую Зарю», наш друг Бэбкок связался с тайным орденом, о планах и деятельности которого он не знает практически ничего, хотя и уверен в обратном. Слишком уверен, как и все мы.

³⁶ Только сумасшедший абсолютно уверен в себе (нем.)

Нелепость ньютоновского императива «Не создавать гипотез» очевидна: человек просто не может не строить гипотезы. Скорость прохождения нервных сигналов в нашем мозгу такова, что мы не в состоянии отделить процесс восприятия от процесса создания гипотез. Даже то, что я сейчас общаюсь с двумя людьми — не что иное, как моя гипотеза. Джойс и Бэбкок могут оказаться автоматами, выдающими себя за людей, или просто галлюцинацией. Только Пуанкаре и Мах понимали это по-настоящему. Как точно заметил Джойс, мы живем среди символов, которые создает наш мозг. Господа доктора и профессора не могут понять мою статью об относительности пространства-времени, потому что считают «длину» фактом, а не идеей, родившейся и существующей в человеческом мозге.

Семнадцать лет назад в Милане, когда я отказался от немецкого гражданства, со мной произошло то, что психологи сейчас называют перерождением. Я заново определил и заново открыл себя. Как и тогда, когда отказался от Бога своих родителей. Наверное, если бы не эти два поступка, я бы не смог заново определить и открыть пространство и время. Отказ от старого — вот единственный путь к новому.

Итак, в основе фантастической истории, которую рассказывает нам сэра Джон, лежит простой сюжет: сирота, которому судьба подбросила слишком много денег, пытается заново определить и открыть себя. И не только себя, но и весь мир. Точно так же, как это сделал я. Своеобразная шахматная игра.

Но каковы правила этой игры и как она довела его до такого плачевного состояния? И кто, или что, находится по другую сторону шахматной доски? Вот что я хочу понять в первую очередь — правила этой странной игры под названием «Золотая Заря».

Я должен задать себе вопрос, похожий на тот, который Biedermeier Эйнштейн задавал себе двадцать лет назад, в 1894 году. Тогда я спрашивал себя, каково быть фотоном, сейчас я должен спросить себя, каково быть учеником колдуна.

XIV ГЕНЕТИЧЕСКИЕ АРХИВЫ

Однажды ночью, в ужасную грозу, на пороге дома Грейстоков кто-то оставил корзину с новорожденным. Найденыша выходили и назвали Фербишем Вшивогоном. Он вырос и стал верным слугой в поместье Грейстоков.

Говаривали, что Фербиш был незаконнорожденным сыном викария из Вимса, известного как Джон-Толстяк или Священный Боров Святого Губерта, ибо он служил в церкви Св. Губерта. Матерью Фербиша была одна монашка, которая впоследствии, дабы искупить свой плотский грех, совершила паломничество к могиле Святого Фомы, во время которого повстречалась с неким Джефффри Чосером и рассказала ему совершенно невероятную историю, каковую, уже в стихах, тот пересказал в своей знаменитой книге. Некоторые также утверждают, что эта монашка послужила прообразом для прекрасной Настоятельницы, изображенной на одной из цыганских карт Таро. Позднее эту карту называли «Папессой», а сейчас она именуется «Верховной Жрицей».

Лорд Грейсток назвал найденыша Фербишем Вшивогоном, ибо ребенок выглядел на удивление чистым и аккуратным, когда его нашли в грязном хлеву. Надо сказать, что в Веселой Англии тех дней такое имя считалось

очень красивым и было признаком большой любви к ребенку, несмотря на то, что в народе так называли *herba pedicularis*, или вшивицу, цветок наподобие львиного зева. Воистину, никто не смог бы назвать растение ни точнее, ни красивее.

Шли годы, и вот уже Фербиш Вшивогон стал крепким мужчиной, очень хитрым, но и очень веселым. Помимо трех законнорожденных сыновей, у него еще было семь незаконнорожденных детей разного пола. Увы, в расцвете сил он пал ужасной смертью в крестовом походе против темнокожих сарацин, которые силой удерживали Святую Землю. Люди утверждают, что он оставил свой след в веках скорее своим распутством, чем верностью священному брачному ложу, ибо его честь судья П. Дж. Фармер, который превосходно разбирается в генеалогии и преданиях старины, не раз говаривал (по словам многих людей с хорошей репутацией), что после того крестового похода единственным продолжателем рода Грейстоков по мужской линии стал не настоящий, а, так сказать, ложный Грейсток — плод преступной связи леди Грейсток с упомянутым выше плутом, Фербишем. Если это так, то благородный род Грейстоков (в котором когда-то были одни паписты, а сейчас, как говорят, сплошь добрые англиканцы), в сущности, берет свое начало от незаконнорожденного плебея. Многие считают это сказкой, но в каждой сказке есть доля правды.

С математической точностью можно утверждать только одно: в ту ночь, 26 июня 1914 года, в организме виконта Грейстока содержалась ровно одна шестнадцатая часть генетической информации, которая составляла нейрогенетический шаблон сэра Джона Бэбкока, тогда как в организме кузена виконта Грейстока, Джакомо Челине, содержалась ровно одна четвертая часть генетической информации Хагбарда Челине, который шестьдесят лет спустя сообщит внучатому племяннику егеря сэра Джона, что врага нет нигде.³⁷

XV

Даже самые ужасные события почти никогда не лишены иронии, которая словно напоминает нам о том, что в этом мире не существует бессмысленного зла. После того, как в комнате сэра Джона треснуло зеркало, он начал постепенно и кое-как приспосабливаться к двадцатому веку, но чем лучше ему это удавалось, тем коварнее его окружали ужасы и адские образы предыдущих столетий. Сначала треснувшее зеркало доставляло ему лишь незначительные неудобства: в своем искаженном и зазубренном отражении он видел некий отвратительный и даже угрожающий символ темной стороны таинственной силы вриль. Эта сила атаковала его сквозь брешь, открывшуюся в его душе под действием плотских желаний, пробужденных — и возможно, вполне намеренно — таинственной Лолой и ее откровенными словами о ритме акта любви и красной кобре желания. После землетрясения, которое совпало во времени с кошмарным сном, у сэра Джона зародилось определенное подозрение. Это подозрение росло и росло, как бы он ни старался от него избавиться. Вскоре он был уже почти уверен, что встретил настоящую ведьму, и что мир средневековья, который он так долго изучал,

³⁷ Это произойдет в главном художественном произведении Уилсона — трилогии «Иллюминатус». Внучатый племянник егеря — Джордж Дорн.

оживает вокруг него.

Спальня больше не казалась ему уютной и безопасной, не в последнюю очередь из-за расколотого зеркала и живущих в нем зловещих двоящихся образов. Но легкое беспокойство теперь не покидало его и в любом другом уголке огромной старой усадьбы. Что-то неприятное и тревожное воцарилось в атмосфере всего дома, как будто в нем умирал или только что умер один из жильцов. Это ощущение было очень неясным, некое предзнаменование перемен и новых возможностей, но в то же время порождало в возбужденном воображении сэра Джона жуткие образы, связанные с ужасными тайнами прошлых столетий и преступлениями против Природы и Священного Писания. Атмосферой ужаса и смерти была отравлена даже мебель, и у сэра Джона возникало гнетущее чувство, когда он вспоминал, каким спокойным и полным здравого смысла было поместье Бэбкоков до вторжения Темной Силы (в конце концов он решил называть ее так).

В конце концов чаша терпения сэра Джона переполнилась, и он решил избавиться и от проклятого зеркала, и от всей старой обстановки вообще. Вскоре дом заполонили подрядчики и рабочие, которые все измеряли, передвигали, снимали и разбирали. Сэр Джон решил переделать абсолютно все и даже провести в каждую комнату электричество. На это ушло несколько месяцев, но в результате поместье Бэбкоков было приспособлено, хотя и поверхностно, к двадцатому веку. Пока в доме царила рабочая суета, темные силы, преследовавшие сэра Джона, тоже не сидели без дела, и результате их усилий в его душу вторгся самый отвратительный и мерзкий из древних страхов.

Сэру Джону по-прежнему часто снилась Черная Башня. В одном из таких снов он оказался в огромном подземелье, где яростно спорило множество каких-то угрюмых и, судя по всему, глупых, людей. «Долой богов!» — кричали одни. «Давай богов!» — кричали другие в ответ. «Нет ни Башни, ни Грааля — все это лишь детские фантазии!» — блеяла маленькая белая овечка. Алиса превратилась в медведя, который помахивал длинным хвостом со змеиной головой на конце. «Три яйца, похожие на нас по размерам и по весу», — пропел блуждающий оранжевый осьминог и обвил своими щупальцами необычный хвост медведя. «Вот ступившие на Путь без Жезла Интуиции. Они уже пришли, но еще не знают этого. Имеющие „Я“ да не увидят. Умеющие яда не вкусят».

Записав этот сон в свой магический дневник, сэр Джон прокомментировал его так:

По причинам, которые мне не до конца понятны, я проснулся в полной уверенности, что Шекспир был посвящен в таинства Креста и Розы. Я чувствую, что близок к истинному пониманию его слов «мы созданы из вещества того же, что наши сны».

Несколько дней спустя он был приглашен на ужин к виконту Грейстоку. Первую часть вечера он вытерпел с большим трудом; гости пили слишком много бренди, курили слишком много сигар и все время говорили об охоте на лис — развлечении, которое сэр Джон считал варварским и бесчеловечным. Ему стоило больших усилий сдержаться и не процитировать собравшимся Уайльда, который метко назвал этот кровавый вид спорта «неразумное в погоне за несъедобным». Позевывая от скуки, он дал себя вовлечь в карточную игру, хотя обычно относился к этому виду времяпровождения с презрением. После того, как часы пробили десять, он вдруг вспомнил, что обычные игральные карты произошли от карт Таро. Пики — Жезлы

Интуиции, черви — Чаши Сострадания, трефы — Мечи Разума, бубны — Пентакли Мужества, а вся колода соответствует астрологическим знакам Огня, Воды, Воздуха и Земли. , 52 недели и четыре времени года, 52 карты и четыре масти. Каббалистические знаки были повсюду, но и божественная сущность тоже была повсюду. Сэр Джон снова подумал, что нет такого места или времени, в котором бы не встречались и не пересекались видимый и невидимый миры. Он снова видел Будду во всем. Восприятие сэра Джона настолько обострилось, что вся его прошлая жизнь показалась ему полудремой. Он чувствовал себя всемогущим, к нему приходил один козырь за другим. Эйфория длилась весь следующий день и только на исходе третьего дня уступила слабому беспокойству, когда он вспомнил, что многие формы помешательства начинаются с похожего состояния возбуждения и эмоционального подъема, в котором любое событие кажется исполненным невероятно глубокого смысла.

Спустя два дня сэр Джон отправился в Лондон и в Британском музее повстречал — скорее всего, случайно — того напыщенного американца, с которым познакомился на поэтической вечеринке, Иезекиля (или Эзру?) Паунда. Паунд был подозрительно дружелюбен, под мышкой у него был зажат китайско-английский словарь и пачка записных книжек с надписью «Феноллоза» на обложках. Сэр Джон предложил ему вместе пообедать.

— Йейтс делает успехи, под моим влиянием, — с апломбом произнес Паунд, оторвавшись от рыбы и жареной картошки. — Он наконец-то выбрался из своего кельтского тумана и начал писать современные стихи.

Важничанье Паунда рассмешило сэра Джона, но ему удалось сохранить серьезное выражение лица. Он решил направить разговор в иное русло.

— Скажите, почему вас так привлекает китайская поэзия? — поинтересовался он.

— Китайская культура, — объявил Паунд, — будет играть в двадцатом веке не менее важную роль, чем греческая в эпоху Возрождения.

Он распространялся на эту тему еще добрых двадцать минут, и сэр Джон уже пожалел, что заговорил о поэзии. Наконец Паунд замолчал и снова склонился над своей тарелкой.

— А кто была та юная леди, которая декламировала капитана Фуллера? — спросил сэр Джон, движимый каким-то дьявольским порывом.

Паунд поднял голову и внимательно посмотрел на него.

— Ее зовут Лола Левин. Она утверждает, что родом из Франции, но я в этом сильно сомневаюсь. По-французски она говорит гораздо хуже, чем я.

— По-моему, ее акцент больше похож на австралийский...

— Точно, — согласился Паунд. — Она из тех юных леди, которым не стоит слишком доверять. Слыхали об Алистере Кроули?

Сэр Джон вспомнил это имя — один из руководителей ложи, которая откололась от «Золотой Зари» и, по слухам, впала в сатанизм.

— Пару раз, — ответил он.

— Что бы вы о нем ни слышали, это наверняка было нечто плохое, просто ваша английская сдержанность не позволила вам упомянуть об этом, — сказал Паунд, пронизывая сэра Джона своим острым взглядом. — Мой вам совет, сэр Джон: не связывайтесь с этой Лолой Левин. Говорят, что она была и до сих пор остается одной из бесчисленных любовниц Кроули. С людьми, которые подходят слишком близко к Кроули, его друзьям или любовницам, случаются ужасные вещи. Вы, конечно же, знаете Виктора Нойбурга?

— Я слышал об этом молодом поэте, но, к сожалению, не знаком ни с одним из его произведений.

— Несколько лет назад Нойбург был очень близок с Кроули. Сейчас он пытается прийти в себя после ужасного нервного срыва.

— Нервный срыв? — переспросил сэр Джон. — Вы имеете в виду...

— Так это называют доктора, — мрачно произнес Паунд. — Сам же Нойбург считает, что его преследуют демоны.

— О Боже, — сказал сэр Джон, — какой ужас!

— Да, — ответил Паунд, спокойно глядя сэру Джону в глаза. — Вот что может произойти с тем, кто неосторожно приблизится к Кроули или Лоле Левин. Нойбург даже утверждает, что Кроули однажды превратил его в верблюда.

— В верблюда?! — удивленно воскликнул сэр Джон.

— Именно. Конечно, более консервативный маг превратил бы его в жабу, но Кроули известен своей оригинальностью и необычным чувством юмора.

— Вы что, и вправду верите, что Нойбург превратился в верблюда? — спросил сэр Джон с неподдельным интересом.

— Черт возьми, конечно же нет! — воскликнул Паунд и пренебрежительно рассмеялся. — Но я думаю, что если вы свяжетесь с подобной шайкой и начнете заниматься йогой, медитацией, групповым сексом и спиритизмом, то уже чертовски скоро будете верить в еще большую чепуху.

На этой пессимистической ноте разговор закончился, и они расстались. Сэр Джон никак не мог решить, готов ли он уже поверить в то, что человека можно превратить в верблюда. Ему казалось, что подобным метаморфозам место скорее в народных сказках, чем в истинной традиции мистицизма, продолжателем которой объявила себя «Золотая Заря», и все же одна мысль не давала ему покоя. Что-то на самом деле произошло с несчастным Нойбургом, что-то такое, что психиатры пока не в силах ни понять, ни вылечить. Если мы созданы из вещества того же, что наши сны, то злые силы, которые Макбет называет «слугами ночи», так же важны в дешевом маскараде нашей жизни, как и все остальное. А ведь в этом есть каббалистическая логика: верблюд соответствует букве древнееврейского алфавита Гимел, которая, в свою очередь, соответствует карте Таро «Жрица под вуалью», а Жрица ведет нас над Бездной Галлюцинаций к Истинному Просветлению.

В тот же день после полудня — конечно, это было еще одна случайность, очередное совпадение, — сэр Джон увидел на Руперт-стрит Лолу Левин. Ошибки быть не могло: те же темно-каштановые волосы, тот же загадочный взгляд карих глаз, та же соблазнительная фигура, — одним словом, та же молодая дева, выпускающая на волю красную кобру желаний. Моля бога, чтобы Лола его не заметила, сэр Джон быстро прошел мимо, с трудом сдерживая мысли о нижних юбках, подвязках и прочих интимных деталях ее туалета.

Удивительно, но вечером того же дня он встретил ее снова, уже при менее обычных обстоятельствах. Выполняя, в полном соответствии с учебником «Золотой Зари», четвертое в тот день упражнение по астральной проекции, он почти поверил, что ему удалось покинуть материальный план. До этого подобное ощущение возникало у него всего два раза.

(«По-моему, у меня получилось, — сказал он Джоунзу после первого

раза, — но я не уверен. Возможно, мое воображение по-прежнему меня обманывает».

«Не стоит мучить себя сомнениями, — ответил ему Джоунз. — Это всегда начинается как полет воображения...»)

В этот раз сэр Джон, крепко зажмурившись, представил себе, как его астральное тело медленно воспаряет вверх и, зависнув где-то в углу под потолком, осматривает комнату — в том числе и его физическое тело, лежащее на кровати. Следуя инструкциям, он спроецировал себя выше и увидел все свое поместье, потом еще выше и увидел Англию и всю Европу. Колоссальным усилием он спроецировал себя еще выше и увидел Солнце (в этот час оно освещало другую сторону Земли), Меркурий, Венеру и Марс. Пока все шло отлично, поэтому он отважился спроецировать себя за пределы солнечной системы и оказался в мире Йесод, то есть на первом астральном плане.

То, что он увидел, в точности соответствовало рисункам в древних каббалистических книгах: Столп Дня, Столп Ночи и Жрица в маске, восседающая на троне — Шекина, воплощенная Слава Иеговы.

— Кто посмел войти в мое царство? — спросила она. Ее голос показался сэру Джону очень знакомым. (А может быть, все это существовало только в его воображении? Может быть, эти упражнения пробуждали бессознательное в то время, пока сознание еще бодрствовало?)

— Я тот, кто стремится к Свету, — произнес сэр Джон стандартную формулу.

— Ты повернулся спиной к Свету, — резко сказала она. Ее карие глаза сияли странным светом. — Ты отверг Меня и связался с Черными Братьями, которые ненавидят и презирают Мое творение.

— Нет, нет, — воскликнул сэр Джон, в панике вспоминая о Первой Заповеди. («Страх — поражение и предвестник поражения».) — Я никогда не отвергал Тебя.

— Ты отверг женщин — моих посланниц на Земле, и отверг акт радости и любви — Мое Таинство. Ты не сможешь пройти в эти Ворота до тех пор, пока не победишь в себе страх перед Женщиной. Страх — поражение и предвестник поражения.

Сэр Джон наконец-то узнал ее голос — это был голос Лолы Левин. Вне себя от страха и отчаяния, он нырнул назад, к Земле, и попытался успокоиться. Он помнил, что было написано в учебнике: «тот, кто поддается панике, может не найти дорогу на Землю, к своему физическому телу». Через несколько мгновений он оказался на одном из алхимических планов, где его сразу же начали преследовать Белый Орел, Красный Лев, Золотой Единорог и Сэр Талис. Он бежал по волшебному лесу, а деревья ритмично распевали: «Пангенитор, Панфаге, Пангенитор, Панфаге...». Голос Лолы звенел в ответ: «Йо Пан! Йо Пан Пан! Йо Пан! Йо Пан Пан!» Потом он каким-то образом снова провалился вниз и полетел сквозь бесконечную тьму к Белому Свету Солнца, мирно вращающемуся земному шару, Англии, своему поместью и кровати, в которой он в конце концов и обнаружил себя сидящим в холодному поту и с гулко бьющимся сердцем.

Сэр Джон несколько раз повторил великую защитную мантру: «Христос надо мной, Христос подо мной; Христос справа, Христос слева; Христос передо мной, Христос за мной; Христос во мне». По его спине ручьями стекал пот, лоб был опален астральным жаром. Он дрожал, и ему пришлось повторить защитную мантру еще трижды, прежде чем страх отступил.

«Если произойдет что-нибудь особенно примечательное или страшное, сразу же записывайте, — как-то посоветовал ему Джоунз. — Это снова включает линейный, рациональный ум; кроме того, впоследствии вы сможете извлечь из этих записей немалую пользу».

Сэр Джон сначала на всякий случай провел ритуал очищения, и только потом подробно описал свое путешествие в магическом дневнике, закончив словами:

Это видение представляет огромный интерес, даже если является проделкой моего бессознательного. Хор голосов, взывающих к Пану, говорит о том, что мое подсознание слагает стихи на греческом гораздо лучше, чем мое сознание. А содержание этих стихов — Пангенитор, или «создатель всего»; Панфаге, или «разрушитель всего» — ясно указывает на тождественность Пана и индуистского бога Шивы, что очень любопытно, ибо до этого видения подобная идея никогда не приходила мне в голову.

Это упрощенное объяснение мне самому кажется весьма искусственным и необубедительным. В глубине души я знаю, что это не просто трюк моего бессознательного. Моя душа нечиста, в ней живет вожделение, поэтому я не смог увидеть настоящие Врата Йесод. Если бы моя душа была чиста, я бы встретил Шекину — женское начало Йеговы, но я встретил Ашторет — дьявола в женском обличье. Верная своей природе, она попыталась соблазнить меня психически. Подобные встречи с суккубами, или демонами-соблазнителями женского пола, описаны многими алхимиками.

Сэр Джон еще раз выполнил Изгоняющий Ритуал и решил в тот день больше не заниматься астральной проекцией. Вместо этого он позволил себе выпить бренди, а затем, перед самым сном, выпил еще разок.

Но от демонов не так-то просто избавиться. У сэра Джона было много сновидений, и все они с чувственной, похотливой подоплекой. Он бродил по украшенным драгоценностями пестрым гаремам, где джентльмены в одном белье занимались отвратительными извращениями, о которых даже Крафт-Эбинг упоминал не иначе, как при помощи уклончивых латинских эвфемизмов. Потом он оказался в саду своего дяди, виконта Грейстока, и темнокожий змееподобный сицилиец по имени Джакомо Челине (который, кстати, утверждал, что приходится дальним родственником Грейстокам, а следовательно, и самому сэру Джону) начал подробно объяснять ему что-то крайне невразумительное о связи пола и творения. «Мужчина — пространство, женщина — время, — говорил он, — но мир, конечно же, содержит в себе оба этих начала».

Какие-то клоуны и акробаты начали распевать «I Never Risk Inquiry», но тут Йейтс и сэр Джон вновь оказались в квартире Паунда. Йейтс многозначительно прошептал: «Виноваты медведи. Самый темный час — перед грозой». Он провел сэра Джона по коридору из множества зеркал в другой сад, где его ждала графиня Солсбери, лицом очень похожая на Лолу. Она небрежно раскинулась на пурпурном покрывале совершенно нагая, если не считать голубой подвязки с серебряной звездой на левом бедре. Левая рука графини рассеянно блуждала в густой поросли курчавых каштановых волос, немного выше подвязки. Сэр Джон смотрел на графиню не отрываясь. Вдруг ее лицо озарилось неземным блаженством, и она громко застонала. «Для мальчика всё вокруг — девочка», — пробормотал Йейтс и распался на миллионы неясных отражений в бесконечном ряду зеркал.

Сэр Джон бросился к Лоле и начал исступленно целовать подвязку, теряя рассудок от ненависти, любви и вожделения. Она прошептала: «Все

есть Будда. Позор тому, кто плохо об этом подумает» и обхватила его ногами. Ее тело начало засасывать его все глубже и глубже, и он почувствовал блаженство такой силы, что ему уже было все равно, от кого оно исходит — от Бога или от Дьявола.

Сэр Джон проснулся и резко сел в кровати. Его сердце бешено стучало, на штанах пижамы темнели влажные пятна — красноречивое свидетельство только что пережитого им оргазма.

XVI

— Я встретил суккуба, — признался сэр Джон, готовый провалиться сквозь землю от стыда.

— Неужели? — спокойно спросил Джоунз. Они снова ужинали у Симпсона, но в этот раз Джоунз показался Бэбкоку каким-то отстраненным и рассеянным. — И где же это произошло — во сне или на астральном плане?

И там, и там, — ответил сэр Джон, начиная понимать, что чувствует католик на исповеди.

— Ну и как, удалось вам с ней справиться?

— Я пытался, — тихо ответил сэр Джон.

— Иными словами, не удалось.

Джоунз выглядел раздраженным, как будто признания сэра Джона отвлекали его от размышлений о каких-то других, гораздо более важных, делах.

— Наверное, нам придется отложить ваше посвящение в Неофиты до тех пор, пока вы не решите эту проблему, — добавил он задумчиво. — У вас есть брошюра об астральной проекции, и в ней описан Изгоняющий Ритуал Пентаграммы. Советую вам выполнять этот ритуал до тех пор, пока вы не почувствуете, что темные силы перестали вас беспокоить.

Сказав это, он резко встал, попрощался с необычной для него холодностью и вышел из ресторана с видом человека, у которого много серьезных проблем, требующих незамедлительного решения.

Сэр Джон вернулся домой в подавленном настроении и с мрачными предчувствиями. Как быть, когда учитель ясно показывает вам, что ваши проблемы совсем незначительны в сравнении с тем, чем приходится заниматься ему? У сэра Джона зрели самые мрачные подозрения, но Джоунз не дал ему возможности рассказать о них. Сэр Джон не раз встречал в книгах упоминания о «черных розенкрейцерах», или «Черном Братстве», — людях, которые беспокоят, преследуют и сбивают с пути истинного тех, кто хочет посвятить себя Великому Деланию. Что, если Лола Левин и ее таинственный господин, Кроули, пытаются разрушить настоящую «Золотую Зарю», нападая на астральном плане на неопытных новичков вроде него?

Сэр Джон выполнил Изгоняющий Ритуал несколько раз, но ничего не почувствовал и понял, что его уверенность в себе ослабевает. Наконец его беспокойство достигло такой силы, что он достал с полки несколько книг о черной магии. До этого он пару раз брал их в руки, чувствуя отвращение и страх, но не решался открыть. Теперь же он заставил себя внимательно прочитать все эти книги, ибо очень хотел понять, что же за силы его атаковали.

Он уже более полугода точно следовал инструкциям Джоунза и по нескольку раз в день выполнял Изгоняющий Ритуал. Как объяснил ему Джоунз, цель этого действия — в том, чтобы избавиться от всего нечистого в

себе, затрудняющего Великое Делание, а также изгнать силы, или сущности, о которых Неофиту лучше не знать, иначе он может поддаться страху, а страх — это поражение.

Он прочитал об отвратительном ритуале Черного Козла, о неистовой Змеиной Силе, которую можно направить из половых органов в головной мозг с помощью греховных сексуальных излишеств, о непристойном Причастии Бессмертия и отвратительных обрядах тех, кто хочет заменить Бога Человеком. Чувствуя ужасную тошноту и головокружение, он погрузился в сплошную мешанину грязи, богохульства и извращенного трансцендентализма — секретное гностическое учение, согласно которому Нехеш, змей из Книги Бытия, имеет число 358, которое также является числом Мессии, то есть Змей есть Мессия. (Ибо в Каббале все слова с одинаковым числовым значением считаются именами одной метафизической сущности.) Он прочитал о том, как расшифровывали буквы I.N.R.I. манихеи — *Ingenio Numen Resplendet Iacchi*: «Наш истинный Бог — Иакх (Дионис)» — и понял извращенную логику этой философии: воздержание и сексуальные игры были в ней основой экстаза, который стирает эго Человека и делает его Богом. Закончив свои исследования поздно вечером, сэр Джон почувствовал себя совершенно больным и содрогался при одной мысли о безумцах, которые верили в подобные богохульные идеи и совершали богомерзкие поступки.

Сэр Джон решил попытаться совершить Призывание Святого Ангела-Хранителя, хотя эта процедура считалась очень рискованной для тех, кто еще не достиг степени Мастера Храма.

Обряд не принес никаких результатов, если не считать того, что страх и все остальные эмоции сэра Джона значительно обострились. Но, быть может, ему и не стоило ждать чего-то большего на этом уровне посвящения?

Однако спустя несколько минут сэр Джон внезапно почувствовал непреодолимое желание сесть за стол и писать. То, что вышло из под его пера, было совсем не похоже на описание обряда и его результатов, хотя именно так он, согласно инструкции Джоунза, должен был завершать все свои действия, связанные с Великим Деланием. Это скорее был неоплатонический диалог с вселившимся в него духом Лолы Левин, Черной Жрицы.

XVII

Я: Как ты можешь называть путем к высшей мудрости эту грязную, отвратительную философию, это издевательство над моралью и приличиями?

ОНА: Не считай себя мудрым, пока ты все еще в ловушке Гнусного Дела. Пойми сердцем и кишками, а не умом, что Великое Дао должно всегда пребывать в равновесии, ибо избыток дисциплинированной янской энергии может вызвать взрыв огромной разрушительной силы. Все войны в истории человечества произошли вследствие нарушения этого равновесия. Услышь меня: Человечество достигнет психического равновесия только в том случае, если последует за Маятником и восполнит недостаток иньской энергии, приблизившись к радости и Дионису. Мужчина больше не должен подчинять Женщину, Рациональное не должно подчинять Иррациональное, Дух не должен подчинять Плоть. Мы должны снова стать Единым и неделимым, слиться в Белом свете и Экстазе Рогатого Бога Диониса, иначе все рухнет в пропасть Рассудка. Дух действует через меня, даже когда я пишу твоей

непокорной рукой. Я люблю тебя, Эвоэ! Я люблю тебя, ИАО!

Я: Эта доктрина породила распущенность, которая погубила Грецию и Рим. Это красивая ложь, оправдывающая любую безнравственность. Противоположности никогда не объединятся; они будут бороться до тех пор, пока Свет не восторжествует над Тьмой. Человеческая душа — вот поле битвы между Богом и Дьяволом. Они никогда не объединятся. Добро не может стать Злом, Бог не может стать Дьяволом.

ОНА: Душа, ограниченная словами «да» и «нет», — это тюрьма, источник всевозможных болезней. Мудрые раввины, которые создали Священную Каббалу, оставили ключ для тех, кто умеет видеть. Как ты думаешь, почему слова Нехеш и Мессия имеют одно и то же значение — 358? Это знак, указывающий путь к истине, которая превосходит проклятье «да» и «нет». На меня вновь опускается Ночь Пана. Пан! Йо Пан! Я люблю тебя, Эвоэ! Я люблю тебя, ИАО!

Я: Ты больна, серьезно больна. Убирайся из моей головы ко всем чертям и захвати с собой свои богохульства, свою грязную псевдофилософию и свои подвязки!

ОНА: Истина, о которой я говорю, зашифрована даже в твоём каббалистическом Древе Жизни, о розенкрейцер. Дао соединяет в себе белизну ян и черноту инь, а Кетер, или Высшее, соединяет в себе Хохма — мужское начало, Свет, и Бина — женское начало, Тьму. Открой Библию и прочти, что сказал Святой Павел, — просветленная душа находится «не под законом, но под благодатию»³⁸. А что сказал Святой Августин? «Люби и делай все, что хочешь». Благодать — удел мудрецов, которые поднимаются над Добром и Злом, над умом и его пустыми идеями. Дух снова просыпается во мне, и в твоей руке. Я люблю тебя, Эвоэ! Я люблю тебя, ИАО!

Я: Дьявол может сколько угодно цитировать Священное Писание, но эти непристойные ритуалы, это потворствование плотским желаниям — ни что иное, как путь вниз, к земле, тогда как истинный путь направлен вверх, в звездное небо.

ОНА: Если все существа суть Будда, они не могут делиться на злых и добрых. Если вся энергия исходит от Неделимого Света, как утверждаете вы, каббалисты, то любое устремление человеческого сердца направлено к этому Свету, а не от него. Вы морочите себе головы ложными противопоставлениями, а потом удивляетесь, почему вам никак не удастся достичь внутреннего единства, без которого невозможно закончить Великое Делание. Я — Мать и Шлюха для всех мужчин. Я — темное Лоно и влажная Ночь, из которой появляется все сотворенное. Я — Шекина, воплощенная слава Иеговы. Я люблю тебя, Я-го-ве! Я люблю тебя, ИАО!

Я: Ты — Ашторет, демон похоти, и я изгоняю тебя во имя Того, Кого Боятся Ветры, Повелителя этого мира, Истинного Бога, Чье имя...

ОНА: Не спеши писать имя, которое ты не в состоянии понять. Я оставлю тебя на время, но не заблуждайся. Ты изгнал не демона, а часть себя. В твоей расколотовой душе растет только дурацкий страх и слепая ненависть. Пойди-ка лучше поиграй с подвязками, которые ты спрятал в своем шкафу, когда тебе было восемнадцать.

Сэр Джон с силой швырнул ручку в дальний угол комнаты, чтобы разорвать заклятие. Он чувствовал себя так, будто кто-то другой писал его

³⁸ Рим. 6: 14.

рукой; ощущение было мерзким, еще хуже, чем в детстве, когда в поезде его шупал какой-то извращенец, а он был слишком маленьким, чтобы сопротивляться, и слишком робким, чтобы позвать на помощь. Вторжение Лолы было более отвратительным, более личным.

Он чувствовал себя оскверненным и запятнанным. В голове у него до сих пор гулко звучали еретические слова Лолы.

«Я есмь Бог: Я творю Добро и Я творю Зло». «Когда адепт преодолевает Бездну, все противоположности становятся для него Единым». «Брахман — убийца и жертва». «Услышь, племя израилюево: Наш Господь Един!» «АРАРИТА: Един в Его Начале, Един в Его неповторимости, Един в Его пермутациях». «Алхимик должен побывать на самом дне, должен спуститься в огонь Ада — только так он сможет выполнить Великое Делание». Первородный грех был первым проявлением двойственности, «проклятым делом», гнусным для любого каббалиста. «Все едино», «Все есть Дао», «Все есть Будда». Казалось, мистики всех времен и эпох стали на сторону Лолы. 358: Мессия и Змей едины. Вот в чем было значение (или одно из значений) тех бессвязных снов о «тройке, пятерке и восьмерке». 358: Един в Его пермутациях, Един в Его начале.

— О Боже, Дьявол может ссылаться на все священные писания мира, — тихо произнес сэр Джон.

Помолившись, он решил прибегнуть к библиомантии. Закрыв глаза и раскрыв Библию, он наугад ткнул в нее пальцем. Открыв глаза, он обнаружил, что палец указывает на стих из Послания Иуды. Сэр Джон взволнованно прочитал:

Таковые бывают соблазном на ваших вечерах любви: пиршествуя с вами, без страха утучняют себя; это — безводные облака, носимые ветром; осенние деревья, бесплодные, дважды умершие, исторгнутые; свирепые морские волны, пенящиеся срамотами своими; звезды блуждающие, которым блюдется мрак тьмы на веки.³⁹

Этот отрывок был достаточно зловещ, но бледнел в сравнении с тем, что было написано выше. Сэр Джон почувствовал, как его охватывает ужас.

Как Содом и Гоморра и окрестные города, подобно им блудодействовавшие и ходившие за иною плотию, подвергшись казни огня вечного, поставлены в пример, — так точно будет и с сими мечтателями, которые оскверняют плоть, отвергают начальства и злословят высокие власти.⁴⁰

Можно ли было сказать точнее о Лоле, Кроули и всех остальных лжемистиках, которые считают сексуальность священной, а эротизм — святостью? Но Иуда продолжал, изъясняясь все более определенно и уже прямо описывая соблазны, которым пытался противостоять сэр Джон.

Но вы, возлюбленные, помните предсказанное Апостолами Господа нашего Иисуса Христа: они говорили вам, что в последнее время появятся ругатели, поступающие по своим нечестивым похотям.⁴¹

Слова падали в душу сэра Джона словно раскаленные уголья, освещая

³⁹ Иуд. 1: 12-13.

⁴⁰ Иуд. 1: 7-8.

⁴¹ Иуд. 1: 18.

разверстую перед ним бездну, в которую он едва не провалился. Слезы раскаяния и радости брызнули у него из глаз: он был спасен! Бог заступился за него и изгнал из его души Лолу с ее лживой ересью. Он снова был свободен.

— Безводные облака, — повторил он про себя. — Темные, зловещие — но пустые! Ложь, все ложь. Я свободен от них, свободен!

Позже он не раз вспоминал этот момент, удивляясь собственной глупости. Настоящий ужас был впереди, а предсказание Иуды, как и любое настоящее предсказание, содержало в себе гораздо больше, чем человек в состоянии понять за один раз. Минуло немало дней и произошло немало странных событий, прежде чем он осознал это.

XVIII

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ БРАТСТВА РОЗЫ И КРЕСТА

Абрамелин Аравийский передал Священное Слово Аврааму-Иудею, на которого была возложена великая Миссия иллюминатов — овладеть каждым элементом Великого Делания с тем, чтобы выполнить Его не только для себя, но и для всех, кто жил в те века, когда тьма опустилась на Запад. Как сказано было: *suum cuique*⁴².

Авраам передавал Тайное Знание многим, кто понял его лишь частично, и, наконец, передал его нашему Учителю, Христиану Розенкрейцу, который Милостью Святой Троицы понял это Тайное Знание до конца. *Sis benedictus*⁴³: во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного.

Тот, кого люди называли Джордано Бруно, или Ноланцем, был магом нашего Священного Ордена. Он утверждал, что наша вселенная гелиоцентрична, причем не только в том грубом материальном Смысле, из-за которого Черные Братья из Рима схватили его и сожгли на костре, но также в духовном смысле: эго, или «Я» человека не является центром его души, хотя и кажется таковым по причине иллюзии или заблуждения. И Бруно Ноланец доказал всем, кто умел читать между строк, что истинный центр души подобен Солнцу — это Белый Свет, который порождает жизнь на земле, то есть все впечатления эго.

У Калиостро было много имен и обликов. Никому не известно, когда и где он появился на свет. Его встречали во многих землях и в разные эпохи, под разными именами и титулами, но суть его учения никогда не менялась: сознательное мышление вторично и есть не что иное, как отзвук Высшей Деятельности.

«Ал-хим-ия» означает «египетская наука», и это истинно, так как именно алхимия была основой всей египетской науки. В нашем Доме есть много субстанций, которые непосредственно действуют на кровь, ухудшая наше Зрение, а в Природе есть много субстанций, который тоже непосредственно действуют на кровь, восстанавливая наше Зрение.

⁴² Каждому свое (лат.)

⁴³ Благословен будь (лат.)

Имеющий уши да услышит: de magno opera⁴⁴. Во имя Отца, Матери и Сына. Аминь.

В середине девятнадцатого столетия от рождества Мага из Назарета, когда настал Век Науки, истинный Орден Креста и Розы затаился, словно семя, которое спит под землей, пока не появится росток. Ибо пришло время раскрыть всем людям Земли секрет Вселенского Горнила и Алхимического Огня. В глубокой тайне были сделаны приготовления к этому великому событию и проведены многие эксперименты, о которых люди пока еще не знают. Одним из таких экспериментов было основание в городе Лондон Герметического Ордена Золотой Зари, который на самом деле назывался «Comoedia Quae Pan Dictur»⁴⁵.

XIX

ПРАКТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ ПО АСТРАЛЬНОЙ ПРОЕКЦИИ (Алхимический огонь усиливается)

Прошло два года. Германия едва не начала войну с Францией из-за происшествия с канонерской лодкой в Марокко, но в последний момент мир все же удалось сохранить. Надолго ли? Китай превратился в демократическую республику. Амундсен пролетел над Северным полюсом, вызвав восхищение и уважение всего человечества. Сэр Джон, который был все больше склонен считать себя либералом, ликовал, когда палата общин приняла билль, дающий Ирландии право на гомруль, а затем написал гневное письмо в «Таймс», когда палата лордов этот билль провалила. Датчанин Нильс Бор наэлектризовал все научное сообщество, высказав предположение, что внутреннее строение атома отвечает модели Резерфорда, то есть похоже на строение солнечной системы. Эта новость позабавила сэра Джона; он подумал, что наука наконец-то начинает приближаться к традиционному герметическому учению — «то, что вверху, отражается в том, что внизу».

Сам сэр Джон очень изменился во многих отношениях. В сущности, под действием медленно усиливающегося алхимического огня воздержания и магии он стал совершенно другим человеком. Из Неофитов его посвятили в Ревнителю, затем в Практики. Он изучил асаны — упражнения йогов, которые скручивают и растягивают тело точно так же, как Каббала скручивает и растягивает ум. Эти упражнения укрепили его здоровье и научили его контролировать себя. Никогда еще он не чувствовал себя так хорошо. Освоив пранаяму — особый метод дыхания — он избавился почти от всех отрицательных эмоций и теперь постоянно пребывал в состоянии легкой эйфории. Изучение Каббалы под строгим руководством Джоунза стало для его ума таким же естественным упражнением, как асана для тела, и он уже с трудом верил в то, что когда-то обе эти науки казались ему слишком мудреными и непостижимыми. Благодаря путешествиям на астральный план он все лучше понимал себя и других людей, хотя до сих пор не мог решить, к какому миру относить эти видения — реальному или воображаемому.

Как-то раз он встретил на концерте Лолу Левин, но не почувствовал ни

⁴⁴ О Великом Делании (лат.)

⁴⁵ «Комедия, разыгрываемая Паном» (лат.)

страха, ни вожделения, хотя все же не смог противиться желанию представить себе ее обнаженные бедра, украшенные подвязками.

В один прекрасный день, изучая полки книжного магазина в Сохо, он наткнулся на книгу с необычным заглавием: «Облака без воды». Он уже давно перестал верить в совпадения и знал, что за этим словом, которое так любят непосвященные, обычно скрываются оккультные ключи, во сто крат ускоряющие духовное развитие того, кому удастся расшифровать их значение. Он взял книгу и начал листать.

Оказалось, что это поэтический сборник, состоящий из нескольких разделов. Один из разделов был озаглавлен «Алхимик», и сэр Джон с тоской вспомнил свою первую попытку расшифровать **I.N.R.I.** — *Igni Natura Renovatur Integra* — и свое мнимое просветление. Он перевернул несколько страниц и остановился на пятой строфе:

...вечная весна, редчайший эликсир,
Которого тщетно искали
Волхвы и мудрецы,
А мы нашли его — в том месте, откуда
Боги достают детей.

Сэр Джон в немом изумлении уставился на книгу, строчки поплыли у него перед глазами. Неужели? Неужели автор имел в виду то извращение, о котором он только что со стыдом подумал? Но ведь это всего лишь поэтический сборник, а не руководство по черной магии! Он снова взглянул на титульную страницу:

ОБЛАКА БЕЗ ВОДЫ
Отрывки из рукописи
Под редакцией преподобного Ч. Вири
Общество распространения религиозной истины
Частное издание
Только для Служителей Церкви
1909

Сэр Джон почувствовал разочарование. Как глупо было с его стороны искать сатанизм в книге, изданной священником. Но что же тогда означали эти строки?

Сэр Джон просмотрел наугад еще несколько страниц. Похоже, все стихи в этом разделе были посвящены восхвалению — если не сказать воспеванию — прелюбодеяния. Мыслимо ли подобное? Потом он наткнулся на примечание преподобного Вири:

Отвратительное значение этого грязного слова можно найти только в латинском словаре.

Сэр Джон решил отыскать слово, к которому относилось это примечание. Оказалось, что это слово *fellatrix*. Он покраснел и снова вспомнил: «...в том месте, откуда боги достают детей». Как можно было напечатать такую мерзость?

В сонете VIII из «алхимического» цикла он нашел такие строки:

Теперь я сообщил вам все ингредиенты,

Из которых состоит эликсир для нашего стыда,
И дым уже восходит по спирали,
Лопаются пузырьки в тонких струйках пламени.

Сэр Джон вспомнил, что «эликсиром стыда» сатанисты называют эликсир бессмертия, который можно найти только в лоне возбужденной женщины. Казалось, все его греховные фантазии снова вернулись к нему, теперь уже в стихотворной форме. Он открыл страницу с предисловием:

«Получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение».⁴⁶

Так написал великий апостол около двух тысяч лет назад; воистину в наши дни, когда Сатана свободно разгуливает по миру, эти слова приобрели ужасное значение даже для тех из нас, кто — слава Господу за Его бесконечную милость — омыт в крови Агнца и свободен от оков смерти и ада.

Нет ни малейшего сомнения в том, что эта ужасная история — истинный Знак нашего времени. Мы приближаемся к своему концу, и все мерзости, о которых пишет апостол, процветают среди нас. Более того, они даже используются для похвальбы и для защиты социализмом, этим призраком Зла.

Увы, страшная трагедия, случившаяся с несчастным, который написал эти ужасные строки, отнюдь не случайна. Надеюсь, после прочтения этой книги вы поймете, что именно таков логический исход атеизма и свободной любви.

Что ж, по крайней мере, это объясняло, почему преподобный Вири опубликовал и прокомментировал эти безнравственные стихи, хотя по-прежнему было неясно, в достаточной ли мере он понимал то, что осуждал. Конечно, он не мог быть дальше от истины, если считал, что эти стихи имеют хоть какое-то отношение к атеизму.

Сэр Джон решил вернуться к циклу «Алхимик» и внимательно его перечитать, чтобы проверить свою догадку насчет «эликсира стыда». В сонете X он увидел такие строки:

Это вино побеждает любой недуг;
Это вино, к которому прибегают великие
короли-ангелы.

Он почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Если этот эликсир, или вино, было именно тем, о чем он подумал — отвратительными выделениями срамных женских органов, — то ангелы, о которых упоминал поэт, были скорее ангелами ада, чем рая. Далее в том же сонете он прочитал:

Одна лишь его капля воскресила Аттиса из мертвых,
Одна лишь его капля — и зашевелился убиенный
Осирис,
Одна лишь капля — и от молодого Гора бегут

⁴⁶ Рим. 1: 27.

Твои призраки, Тифон — это вино мое и ее.
Я разделю это вино с тобой, любимая.
О боги, даровавшие его! И не сочащимися каплями,
А бурными хрустальными струями и рубиновыми
ручьями
Из самого источника,
От подлинного престола и святилища зари.

Итак, в этих стихах описывалось не просто извращение, каким бы ужасным оно ни было, а намеренное использование отвратительных парижских пороков для посвящения в члены секты сатанистов. Сэр Джон бегло просмотрел некоторые примечания преподобного Вири:

Лингам — индуистский бог (!) — орган воспроизведения у мужчины.

Йони — его женский эквивалент. Подумать только, несчастные индусы поклоняются срамным органам! Куда же мы смотрели? Как слабы и недостаточны были усилия наших миссионеров! Надо было отправить к нашим погрязшим в заблуждениях братьям еще больше слуг истинной религии.

Светопреставление — архаическое и неестественное название Судного Дня. Боже, как автор осмелился упомянуть этот великий день, в который он будет навечно проклят? «Верующий в Него не судится, а не верующий уже осужден».⁴⁷

Омытые в крови ублюдки — христиане! О Спаситель! Кого Ты пришел спасти?

По-видимому, несчастный священник не имел ни малейшего представления об истинном смысле этих стихов, так как называл их автора атеистом и даже социалистом. Увы, он был слишком наивен, чтобы увидеть выраженную в них контртеологию сатанизма.

Сэр Джон снова внимательно прочитал предисловие, но смог узнать об авторе этих отвратительных стихов только то, что тот умер от какой-то «позорной болезни».

Вири заканчивал предисловие словами:

Возможно, меня осудят за то, что я издаю, пусть и столь небольшим тиражом, эти грязные и богохульные оргии человеческого языка (конечно, это не относится к примечаниям и предисловию), но я преисполнен решимости (и я верю в то, что сам Господь благословил меня на этот труд) раскрыть глаза тех, кто возделывает вместе со мной великий виноградник Господа, на отвратительные факты современного существования.

Сэр Джон открыл еще одно стихотворение. Ему тотчас показалось, что мир закружился, а земля уходит у него из-под ног:

⁴⁷ Иоан. 3: 18.

Лола! Лола! Лола! раздаётся стон
И Лола! Лола! Лола! отвечает эхо,
Пока весь мир не закружится в танце,
Где черное смешалось с белым
И золотые нити протянулись в ад, звенящий криком
Лола! Лола! Лола!
И — Лола! Лола! Лола! отвечают небеса,
Сверкая светом сотен бриллиантов.
И — Лола! Лола! Лола! звон стоит
Все время в заколдованных ушах
И — Лола! Лола! Лола! вдруг летит
Моя душа в те зачарованные сферы,
Где Лола жрица и богиня, облатка и вино —
О Лола! Лола! Лола!
Моя загадочная дева.

Неужели? Неужели именно Лола Левин была той любовницей, которая вовлекла этого слабого разумом поэта в порок и сатанизм? Пролистав всю книгу, сэр Джон обнаружил, что имя «Лола» встречается почти в каждом стихотворении. Фамилия «Левин» не упоминалась ни разу, но в последней строке самого первого сонета он увидел латинскую фразу, от которой у него кровь застыла в жилах:

Evoc! Iacche! consummatum est.

Вот оно! Evoc — одно из двух самых тайных имен Бога (которые, как сэр Джон знал, были известны Лоле Левин); Iacche — звательная форма «Иакх», тайного имени Диониса, бога оргий; и, наконец, consummatum est — заключительные слова католической мессы. Однако нет никаких сомнений в том, что этот безумный поэт, описывая дионисийский разгул, извращения и святотатства, мог иметь в виду только черную мессу. Как простодушен был преподобный Вири, вообразив, что в этих стихах говорится только лишь о падении мужчины, который оставил свою жену и погряз в разврате. В действительности же в них описано, шаг за шагом, посвящение в члены секты Панурга — рогатого бога любовного экстаза, которому поклонялись язычники, пока христиане не разоблачили его (Бога Мира сего) как Сатану, врага незримого Истинного Бога, сущего за пределами Сферы Звезд.

Сэр Джон купил книжку «Облака без воды», чтобы внимательно изучить ее дома. «Похоже, я столкнулся с чем-то серьезным, — подумал он. — Если мои подозрения оправдаются, придется обращаться за помощью к Джоунзу».

XX

Подсознание запоминает все еще до того, как включается память. Оно запоминает все значительные и незначительные факты и мысли: испуганный взгляд полевой мыши, сжатой в руке; осознание того, что этот страх был ценой разумности в мире дядюшки Бентли, и в то же время отвращение и нежелание осознать до конца всю глубину этого страха. В мозгу сэра Джона появлялись и исчезали образы прошлого, словно кинофильм, который прокручивают в обратную сторону: вот он снимает с полки «Облака без воды», пишет гневное письмо в «Таймс» по поводу ирландского гомруля,

открывает Послание Иуды и читает предупреждение о «ругателях, поступающих по своим нечестивым похотям»; вот Ее дух водит пером, зажатым в его руке; вот он находит еще одну расшифровку I.N.R.I. — *Ingenio Numen Replendet Iacchi*. Он вспомнил астральную атаку, когда Она появилась в обличье суккуба, чтобы заставить его совершить грех Онана и потерять энергию вриль; песню «Пангенитор, Панфаге»; рассказ Паунда о несчастном Викторе Нойбурге, которого Кроули превратил в осла; зеркало, которое треснуло когда материальный мир пересекся с астральным; поэтическую вечеринку, на которой Она впервые продекламировала «Я люблю тебя, Эвоэ! Я люблю тебя, ИАО!»; глупых гномов, распевających «Ни жены, ни лошади, ни усов»; клятву воздержания, произнесенную три раза под пристальным взглядом Джоунза; тот момент, когда он первый раз почувствовал в себе энергию вриль и понял истинный смысл фразы *Igni Natura Renovatur Integra*; первую встречу с Джоунзом; спор с Макнотоном в «Историческом журнале»; ужасный соблазн убить мышь и почувствовать, что такое сознательный Грех; смерть дядюшки Бентли; первые детские фантазии о том, что земля в поместье Бэбкоков пронизана пещерами троллей; старомодный велосипед на лужайке перед домом. Пребывая в этом странном состоянии, где-то на полпути между глубокими воспоминаниями и сном, сэра Джон вынужден был удерживать свое воображение, которое то и дело устремлялось к центральной точке его внутреннего мира — желанию видеть, трогать и целовать голубую подвязку, роскошные бедра и то, в чем была скрыта великая тайна созидания через грех.

«Есть Добро и есть Зло, — глухим голосом произнес сэра Джон, с трудом подбирая слова и чувствуя, что вот-вот провалится в сон. — Так нам подсказывает интуиция».

«Есть Верх и есть Низ, — иронически отозвалась Лола. — Так нам подсказывала интуиция — еще до Коперника. Неужели ты не понимаешь, что все относительно?»

Что это было — сон, астральное видение или реальность? Сэр Джон силился вспомнить, как он оказался в этом грязном парижском борделе. «Не все в этом мире относительно, — возразил он, подозревая, что разговаривает сам с собой. — Есть абсолютные истины. Не прелюбодействуй. Не возжелай жены или служанки ближнего своего, а также их подвязок... Не...», — удивительно, но он не смог вспомнить больше ни одной заповеди. Его разум стал таким вялым, словно его одурманили опиумом или гашишем.

«Увидь скрытого бога», — сказала Лола. Вокруг нее плясали Отшельник, Смерть и Солнце, выделявая странные коленца и распевая: «Йод Нун Реш Йод. *Isis Naturae Regina Ineffabilis*. Позор тому, кто подумает о нас плохо».

«Это всего лишь сон, — попытался успокоить себя сэра Джон, — просто сон. Все мы созданы из вещества того же». Включив недавно установленную электрическую лампу, он сел в кровати и подробно описал все, что ему приснилось. *Isis Naturae Regina Ineffabilis*: «Исида, неопикуемая царица природы». Гм, а ведь некоторые египтологи утверждали, что египетский крест анх, который будто бы послужил прообразом для креста христианского, символизировал соединение лингама Осириса с йони Исиды.

Значение сна не вызывало никаких сомнений: Черное Братство спустя два года вновь объявило ему войну — возможно, из-за того, что он купил «Облака без воды» и замкнул магическую цепь. Что ж, он уже не робкий и неумелый Кандидат, а бесстрашный Практик, имеющий в своем распоряжении весь арсенал практической магии.

После завтрака он решил сосредоточиться на решении этой новой загадки. Прежде всего, не стоит верить сну, ибо он, скорее всего, лжет. Дух, который его преследует, — вовсе не Исида, хотя «непорочная мать» — это, конечно, аллегория Айн Соф, бесконечного света белой пустоты, которая, согласно учению Каббалы, скрывается по ту сторону материи. А Осирис-Иисус, умерший-и-воскресший сын-любовник непорочной матери, Матери-Пустоты, — это человек, поднявшийся над собой с помощью магии и йоги. Но все это фарс, лживый маскарад. Дух, который его преследовал, был плотским, нечистым, а значит представлял собой эманацию Ашторет, демоницы похоти.

Yod Nun Resh Yod, Isis Naturae Regina Ineffabilis — загадочный акроним I.N.R.I. не шел у сэра Джона из головы. Сколько всего расшифровок могут иметь четыре буквы? Может быть, значение и есть та материя, из которой сотканы сны? Или лучше вернуться к прагматической семантике Шалтая-Болтая: «Любое слово имеет такой смысл, какой я в него вкладываю». Может ли вся королевская конница и вся королевская рать разбившийся здравый смысл собрать?

Когда сэр Джон внимательно и без спешки прочитал все сто четырнадцать сонетов «Облаков», перед ним предстала во всей полноте ужасная картина человеческого падения. Анонимный поэт, о котором известно лишь то, что он женат, немного старше двадцати лет и получил отличное образование, встречает загадочную Лолу, которой всего лишь семнадцать. Действуя коварно и неторопливо, она соблазняет его. В конце концов он жертвует женой, репутацией, добрым именем — одним словом, всем — ради сомнительного счастья жить в грехе с Лолой. Далее следовало восторженное описание всевозможных радостей их незаконной любви, и только человек, хорошо знакомый с Каббалой, мог понять, что за этими эвфемизмами и полными символизма эротическими образами скрывались сатанинские обряды, в которые поэт был вовлечен юной распутницей. Лола становится для него «Богом, жрицей и божественным алтарем»; с каждым новым сонетом христианство подвергается все более унижительным и жестоким насмешкам. Так, священников поэт называет «слепыми червями» и «благочестивыми свиньями» — здесь преподобный Вири не выдержал и вставил примечание: «Несчастные слуги Господни! Что ж, нам остается искать утешение в Господе нашем, ибо мы должны прощать, как прощает нам Он».

Развязка неожиданна и ужасна. Поэт обнаруживает, что заразился сифилисом — «получил возмездие за свое заблуждение», как прокомментировал преподобный Вири, — и в отчаянии убивает себя огромной дозой опиума. Книга завершается послесловием, или, вернее, предупреждением преподобного Вири. Священник пишет, что идеи свободной любви и социализма каждый день вызывают множество подобных трагедий во всем мире, включая Лондон, который, по его мнению, заслуживает проклятия не меньше, чем сам Содом.

Наиболее сильное впечатление на сэра Джона произвел сонет VII из цикла «Отшельник». В этом сонете описаны несколько недель, когда родственники и друзья поэта силой удерживали его вдали от Лолы, пытаясь положить конец их преступной связи.

Но я приду к тебе, когда
Ты будешь в одиночестве лежать, рыдая без меня,

И вздрогнет твоя плоть
От моего прикосновенья.
Я обовью тебя прочнейшими сетями
Моего огненного тела, и мои поцелуи,
Как угли, обожгут твой рот.

Преподобному Вири хватило даже его весьма ограниченных познаний в оккультизме, чтобы правильно понять эти слова и не приписывать их ни атеизму, ни свободной любви. В своем примечании он предельно откровенен: «Вероятно, в этом отвратительном сонете описана магическая практика путешествия в астральном теле». Сэр Джон вздохнул, вспоминая собственные путешествия в «огненном теле» (а именно так в магии называется астральный двойник) и ужасную встречу с Лолой Левин, во время которой она вовлекла его бессознательное материальное тело в невольный грех.

Несколько дней сэр Джон пребывал в раздумьях и беспокойстве. В конце концов он решил, что должен действовать. Сел за стол и, тщательно подбирая слова, написал письмо преподобному Вири в Инвернесс.

Поместье Бэбкоков

Вимс, Грейсток

23 июля 1913 года

Уважаемый преп. Вири!

Недавно я приобрел экземпляр Вашей печальной и страшной книги «Облака без воды» и был до глубины души потрясен описанной в ней трагедией.

Прежде всего, я должен честно сообщить Вам, что, в отличие от Вас, не являюсь пресвитерианином, но все же я христианин — надеюсь и верю, что благочестивый. То, о чем я собираюсь Вам рассказать, может показаться совершенно невероятным, но прошу Вас задуматься, прежде чем отметить мое мрачное предупреждение.

Я не знаю, каким образом в Ваши руки попали эти ужасные стихи, но могу понять (боюсь, однако, что среди читателей вашей книги найдется немало фанатиков, которым это окажется не под силу), почему Вы сочли необходимым их напечатать и снабдить комментариями, показывающими катастрофические результаты той философии, которую воспевают несчастный поэт. Тем не менее, я считаю, что эта книга никогда не должна была увидеть свет, и боюсь, что Вы затронули зло гораздо большее, чем представляете себе.

Дело в том, что я изучаю Христианскую Каббалу и, хотя с негодованием и презрением отвергаю ее извращенные толкования, мне по необходимости пришлось кое-что узнать о верованиях и практиках сатанистов. Вы вряд ли в это поверите, но поэт описывает не только преступную любовную связь, но и — в завуалированной форме, хотя вполне понятно для тех, кто знаком с подобными вещами, — то, что называется «черной тантрой» или сексуальной магией; короче говоря, он описывает обряды черной мессы и сатанизма.

Мне совершенно ясно, что эта испорченная женщина (Лола), заманившая поэта на путь служения дьяволу, состоит в какой-то секте черной магии. А эти люди, уверяю Вас, очень не любят, когда кто-то публично разглашает их секреты, пусть даже в закодированной форме (ведь в нашем случае этот код совершенно

прозрачен для любого, кто хоть немного разбирается в каббалистике). Я не хочу тревожить вас понапрасну, но все же не исключаю возможности того, что эта секта попытается помешать распространению Вашей книги. Несмотря на то, что Ваше «Общество» распространяет ее только среди служителей церкви, она уже начинает появляться и в букинистических магазинах (кстати, в одном из таких магазинов я ее и приобрел). Возможно даже, что эти люди попытаются жестоко отомстить вам.

Если Вы не считаете это письмо бредом суеверного глупца, рассчитывайте на мою дружбу и помощь в случае, если против Вас будет предпринято или замыслено черномагическое воздействие.

Да пребудет с Вами благословение Господа нашего, и да оградит оно вас от всех бед.

Искренне Ваш,

Сэр Джон Бэбкок

После того, как сэр Джон отправил письмо, у него возникли серьезные сомнения в том, что пресвитерианский священник, к тому же шотландец, способен поверить в существование сатанистских лож. Он подумал, что поторопился, но оправдывал себя тем, что ему не с кем было посоветоваться — Джоунз уехал отдохнуть во Францию.

Через несколько дней сэр Джон заехал к Грейстокам и снова встретил там Джакомо Челине, пожилого сицилийца, который, по слухам, имел какое-то отношение к южноевропейской ветви их рода. После того, как трое мужчин выпили по бокалу бренди и выкурили по сигаре, разговор зашел о привидениях и призраках.

— По-моему, самая страшная история — это «Монах» Льюиса, — решил высказать свое мнение сэр Джон.

— Но «Монаха» нельзя назвать классическим романом о привидениях, — заметил виконт Грейсток. — Он скорее о демонах.

— Поэтому он и страшен, — сказал старый Челине. — Видите ли, романы о привидениях довольно скучны. «Франкенштейна» миссис Шелли тоже нельзя назвать романом о привидениях, и он не менее страшен, чем «Монах». Самую же страшную книгу — «Дракула» — написал этот молодой ирландец из театра сэра Джона Ирвинга — Стокер, кажется. И в ней тоже нет никаких привидений. Привидения кажутся совершенно безобидными, если сравнивать их с теми ужасами, которые способно породить живое воображение.

— Кстати, — сказал Грейсток, — недавно появился один занимательный роман, который кажется мне гораздо более страшным, чем все те книги, о которых мы только что говорили. И в нем тоже нет никаких привидений. В конце концов, привидения — это всего лишь мертвые люди, а даже самый злой человек намного менее страшен, чем нечеловеческие проявления зла. Мы боимся привидений, хотя они похожи на нас, так представьте же себе, какой ужас может вызвать у нас то, что на нас совершенно не похоже!

— Пожалуй, вы правы, — согласился сэр Джон. — А что это за роман?

— Минутку, — сказал Грейсток и подошел к книжному шкафу. — Если хотите, чтобы вас мучили ночные кошмары, почитайте перед сном вот это.

И он протянул сэру Джону небольшую книжку, на обложке которой было написано:

Артур Мейчен

Когда часы пробили одиннадцать, сэра Джон, позевывая, поднялся в спальню. Он чувствовал себя усталым, но все же решил заглянуть перед сном в книгу, которую дал ему виконт Грейсток. Как и предупреждал виконт, это кончилось плохо. Во-первых, сэра Джон сразу же понял, что Артур Мейчен — еще один член «Золотой Зари», который отлично осведомлен о деятельности сатанистских лож, направленной против тех, кто выполняет Великое Делание. «У Зла, как и у Добра, есть свои таинства», — предупредил Мейчен читателей и далее постарался описать эти таинства во всех подробностях.

Во-вторых, необычная и ужасная история Мейчена странным образом перекликалась с «Облаками без воды» — в сущности, «Облака» казались ее недостающей главой или продолжением. Это поразило и встревожило сэра Джона. Мейчен рассказывает о двух мужчинах, Кларке и Вилье, которых объединяет интерес к темным и загадочным сторонам жизни Лондона. Действуя отдельно друг от друга, они по крупицам собирают сведения о жизни в высшей степени странной и опасной женщины по имени Хелен. В каждой главе либо Кларк, либо Вилье встречает очередную жертву этой женщины или узнает о каких-нибудь необычных событиях, предположительно связанных с ней. Когда Вилье и Кларк наконец встречаются и начинают сравнивать результаты своих исследований, читателю открывается долгожданная истина, хотя и не вся, так как Мейчен постоянно прибегает к недомолвкам и эвфемизмам. Несомненно одно: «Хелен» поклоняется Рогатому Богу, который обманом и хитростью вовлек бесчисленное множество людей в отвратительные сексуальные излишества, которые сначала вызывают экстаз, а затем приводят к нервным срывам и самоубийствам.

Вспоминая «Облака без воды», сэра Джон подумал, что прообразом «Хелен» вполне могла послужить, если не послужила на самом деле, Лола Левин.

Что в истории Мейчена вымысел, а что — реальные факты? Почему Мейчен осмелился разгласить — пусть даже в форме художественного произведения, полного намеков и недомолвок — так много страшных тайн, которые мир не должен был знать? Почему Тайные Вожди Ордена позволили Мейчену опубликовать эту ужасную историю? Сэра Джон не на шутку задумался о мрачном предупреждении преподобного Вири: «мир доживает свои последние дни, и скоро все мы станем свидетелями последней битвы Добра и Зла». А ведь Грейстоки, у которых были хорошие семейные связи во всех без исключения правительственных кругах, в последнее время все чаще поговаривали о том, что вот-вот начнется величайшая за всю историю человечества война...

Вне себя от волнения, сэра Джон выскочил из кровати, достал с полки «Облака без воды» и перечитал отрывок, который поразило его сильнее всего. Это был комментарий преподобного Вири:

Бессовестный древний Змей поднимается до небес; бесстыдный Зверь и Блудница в пурпуре воспевают в богохульных литаниях свой блуд. Воистину чаша их мерзостей переполнилась! Воистину те, кто ждут пришествия Господа нашего, готовы считать это неистовство зла верным признаком того,

что мы доживаем последние дни и что Он грядет...

А что, если цель «Золотой Зари» — не просто помочь человечеству установить контакт с божественным началом, но подготовить воинов господних к битве с силами дьявольской магии, угрожающими планете? Ведь главная заповедь Ордена гласит: «Страх — поражение и предвестник поражения». Для чего членам Ордена такая необычная заповедь, если только они не собираются сражаться с самыми ужасными силами зла?

Сэр Джон тщательно и добросовестно выполнил Изгоняющий Ритуал, выпил двойную порцию коньяка и вернулся в кровать. В его голове теснились самые мрачные мысли, поэтому неудивительно, что в ту ночь ему снились кошмары.

Отшельник с красным фонарем вел его по темной аллее в каком-то бедном районе Лондона. Со всех сторон ухмылялись и скалились отвратительные рожи с гравюр Доре и Хогарта. Сэр Джон поравнялся с винным погребком, из которого выходили Оскар Уайльд и лорд Альфред Дуглас, окруженные фиолетовым сиянием. Они вразной тараторили: «любовь между Иисусом и Иоанном... любовь между Давидом и Ионафаном... любовь, которая не смеет назвать себя». Отшельник начал подталкивать сэра Джона в спину, чтобы тот не задерживался, и тут раздался оглушительный взрыв, от которого содрогнулась земля. «Они бросают бомбы с аэропланов! — раздался женский крик. — Антихрист грядет! Лондон в огне!» Кто-то запел «Интернационал», и по улицам побежали мародеры, сжимая в руках ярко-синие подвязки и коробки с движущимися картинками. «Наверное, это как-то связано с магнетизмом, — спокойно заметил старый Челине. — Я никогда не отваживаюсь задавать вопросы».

«Вот он, ужас, — прошипела *Eutaenia Infernalis*, — и вот она, тайна великих пророков человечества. Моисей, Будда, Лао-цзы, Кришна, Иисус, Осирис и Христиан Розенкрейц — все они познали Истину. Но все они были связаны заклатьем Тота, и потому, охраняя Истину, помогали распространению лжи, ибо Истина не может быть выражена ни на одном из языков человека».

Лола запела чистым, слегка дрожащим сопрано:

Крик проститутки в час ночной
Висит проклятьем над страной.⁴⁸

Это была игра в прятки. Семилетний сэр Джон едва успел спрятаться в шкаф, как в комнату вошла графиня Солсбери. Он забрался в самый дальний угол шкафа, за мамины юбки. Графиня рывком распахнула дверцы шкафа и схватила его за горло. Он попытался было крикнуть ей, чтобы она немедленно прекратила, но не смог издать ни звука и почувствовал, что вот-вот задохнется. Потом он понял, что это не графиня Солсбери, а Лола вцепилась ему в шею мертвой хваткой.

«Что, скверный мальчишка, — сказала Лола, — опять играл с голубыми подвязками и юбками своей матери?» С этими словами она резко швырнула его на пол. Над ним тут же черной тенью навис граф Дракулаталис и прошептал: «Причастие крови — вот истинное причастие. Его принимают раз в месяц, когда Луна заключает Землю в свои объятия. Бери и пей».

⁴⁸ Уильям Блейк, «Прорицания невинности» (пер. С. Маршака).

Какие-то странные люди с кроваво-красными глазами и в балахонах бродили, ссутулившись, по саду и распевали: «Йо Йо Йо Сабао Курие Абракасас Курие Мейтрас Курие Фалле. Йо Пан Йо Пан Пан Йо Ишурон Йо Атанатон Йо Абротон Йо ИАО. Хайре Фалле Хайре Панфаге Хайре Пангенитор. Хагиос Хагиос Хагиос ИАО!»

Оскар Уайльд в кепи Шерлока Холмса склонился над пенисом сэра Джона, изучая его в увеличительное стекло. «Очень, очень длинный, — торжественно произнес он, — но очень, очень красивый».

Какая-то форма материализовалась во влажном воздухе: синяя лента, отделанная золотом по краям, голубая вельветовая мантия, золотая нагрудная цепь из двадцати шести звеньев, Святой Георгий, сражающийся с драконом...

И вдруг за всем этим из темноты возник огромный и ужасающий Пан, и Лола нагнулась, чтобы поцеловать его гигантский восставший орган.

«Черинг-Кросс! Черинг-Кросс! — прокричал проводник. — Все мистики сходят на Черинг-Кросс!»

Когда сэр Джон сошел с поезда, взгляды всех, кто стоял на перроне, немедленно обратились на него. Он посмотрел вниз и с ужасом обнаружил, что на нем надета юбка его матери.

Сэр Джон моргнул и начал медленно преодолевать зыбкую границу между сном и явью. Когда он окончательно проснулся, комнату уже заливал теплый солнечный свет. Ночь и ее темные слуги исчезли, растаяли в воздухе, прямо в воздухе прозрачном.

Он позавтракал в очень плохом настроении. «Близится война между сверхдержавами, которая может уничтожить европейскую цивилизацию или отбросить нас в средние века», — всего лишь несколько недель назад с неподдельной тревогой в голосе заметил Грейсток. Неужели злые боги древних языческих культов, те злые сущности, которых Лола и ее друзья пытаются снова выпустить на волю, готовят такой страшный конец эпохе просвещения и прогресса? А может быть, он просто слишком серьезно воспринимает хаотический символизм сна, в котором причудливо смешались элементы готического романа и черной магии?

Сэр Джон решил прогуляться. Медленно шагая по лесной дороге, он задумчиво повторял свои любимые слова из формулы посвящения «Золотой зари»: «Мы поклоняемся тебе и в форме птицы, и в форме зверя, и в форме цветка, которые равно проявляют красоту твою в этом мире». Повторяя эту фразу снова и снова, он вдруг заметил, что в нем просыпается какое-то новое чувство, чувство единства со всем живым. Он услышал, как птицы и цветы вокруг него говорят ему о том, что Бог поистине добр, и что для тех, кто наделен духовным зрением, божественный свет сияет даже в этом проклятом материальном мире. Олени — веселье Бога, деревья — Его милосердие, ручьи — Его неиссякаемая любовь.

Рядом с ним на землю опустилась малиновка и начала с важным видом расхаживать взад-вперед, поклевывая что-то в траве. Сэр Джон наблюдал за ней с радостью и благоговением. Ему неожиданно пришло в голову, что это создание ему так же незнакомо и непонятно, как марсиане из фантастического романа Герберта Уэллса, и все же оно способно чувствовать и мыслить. Боже, люди живут среди таких чудес и даже не замечают их! Сэр Джон вспомнил слова из псалма: «Небеса проповедуют славу Божию, и о

делах рук его вещает твердь»⁴⁹.

Увидев лис, увлеченных любовной игрой, он покраснел и отвернулся, стараясь отогнать прочь греховные мысли. «Мы должны любить красоту этого мира, ибо она дарована нам Господом, — напомнил он себе, — но не должны ни забывать о его падшей природе, ни поддаваться его соблазнам, которые мешают нам искать красоту духовного мира. Ибо тот, кто обожествляет природу, повторяет ошибку сенсуалистов и сатанистов, ошибку Хелен из „Великого Бога Пана“.

Возвратившись в библиотеку, сэра Джон снова раскрыл книгу Мейчена и прочитал еще два мрачных рассказа — «Черную печать» и «Белых человечков». Оба рассказа были основаны на древних кельтских преданиях о «маленьком народце», однако автор был далек от той сентиментальности, с которой Шекспир изображал фей и эльфов в «Сне» и «Буре» и которую впоследствии наивно копировали почти все писатели. Мейчен разделял верования простых ирландских и валлийских крестьян, а они считали «маленький народец» злыми обманщиками, которые своими трюками и чудесами заманивали людей в нереальный мир, мир химерических форм и ночных кошмаров, от которых люди теряют рассудок. Сэр Джон, который хорошо познакомился с кельтским фольклором, когда изучал средневековые мифы, сразу же понял, что описание Мейчена гораздо ближе к истине, чем очаровательные фантазии всех остальных писателей. Ирландцы, вспомнил сэра Джон, называли фей «добрым народцем» не из любви или уважения, а из страха, ибо эти маленькие божества очень жестоко наказывали тех, кто относился к ним пренебрежительно. Очевидно, Мейчен понимал, что феи — это обитатели Черной Башни, которые каким-то образом попали с астрального плана в наш материальный мир. Именно с одним из этих загадочных существ играла на лесной поляне Хелен, девушка из «Великого Бога Пана».

Раздумья сэра Джона прервал приход почтальона. Просмотрев почту, он обнаружил письмо от преподобного Вири с обратным адресом «Шотландия, Инвернесс, „Общество распространения религиозной истины“». Сэр Джон нетерпеливо вскрыл конверт и прочел:

Сэру Джону Бэбкоку
Помесье Бэбкоков
Бимс, Грейсток
Уважаемый сэра Джон,

Я искренне благодарю Вас, как брата во Христе, за сочувствие и участие, которые Вы изволили выразить в Вашем письме. Нет нужды добавлять, что наша разница в вероисповедании совершенно не важна — надеюсь, я менее всего похож на религиозного фанатика, — и что я считаю всех истинных христиан (к которым, конечно же, не относятся проклятые паписты) братьями, которые совместно возделывают виноградник нашего Спасителя.

Признаюсь, Ваши замечания касательно отвратительных сонетов из сборника «Облака без воды» не показались мне ни удивительными, ни невероятными. Я удивлен лишь собственной слепотой, которая помешала мне сразу увидеть всю ту грязь, которая содержится в этих стихах. Не сомневаюсь, что Вы поймете эту мою

⁴⁹ Псал. 18: 2.

неспособность узреть очевидное, если я сообщу Вам, что поэтом, который написал эти сатанинские стихи, был (увы!) не кто иной, как мой младший брат Артур Ангус Вири, чью развращенность я очень долго отказывался признать, несмотря на то, что у меня были ужасные доказательства его отступничества и ереси.

С тех пор, как Артур начал учиться в этом проклятом университете в Кембридже (а он, как Вам, наверное, известно, полон социалистов и атеистов, которые даже не пытаются скрывать свои еретические взгляды), он постоянно насмехался над нашей священной религией, но я, да простит меня Бог, был слишком любящим и слишком добрым братом, чтобы признаться, даже самому себе, в том, что юношеское бунтарство Артура завело его гораздо дальше поверхностного свободомыслия большинства «интеллектуалов» нашего времени, завело прямо в пропасть сатанизма. Даже после того, как он покончил с собой и нотариус передал мне его стихи, я отказывался видеть, что эти насмешки над Христом были написаны не просто скептиком, а настоящим сатанистом. Если у Вас тоже есть чрезвычайно одаренный и своенравный младший брат, Вы, конечно, поймете причины моего заблуждения, моей душевной слепоты.

Однако, сэр, все это уже в прошлом, а сейчас я расплачиваюсь за свои заблуждения, и расплачиваюсь с лихвой. Дьявольские силы атакуют мою церковь, мою семью и меня самого. Если бы я оказался настолько глуп, чтобы рассказывать, в наш материалистический век, о тех событиях, которые недавно здесь произошли, «передовые мыслители» подвергли бы меня презрению и осмеянию, а психиатры постарались бы упрятать меня в сумасшедший дом. Чего стоит одно лишь упоминание об огромной твари с перепончатыми крыльями — но нет, я ведь хочу успокоить Вас, а не встревожить.

Что бы ни случилось, я не испытываю страха. «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною»⁵⁰. В нашем мире снова действует множество безымянных сил и существ, причем не только в клоаках Лондона, но и здесь, в чистом воздухе Шотландии. Но я уверен, что у меня есть защита от них — моя непоколебимая вера и присутствие нашего Господа. Я слишком привязан к моей старой церкви и этому горному краю (в котором я провел все шестьдесят два года своей жизни), чтобы повернуться и трусливо бежать от этих сил, которые восстали против Всемогущего. Да и разве не предсказано в Откровении их поражение и окончательная победа Христа? Я молюсь, я тверд в своей вере и не поддамся панике, несмотря ни на какие преследования.

Все же я благодарен Вам за предложение помочь и надеюсь, что Вы не забудете меня в Ваших молитвах.

Искренне Ваш,

преподобный Вири.

P.S. На мой взгляд, христианин подвергает свою душу опасности, занимаясь иудейским (и потому нехристианским) искусством — я имею в виду каббалистику. Быть может, Вы нуждаетесь в помощи гораздо больше, чем я.

«Проклятый дурак!» — в сердцах воскликнул сэр Джон. Но потом еще

⁵⁰ Псал. 22: 4.

раз, уже медленнее, прочел письмо преподобного Вири и был неожиданно для себя тронут наивной верой и скромной храбростью священника. По всей видимости, тому приходилось несладко в заброшенной старой церкви на берегу Лох-Несс.

Сэр Джон сел, успокоился и затем написал второе письмо преподобному Вири, в высшей степени непринужденное и в то же время вежливое. Он признал, что его предложение оказать помощь было несколько самонадеянным; он также согласился с тем, что вера сама по себе способна сдерживать натиск сил Тьмы и Хаоса. Затем он воздал должное храбрости преподобного Вири, стараясь не перегибать палку, чтобы его слова не показались священнику грубой лестью. И только после всего этого он наконец перешел к делу. Он объяснил, что его интерес к той неприятной ситуации, в которой, к несчастью, оказался Вири, представляет собой часть значительного большего по масштабам исследования, в ходе которого он старается оценить возможности и влияние культов черной магии в современном мире. Тут он призвал на помощь все свое красноречие и сообщил преподобному Вири, что надеется написать книгу, которая «раскроет добрым христианам всего мира глаза на непрекращающуюся деятельность Древнего Врага, которую они в настоящее время склонны оставлять без внимания». Сэр Джон также попросил священника описать более подробно непонятные события, которые происходят с ним и его домочадцами.

Подойдя к почтовому ящику, чтобы бросить в него письмо, сэр Джон внезапно почувствовал, что совершает ужасную ошибку, и у него испортилось настроение. Он подумал, что с его стороны было очень глупо впутываться в подобную историю, не спросив совета у Джоунза. А если случится что-нибудь из ряда вон выходящее? Ведь единственный способ связаться с вышестоящими членами Ордена — оставить письмо в специальном ящике в одном из почтовых отделений Лондона, где оно может пролежать целых две недели, а то и больше, прежде чем его обнаружат. Нечего и думать о том, чтобы открыто обратиться за помощью к одному из братьев-розенкрейцеров — например, Йейтсу. Все сразу же сочтут меня глупым дилетантом, который ввязался в дела настолько темные, что вынужден был нарушить правило Ордена, запрещающее общение между членами. Сэр Джон стоял у почтового ящика, не в силах остановить этот поток сомнений и мрачных мыслей, как вдруг ему пришло в голову, что он тоже может подвергнуться психическому нападению, как и Вири, и что внутренний голос, который побуждает его не вмешиваться, может быть голосом темных сил, которые хотят запугать его и не дать ему выполнить свой долг. «Страх — поражение и предвестник поражения», — напомнил он себе и решительно опустил письмо в почтовый ящик.

Неожиданно прямо над его головой оглушительно прогремел гром.

«Совпадение, — попытался успокоить себя сэр Джона, — просто совпадение...»

Но он уже знал, что этим словом пользуются только глупцы, пытаясь отгородиться от незримого мира, который так часто и так заметно пересекается с миром видимым.

XXII

Страх грома как первоначало религии: восемнадцатый век, теория Вико.

Наши предки жались друг к другу в пещерах, дрожа от страха перед грозным рокотом силы, которой не понимали. Страх Господа: римского бога-палача и бога Вири. И голос миссис Риордан, доносящийся из далекого детства: «Когда гремит гром, это Господь гневается на грешников, Джимми».

В Триесте синьор Поппер спрашивает меня, почему я до сих пор дрожу при звуках грома: «Не могу поверить, что такой сильный духом и храбрый человек, как вы, может бояться такого простого природного явления». Нужно будет написать об этом. Пусть Эйнштейн, или Хантер, как бы я его ни назвал, скажет Стивену: «Природное явление». ФИАТ.

Что я тогда ответил Попперу? «Это поймет лишь тот, кто вырос среди ирландских католиков».

Молот Тора: скандинавы тоже его боялись. Трамбамбухбабах. «Господь гневается на грешников, Джимми». Merde. Le mot juste de Canbronne⁵¹. Коннброннтрахбах.

Кошмар, от которого человечество должно пробудиться. Начался, когда первые обезьяноподобные Финнеганы или Голдберги в благоговейном ужасе прятались от Того, Кто Гремит С Небес. «Страх — отец богов»: Лукреций. В самом деле, Панфаге. Я сказал: не буду служить. Яркая звезда, сын утра, человек в обличье сокола, поднимающийся из лабиринта:

Когда все ползали, молились и стенали,
Стоял я гордо и бесстрашно.

Нет, им не удастся меня запугать. К чертям пангенитора, панургию и панфаге: да здравствует великий панквестон, Природное Явление. Да пребудет оно ныне и присно и во веки веков.

Подростком я пытался полюбить Бога, но не смог. Отказавшись от всех этих детских игр, я попытался полюбить женщину — и смог. Помогите же мне разгадать эту загадку, вы, охотники за тайнами!

Но: от самого озера Лох-Несс, через всю Европу шел за мной Древний Искуситель. Мировые линии пересекаются, переплетаются: Рогатые чудища: Шекспир, я, зеленщик из соседнего дома. Выползло из озера. «О Боже святой, сказал брат Игнатий»?

Описать, как Эйнштейн, или Хантер, встречает сирен в баре для рабочих.

Два. Три. Четыре. Звон колоколов церкви Фраумюнстер говорит нам о том, что в линейном времени наступает утро. Ганс вылезает из кровати любовницы любовника своей жены. Как много чудовищ скрывается среди нас.

Возможно, я вижу больше оттого, что у меня слабое зрение. Слепота как высшая форма зрения: еще один парадокс. Неисчерпаемая модальность вещей, которые можно увидеть с двух сторон. Парадокс, каламбур, оксиморон: и все ирландские быки беременны. Ed eran due in uno e uno in due — то, из-за чего восемь столетий назад начались войны, навеки запечатлено в словах Данте⁵². Два в одном, одно в двух.

⁵¹ Дерьмо. Верное слово Канбронна (фр.)

⁵² Он сам себе светил, и было два
В одном, единый в образе двойного,
Как — знает

XXIII

В ту ночь сэру Джону приснился очень необычный сон. Проснувшись, он по привычке потянулся за своим дневником, но вдруг обнаружил, что не в состоянии описать словами ни один из тех фрагментов этого запутанного сна, которые все еще сохранялись в его памяти. Он написал:

Очень странный сон. Я будто бы виновен в смерти отца, но в то же время это отцеубийство является, по крайней мере символически, частью посвящения. Вдобавок все это перемешано со стишками Матушки-Гусыни и символикой ордена Святого Георгия.

Спустившись, чтобы позавтракать, сэр Джон заметил среди утренней почты конверт, на котором прыгающим, дрожащим почерком был выведен знакомый обратный адрес: «Общество распространения религиозной истины». Он схватил конверт, быстро распечатал его и прочел:

Уважаемый сэр Джон!

«Погибели предшествует гордость и падению надменность.»⁵³

С каждым годом слова Священного Писания кажутся мне все более глубокими и мудрыми, а мои собственные мысли, мысли слабого и смертного человека — поверхностными и смутными.

Теперь я вынужден признать, что боюсь, боюсь по-настоящему.

Это признание гораздо более унижительно, чем Вы можете себе представить, по крайней мере для такого упрямого старого шотландца, как я.

Опишу все события в хронологическом порядке, как Вы и просили. Мне кажется, что облака зла начали сгущаться вокруг меня сразу же после того, как я издал этот проклятый сборник богохульных стихов моего младшего брата. К примеру, наше местное чудовище — «Несси», как его называют здешние фермеры, — никогда еще не было таким активным, как в последние четыре года, то есть с тех пор, как увидели свет «Облака без воды». Прежде об этой гигантской змее вспоминали очень редко, да и то лишь в связи с рассказами людей, трезвость и здравомыслие которых вызывали большие сомнения. В последние же годы это чудовище видят гораздо чаще, причем люди, в чьей порядочности и честности не приходится сомневаться. О нашей «Несси» уже пишут в газетах по всей Англии и далее, как я слышал, на континенте. Кстати, моя церковь возвышается как раз в том месте, где река Несс впадает в озеро Лох-Несс. Бывают ночи, когда я не просто могу заснуть — все пытаюсь понять, что же за существо скрывается в темных водах озера и почему оно так оживилось в последнее время.

Затем, в 1912 году, произошел этот ужасный случай с 10-летним Мердоком Фергюсоном. Гуляя однажды в сумерках возле родительской фермы, он увидел что-то необычное и так испугался, что в буквальном смысле лишился рассудка. С прискорбием замечу, что мальчик так и не смог оправиться после этого происшествия, хотя родители показывали его многим докторам. Он до сих пор часто

Тот, чья власть во всем права.
Данте, «Ад», песнь XXVIII (пер. М. Лозинского).

⁵³ Прит. 16: 18.

видит кошмары, все время погружен в себя и категорически отказывается выходить из дому после наступления темноты. Боюсь, что если бы я не описал Вам эти обстоятельства, мой последующий рассказ о том, что увидел мальчик, не вызвал бы у вас ничего, кроме улыбки. По словам маленького Фергюсона, он увидел одно из тех существ, которых мы, кельты, называем маленьким народцем, эльфами или феями. Мальчик утверждает, что росту в нем было не более трех футов. Кожа у этого существа была зеленой, уши остроконечными, а глаза горели злым огнем. И этот взгляд был настолько ужасен, что мальчик дрожал от страха весь вечер того дня, пока доктор не дал ему очень сильное успокоительное (мне кажется, это был опиум).

Описанный мною случай произошел в небольшой долине прямо за моей церковью. Конечно, у нас в Шотландии (кстати, и в Ирландии тоже) в каждой деревне время от времени возникают слухи о том, что кто-то встретил фею или эльфа, но я уверен, что большинство подобных встреч — плод воображения людей, которые чересчур увлекаются сказками. Что до маленького Мердока, я всегда считал его очень смысленным, жизнерадостным и уравновешенным мальчуганом. Сейчас его рассудок совершенно расстроен, и мне не остается ничего иного, как поверить в то, что в тот злополучный вечер он действительно столкнулся с чем-то ужасным.

Потом появился зловещий джентльмен в черном. Эта история кажется довольно странной, но именно поэтому она беспокоит меня больше всего. Люди, которые видели этого человека в черном, до сих пор спорят о том, кем он был — китайцем, японцем или представителем какой-то другой расы. Он прибыл в Инвернесс спустя примерно месяц после происшествия с маленьким Фергюсоном и посетил по меньшей мере пару десятков домов, причем всегда приезжал в черном экипаже и только после наступления темноты. Одевался он на западный манер, но всегда в черное. По словам очевидцев, он говорил по-английски так, как не говорят ни высшие, ни низшие классы, — без единой ошибки и без выражения, словно автомат.

Вступая в разговор с местными жителями, он сначала спрашивал, как проехать к моей церкви, а затем задавал множество коварных и на первый взгляд бесцельных вопросы обо мне, моей жене и моем старшем брате Бертроне. Прощаясь, этот варвар в черном всегда произносил одну и ту же фразу: «Позор тому, кто плохо об этом подумает». Самое странное в этой истории то, что он так и не добрался до моего дома, хотя эти визиты к соседям и расспросы продолжались более двух месяцев.

Не менее странным, однако, мне кажется тот факт, что хотя все, кого посетил этот восточный человек, отчетливо видели его черный экипаж; возле своих домов, никто ни разу не видел этот экипаж: движущимся по местным дорогам, ни днем, ни ночью. Казалось, он и его экипаж появлялись из ниоткуда перед очередным визитом и растворялись в воздухе сразу же после его окончания. Прочитав это, Вы, конечно же, подумаете, что я дал чрезмерную волю своему воображению.

(Кстати, я был бы Вам очень признателен, если бы Вы ответили на такой вопрос: имеют ли слова «Позор тому, кто плохо об этом подумает» какое-либо отношение к белой или черной Магии, помимо того, что это девиз ордена Святого Георгия?)

Вернусь к своему повествованию. В последние полгода, то есть

примерно с тех пор, как призрачный восточный человек покинул наши края, возле моей церкви после наступления темноты не раз замечали огромное существо с перепончатыми крыльями и горящими красными глазами. По моим подсчетам, число людей, которые видели эту тварь, в настоящее время приближается к двадцати. Конечно, можно предположить, что появления Несси, случай с маленьким Фергюсоном и визиты темного восточного человека посеяли среди местных жителей панику и сделали их более восприимчивыми ко всякого рода слухам.

Хотел бы я, чтобы все обстояло именно так, но увы! Дело в том, что я своими глазами видел эту гигантскую тварь с перепончатыми крыльями. Один раз я рассмотрел ее совершенно отчетливо, во второй раз я только слышал хлопанье огромных крыльев и видел громадную тень. Возможно, это был исключительно крупный сокол. Но, слово чести, я еще никогда не слышал о соколе с такими огромными крыльями... Кроме того — боюсь, что даже Вы припишете эту деталь игре моего больного воображения, — мне показалось, что это существо хихикало голосом, очень похожим на человеческий.

Если бы я не любил так сильно эти родные мне холмы и долины, то, пожалуй, подался бы на уговоры моей жены Энни и перебрался бы в более спокойное и менее уединенное место. Даже мой старший брат Бертран, который прослужил в армии тридцать лет и известен своей безупречной отвагой, перешел на сторону Энни и уже несколько раз говорил мне, что мы все должны покинуть это проклятое место.

Пожалуйста, не забывайте нас в Ваших молитвах.

Преподобный С. Вири

Можно ли превратить человека в верблюда? Вопрос, который два года назад казался сэру Джону абсурдным и смехотворным, теперь вызывал у него ужас. Злые «маленькие люди», встреча с которыми лишает человека рассудка и заставляет его забыть о времени и пространстве... огромная змея, которую не раз видели в Лох-Несс... тварь с перепончатыми крыльями, которая хихикает человеческим голосом... Полный мрачных предчувствий, сэр Джон снова и снова перечитывал письмо Вири, и с каждым разом его беспокойство возрастало. «Человеческое сознание состоит из двух частей — рациональной и иррациональной», — однажды заметил Джоунз. Сэр Джон уже видел достаточно обитателей Черной Башни, чтобы почувствовать их силу и понять, что они способны легко вторгаться в материальный мир и нарушать действие его естественных законов.

«Неутомимые труженики» — эти слова из «Писем о ведьмах» Вальтера Скотта прочно засели у сэра Джона в голове и не давали ему покоя. В конце концов он отправился в библиотеку, чтобы найти эту книгу и прочитать целиком отрывок, посвященный этим злым созданиям. Скотт сначала исследовал происхождение слов «очарование» и «чары», затем описывал, как чары этих существ могут превратиться в нечто, вызывающее отвращение и ужас — похоже, именно это случилось с маленьким Фергюсоном. Сэр Джон прочитал:

Когда чары рассеиваются, юные рыцари и прекрасные дамы превращаются в морщинистых злых ведьм, величественные залы — в убогие и сырые пещеры. Рай эльфов в одночасье превращается в ад. Их радости ярки, но совершенно нереальны, их деятельность не прекращается ни на минуту, но совершенно бесплодна. Основная их цель — создавать видимость

труда или наслаждения, хотя их труд бесполезен, а наслаждения призрачны. Вот почему поэты называют их «неутомимыми тружениками». Помимо безмерной суетливости, эти духи обладают и другими качествами, которые таят в себе огромную опасность для простых смертных.

Сэр Джон вспомнил свою первую встречу с «неутомимыми тружениками»: огромный непонятный механизм, странные существа без перерыва бормочут какую-то бессмыслицу... «Муллиган миллиган хулиган холиган» и прочее в том же духе. Каббалисты считают, что это души людей, которые умерли безумными; христиане называют их демонами; тибетцы называют их «тульпа» и обычно изображают в черных одеяниях — кстати, тот загадочный «восточный человек», который расспрашивал жителей Инвернесса о семействе Вири, тоже был с ног до головы одет в черное; американские индейцы называют их «союзниками», или воплощениями бога-обманщика Койота, или «людьми со звезд». Похоже, нет такого места на Земле, где бы о них не знали, и сказочными персонажами их считают только те, кто никогда не сталкивался с ними лично.

Сэр Джон вдруг вспомнил, что слово «паника» происходит от слова «Пан», имени великого бога греков. Древние верили, что встреча с этим богом или его свитой, состоящей из сатиров и нимф — неутомимых тружеников — всегда заканчивается для людей потерей рассудка, хотя иногда безумию предшествует глубокий экстаз.

В его памяти всплыли строки старинной баллады «Томас-Рифмач». Когда-то ему казалось, что эти слова полны очарования, но теперь он почувствовал в них что-то неуловимо злое:

Бежит, петляя меж болот
Дорожка третья, как змея,
Она в Эльфландию ведет,
Где скоро будем ты да я.⁵⁴

Сэр Джон также вспомнил, что:

— Вильям Блейк рассказывал друзьям, что однажды видел в своем саду целую процессию эльфов;

— Вальтер Скотт упоминал об одном из своих знакомых, «ученом и джентльмене», который видел «круги эльфов» — круги из грибов, в которых, согласно поверью, этот странный народец любит плясать — и следы маленьких ножек внутри них;

— известный фольклорист Бэринг-Гоулд заявил под присягой, что в 1838 году встретился с целым «легионом карликов ростом не больше двух футов», которые окружили его экипаж и некоторое время бежали по дороге рядом с ним, а затем «растворились в воздухе прозрачном», в характерной для них манере;

— в 1907 году, то есть совсем еще недавно, леди Арчибальд Кэмпбелл сообщила о том, что некая ирландская семья поймала «эльфа» и продержала его под замком около двух недель, прежде чем ему удалось бежать.

Можно ли считать все эти случаи галлюцинациями? — размышлял сэр Джон. — Подобные встречи происходили во все времена и во всех уголках нашей планеты. Бигфут, снежный человек, гигантские крылатые существа, о

⁵⁴ «Томас-Рифмач» (перевод С.Маршака).

которых слагали сказки и легенды все народы мира — вся эта мрачная компания загадочных Существ есть не что иное, как невероятное разнообразие форм, в которых «неутомимые труженики» могут являться людям. Иногда граница между видимым и невидимым миром на время исчезает, и они приходят в нашу реальность, вышагивая, пританцовывая, прыгая и хихикая. Когда я встретился с самым ужасным из этих созданий — двуполым богом Бафометом, — прогремел гром и треснуло зеркало. Было ли это совпадение или в тот момент на самом деле распахнулась дверь между мирами?

Сэр Джон подумал о великом белом пятне в истории человечества — эпохе с горделивым названием «Век Разума», когда наука, неспособная объяснить существование метеоритов, догматически провозгласила, что метеоритов не существует в природе. Но метеориты продолжали падать. Их видели фермеры и епископы, торговцы и домохозяйки, философы, мэры и даже некоторые ученые. Тогда Французская Академия и Королевское научное общество приняли решение считать любые сообщения о падении метеоритов результатом мистификации или галлюцинации. Нечто подобное происходит и сегодня. «Неутомимые труженики» работают не покладая рук, и в газетах каждую неделю появляются заметки о необычных событиях то в одной, то в другой части света. «Общество психических исследований» каждый раз тщательно изучает подобную информацию, но вердикт неизменен — мистификация или галлюцинация. Сэр Джон почувствовал, что верит каждому слову в письме Вири. Конечно, и карлик, и восточный человек в черном, и даже хихикающая тварь с перепончатыми крыльями — все это чары, иллюзии, но за ними стоит некая темная сила. Человечество с незапамятных времен пытается противостоять этой силе, но без особого успеха.

С тех пор, как сэр Джон погрузился в исследования средневековой магии, его ум постоянно колебался между истинной и мнимой верой, истинным и мнимым скептицизмом. И теперь он больше не в силах был противостоять соблазну верить просто и бесхитростно. Великий бог Пан все еще жив сегодня, через две тысячи лет после того, как христиане справедливо нарекли его дьяволом. Его свита по-прежнему неутомимо трудится, но современные ученые решили ее не замечать — точно так же, как ученые мужи в эпоху Вольтера решили не замечать метеоритов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Если Господь не сомневается в существовании демонов, с какой стати сомневаться нам?

Преподобный Чарльз Вири, «Облака без воды»

В Библии говорится о «драконе... и его ангелах»⁵⁵, и это значит, что не только Люцифер, но и легионы других ангелов осмелились отрицать власть Бога... Берегитесь, ибо они опасны, злы и коварны. Они хотят получить

⁵⁵ Откр. 12:7.

власть над вами и готовы заплатить за это любую цену!

Преподобный Билли Грэм, «Ангелы: тайные посланники Бога»

Если Бог живет в каждом из нас, как я могу быть злым?

Чарли Мэнсон

XXIV

Наступил следующий день, двадцать седьмое июня. Фён продолжал душить Цюрих в своих влажных объятиях. Уже трижды этот коварный ветер утихал, но каждый раз возобновлялся с прежней силой. У жителей Цюриха начали сдавать нервы.

В три часа дня Эйнштейн, Джойс и Бэбкок снова собрались вместе, на этот раз у Эйнштейна дома, в его кабинете. Профессор был среди них самым бодрым. Для того, чтобы прийти в себя после тяжелой ночи, ему хватило всего нескольких часов сна и легкой разминки для ума в форме дневной лекции по физике. Джойс, судя по его виду, страдал от похмелья. Бэбкок провел остаток ночи в полузабытьи, кое-как примостившись на диване в гостиной Джойса, и был лишь ненамного спокойнее, чем накануне.

— Итак, Джим, — начал Эйнштейн, — что вы думаете об удивительных приключениях нашего друга?

— По правде говоря, некоторые места в его рассказе начинают вызывать у меня серьезные сомнения.

Эйнштейн промолчал, взглядом приглашая Джойса продолжать.

— Однажды, — задумчиво произнес Джойс, — в Дублин приехал арабский цирк. Мне тогда было лет десять, и я жадно поглощал романтические книжки о загадочном Востоке, тайнах суфиев, магии дервишей, Аладдине, Али-Бабе и прочих подобных вещах. Можете себе представить, что для меня в то время значило слово «арабский»! С возбуждением, которое я чувствовал накануне похода в этот цирк, могло сравниться только возбуждение, которое овладело мною, когда я впервые отважился зайти в район красных фонарей, чтобы лишиться невинности с проституткой. Мне казалось, что передо мною вот-вот откроется огромный новый мир, мир чудес и магии. Каково же было мое разочарование, когда я увидел только старый передвижной цирк, обычное развлечение для дураков, вытягивающее из их карманов последние копейки.

На лице Бэбкока отразилось недоумение — он не мог понять, к чему ведет Джойс. Эйнштейн сосредоточенно слушал.

— Так вот, — продолжал Джойс, — мистер Уильям Батлер Йейтс и его друзья живут в такой арабской сказке. Для них она реальна. Даже более реальна, чем их собственные слуги. Каждый день мы погружаемся в мир чувств и ощущений, но мы не так наги и незащитны, как Адам и Ева в раю. Куда бы мы ни отправились — в пивную за углом, в передвижной арабский цирк или на Южный полюс с Амундсеном, — мы несем с собой определенные идеи, определенные предрассудки. Если бы сейчас в эту комнату вошел вор-карманник, он увидел бы несколько карманов, которые можно обчистить. Если бы прекрасная Милева, — он шутливо поклонился в сторону кухни, где

позвякивала посудой жена Эйнштейна, — изволила пригласить к нам в гости Сократа, он увидел бы здесь несколько умов, которые можно смутить каверзными вопросами. Если бы здесь оказался мистер Йейтс, он увидел бы только материальные тени Вечных Духовных Идей: Науки, — он указал на Эйнштейна, — Искусства, — он иронически указал на самого себя, — и Мистицизма, — он указал на сэра Джона. — Что до меня, то я вижу здесь трех человек, жизни которых складываются по-разному, вот и все.

— Если я правильно понимаю, — сухо заметил Эйнштейн, — вы хотите сказать, что люди из «Золотой Зари» не более безумны, чем все остальные?

— Я хочу сказать, — ответил Джойс, — что могу видеть мир таким, каким его видит Йейтс и прочие оккультисты — то есть как духовный путь, полный Знаков и Символов — а могу видеть его таким, каким мне его показали иезуиты в годы моей юности — то есть как юдоль скорби и паутину греха. Я также могу видеть его как поэму Гомера или угнетающий своим натурализмом роман Золя. Мне интересны все его грани.

Сэр Джон подался вперед, внезапно заинтересовавшись разговором.

— Мне кажется, я начинаю вас понимать, — сказал он. — Вы хотите сказать, что я живу в готическом романе, тогда как вы предпочитаете жить в романе Золя.

— Вовсе нет, — сказал Джойс. — В романах Золя только одно измерение, я же хочу видеть этот мир со всех сторон. Я хочу глубоко разобраться в готических романах, романах Золя и всех остальных маскарадах, а затем преодолеть их ограничения.

— Любопытно, — задумчиво произнес Эйнштейн, — очень любопытно.

Бэбкок и Джойс вопросительно посмотрели на него, ожидая продолжения.

— Ваш пример с арабским цирком, — сказал Эйнштейн Джойсу, — напомнил мне о другом интересном примере, который я часто привожу на своих лекциях. Представьте себе, что мы — трое физиков, а наша комната — это лифт, который стремительно несется вверх в безвоздушном пространстве. Мы не знаем, что находимся внутри лифта, но хорошо разбираемся в физике и хотим понять, что происходит вокруг нас. Мы начинаем проводить эксперименты и обнаруживаем, что предметы, которые мы выпускаем из рук, всегда падают на пол. Мы также выясняем, что если эти же предметы бросать горизонтально, они тоже падают на пол, но уже не отвесно, а по параболе. Записывая для этих процессов простейшие математические уравнения, мы в конце концов получаем всю ньютоновскую теорию гравитации. В результате мы приходим к выводу, что под коробкой, в которой мы заперты, находится какая-то планета, «притягивающая» к себе разные предметы.

Джойс удивленно хмыкнул.

— Если эта теория верна, то она еще более удивительна, чем все то, о чем вы рассказывали мне раньше.

— Я как раз пишу статью, в которой пытаюсь доказать эту теорию, — сказал Эйнштейн. — Итак, продолжим. Предположим, один из находящихся в этой комнате физиков — возможно, в результате каких-нибудь экспериментов, схожих с каверзными каббалистическими упражнениями «Золотой Зари», — изменяет свой образ мышления. Он начинает воспринимать эту комнату как лифт и отчетливо представляет себе прикрепленный сверху трос и механизм, тянущий этот трос вверх. Он проводит свои эксперименты и записывает свои уравнения. Рано или поздно он получает всю теорию инерции — в том виде, в каком она сегодня

существует в классической механике. В результате он приходит к выводу, что никакой планеты под этой комнатой нет.

— Теперь, — увлеченно произнес Эйнштейн, — предположим, что двери замкнуты и мы не можем выйти из комнаты. Как нам определить, какое из двух объяснений того, что происходит внутри нее, соответствует действительности — теория гравитации, согласно которой под нами существует некая планета, или теория инерции, согласно которой над нами прикреплен трос?

— Похоже, — тихо произнес Бэбкок, — на этот вопрос не так просто ответить.

— В каком-то смысле оба варианта истинны, — уверенно сказал Джойс. — Если обе системы уравнений точно описывают происходящее с нами, у нас нет никаких оснований, исключая эстетические, предпочитать одну из них другой. По условию задачи, мы не можем увидеть ни планету под нами, ни трос над нами. Вы хотите сбить нас с толку, описывая ситуацию с точки зрения стороннего наблюдателя.

— Именно! — воскликнул Эйнштейн. — Любая система координат подобна замкнутой комнате из этой задачи, и если нет стороннего наблюдателя, то мы ничего не можем сказать определенно. Находясь внутри комнаты — то есть внутри любой системы координат — мы не можем сказать, чем на самом деле объясняются явления, которые мы наблюдаем, гравитацией или инерцией. То же и с рассказом сэра Джона: это либо серия необычных совпадений и снов с фрейдистскими символами, которым оккультное мировоззрение сэра Джона придало совершенно неестественную окраску, либо серия настоящих оккультных Знаков. Все зависит от решения наблюдателя.

— Именно! — в свою очередь воскликнул Джойс. — Если уж речь зашла о совпадениях, мне тоже есть что вспомнить. Так, я начал свою карьеру преподавателя в школе, которая находилась на улице Вико в Дублине. Потом, когда я перебрался в Триест, один из моих учеников жил на улице Джамбаттисты Вико, и я ходил по ней дважды в день. Через несколько лет у меня появился ученик, который был увлечен теорией исторических циклов Вико. Естественно, что после всех этих совпадений я в конце концов начал интересоваться жизнью и философией Вико и, к своему удивлению, обнаружил в них много общего с моей собственной жизнью и философией. Теперь во всем, что я пишу, есть влияние Вико. Вы можете толковать эту историю как вам угодно. Unum: боги снова и снова подбрасывали мне имя Вико, чтобы повлиять на мой художественный стиль, или, Duum: это были простые совпадения, а я придал им особое значение, восприняв их чересчур серьезно. Эти две гипотезы имеют абсолютно равные права на существование.

— Не совсем так, — возразил Эйнштейн. — Если у нас есть две конфликтующие теории, мы должны выбрать ту из них, которая лучше согласуется с фактами, или разработать теорию более высокого порядка, которая примиряла бы эти теории между собой — кстати, именно это я и пытаюсь сделать в случае с инерцией и гравитацией. Без такого творческого усилия, которое приводит идеи в соответствие с ощущениями, ум работает вхолостую.

Бэбкок скептически хмыкнул, и Эйнштейн вопросительно посмотрел на него.

— Наверное, вы удивитесь, джентльмены — устало сказал Бэбкок, — но

я согласен со всем, что вы здесь говорили. Первое, чему меня научили в «Золотой Заре» — понимать, что мир преломляется в уме наблюдателя точно так же, как свет преломляется и увеличительном стекле. Напоминая мне об этом, вы зря стараетесь, ибо ваши слова отнюдь не улучшают мое положение — положение человека, который подвергается атакам черных магов. Я по-прежнему вне себя от страха, так как они уже продемонстрировали мне свои способности и намерения, лишив трех человек сначала рассудка, а потом и жизни.

— Никто не отрицает, что у вас есть опасные враги, — сказал Эйнштейн. — Но мне трудно поверить в то, что они способны манипулировать физической реальностью, с помощью своей... э-э-э... магии или чего-нибудь еще. Что, если они всего лишь ловко манипулируют сознанием своих жертв? Боюсь, мы не сможем разобраться в этом, пока не дослушаем вашу историю до конца.

— Верно, — согласился Джойс. — Расскажите нам обо всем, что с вами произошло. У меня уже есть некоторые гипотезы, и мне было бы очень интересно их проверить.

— Тогда мне не остается ничего иного, как продолжить свое повествование, — сказал сэр Джон.

И под непрекращающийся стук окна, дрожавшего под натиском фёна, он поведал Джойсу и Эйнштейну о своих дальнейших приключениях. То, что они услышали, расстроило все их предположения.

XXV

Письмо преподобного Вири, в котором упоминалось о твари с перепончатыми крыльями, чрезвычайно обеспокоило сэра Джона. Он решил узнать как можно больше о загадочном Алистере Кроули — руководителе ложной «Золотой Зари», в которой процветало распутство и черная магия; любовнике Лолы Левин, если верить Иезекилю (или Эзре, или Иеремии, или как там его еще звали) Паунду; маге, который однажды превратил Виктора Нойбурга в верблюда. Как все чаще подозревал сэр Джон, Кроули также был орудием, при помощи которого «неутомимые труженики» решили расправиться с семьей Вири.

Сэр Джон первым делом отправился в Британский музей. Едва он увидел это величественное здание, как сразу же с тревогой вспомнил свой сон, в котором Карл Маркс сбивчиво рассказывал ему историю масонства, причем к этому почему-то все время примешивалось убийство Юлия Цезаря.

Внимательно просмотрев «Литературное обозрение» за последние десять лет, сэр Джон узнал, что Кроули — автор более дюжины поэтических сборников, каждый из которых был камнем преткновения для литературных критиков. Так, критик из «Слушателя» вообще не смог составить мнение о поэзии Кроули, и в своей статье называл ее то «смелой» и «глубокой», то «возмутительной» и «отвратительной». «Искатель» отнесся к Кроули с большей благосклонностью: «Некоторые ограниченные и необъективные критики обвиняют Кроули во всех смертных грехах... Это и неудивительно, ибо очень трудно уследить за головокружительным полетом вольной птицы». «Фанфара» откровенно расписывается в собственном бессилии: «Мы вынуждены признать, что эти стихи превосходят возможности нашего интеллекта». «Кембриджское обозрение» злобно обрушивается на Кроули, называя очередной сборник его стихов «непристойной, отвратительной и

чудовищной книгой, которая должна вызвать бурный протест защитников хорошей литературы и добропорядочности». «Эрботский вестник», вторя «Фанфаре», в отчаянии называет стихи Кроули «настолько глубокими, что некоторые места в них просто невозможно понять». «Атеист» неохотно признает наличие у Кроули поэтического дара: «Мы далеки от того, чтобы одобрять мечтательный романтизм поэта, но его последовательное отрицание сверхъестественного, божественного и мистического не может не вызывать у нас уважения». Парадоксально, но «Религиозный вестник» тоже одобрительно отзывается о поэзии Кроули: «Чувство Бога, отчетливо проявляющееся во всех произведениях поэта, позволяет надеяться на то, что однажды он достигнет истинного просветления». «Йоркширский часовой» настроен весьма критически: «Поэзия мистера Кроули, если ее вообще можно назвать поэзией, просто несерьезна», тогда как «Литературный гид» называет его стихи «шедевром интеллектуальной поэзии и сатиры».

Алистера Кроули не обходили вниманием и газеты. Так, в 1909 году — в том самом году, когда сэр Джон закончил Кембридж, а безумный Пикассо шокировал Париж своей первой кубистской картиной, — «Таймс» подробно комментировала судебный процесс между Кроули и Макгрегором Матерсом. Хотя репортер «Таймс» относился к обоим мистикам с нескрываемым сарказмом, сэру Джону все же удалось извлечь из его статей кое-какую объективную информацию. В частности, он понял, что Матерс пытался помешать Кроули опубликовать в журнале под названием «Равноденствие» материалы настоящей «Золотой Зари», но это было лишь удобным поводом для судебного разбирательства. Подлинная же причина конфликта между Матерсом и Кроули состояла в том, что каждый из них объявлял себя единственным законным главой Незримой Коллегии розенкрейцеров. Это не удивило сэра Джона, ибо Джоунз уже давно рассказал ему о том, что Кроули, Матерс и несколько других самозванцев основали псевдо-розенкрейцерские ложи, пытаясь оттеснить на второй план настоящую «Золотую Зарю». Как бы то ни было, судья не дал этим двум самозванцам превратить судебный процесс в банальное выяснение отношений, заявив, что споры подобного рода не могут решаться в суде. После долгого разбирательства суд к концу концов постановил, что Матерс не вправе запрещать Кроули публиковать тексты, о происхождении которых нет никаких определенных сведений и которые, по утверждению обеих сторон, были написаны высшими разумными существами, не пожелавшими принять телесную форму и выступить в суде в качестве свидетелей.

Прочитав об этом, сэр Джон невольно улыбнулся. Судя по всему, этот судебный процесс все же превратился в фарс, несмотря на все старания судьи. Так, Матерс на перекрестном допросе был вынужден признать, что иногда объявлял себя новым воплощением короля Чарльза I. Кроули же, давая показания, назвал себя величайшим альпинистом всех времен и народов.

Истинность последнего утверждения вызвала у сэра Джона справедливые сомнения, поэтому он немедленно отправился в Альпийский клуб. Члены клуба охотно и не без злорадства эти сомнения подтвердили. «Алистер Кроули, — сказал ему мистер Мортимер, секретарь клуба, — величайший хвостун всех времен и народов. Наш клуб не засчитал ни одного совершенного им восхождения». Впрочем, дальнейшее расследование и здесь выявило противоречия, которые, казалось, для жизни Кроули так же естественны, как туман для лондонских улиц. Выяснилось, что вражда между

Кроули и Альпийским клубом началась еще в 1890-х годах, при этом стороны так часто обвиняли друг друга во лжи, что установить истину уже было практически невозможно. Тем не менее, Мортимер обронил фразу, которая позволяла предположить, что успехи Кроули в скалолазании не так уж незначительны. По его словам, лучший альпинист Германии Оскар Эккенштейн часто называл Кроули своим единственным достойным соперником. «Но, — поспешно добавил Мортимер, — Эккенштейн немецкий еврей, к тому же имеет зуб против нас, поэтому нет ничего удивительного в том, что он поддерживает Кроули».

После визита в Альпийский клуб сэр Джон решил навести справки о своем таинственном противнике среди людей, знающих лондонский свет как свои пять пальцев.

— Кроули, конечно, плут, но очень обаятельный, — сказал ему Макс Бирбом. — Я бы не назвал его негодяем, однако он прилагает немало усилий для того, чтобы произвести именно такое впечатление.

— Да? — с сомнением переспросил сэр Джон. — А в чем, по-вашему, разница между плутом и негодяем?

— Плут, — безапелляционно заявил Бирбом, — в грош не ставит мораль, но у него все же есть хоть немного чести. У негодяя же нет ни морали, ни чести.

— Гм, теперь я, кажется, понимаю, — сказал сэр Джон, по-прежнему ничего не понимая. — А не могли бы вы привести мне какой-нибудь пример плутовства Кроули?

Бирбом захихикал.

— Примеров сотни, но один из них нравится мне особенно. В Париже есть памятник Оскару Уайльду, созданный одним очень талантливым молодым скульптором, Якобом Эпштейном. Французы, видите ли, решили показать всему миру, что относятся к сексуальной ориентации Уайльда более терпимо, чем мы, англичане, и признают гениальную личность, каковы бы ни были ее пороки. — Он снова хихикнул. — Но когда Эпштейн закончил статую, оказалось, что их терпимость тоже имеет границы. Дело в том, что Эпштейн изваял Уайльда голым. Учитывая... э-э-э... репутацию Уайльда, это было, пожалуй, чересчур, но французы не могли, обидеть Эпштейна и отказаться от статуи, да и заказ уже был оплачен. Тогда они наняли какого-то мастерового, чтобы тот прикрепил к... э-э-э... срамному месту статуи фиговый лист. И как вы думаете, что сделал Кроули? Ночью он пробрался в парк и с помощью молотка и зубила отбил от статуи этот лист. Чтобы сделать скандал еще более громким, он в ту же ночь возвратился в Лондон и появился в «Кларидже» с этим фиговым листом на своих штанах! — Теперь уже Бирбом расхохотался. — Вот это я называю плутовством, так как не вижу тут никакого негодяйства.

Мнение прекрасной Флоренс Фарр, самой известной актрисы Лондона, было таким же неоднозначным, как и мнения литературных критиков. «Десять лет назад, — сказала она, — когда я часто виделась с Алистером, он был самым красивым, самым остроумным и самым блестящим молодым человеком в Лондоне. Но в то же время он был самым отъявленным хамом и мерзавцем из всех, кого я знала. Судя по тому, что я о нем время от времени слышу, эти противоречия в нем постоянно усиливаются. Он либо закончит свою жизнь на виселице, либо станет святым».

Виктор Нойбург — молодой поэт, которого Кроули, по словам Джоунза, однажды превратил в верблюда, — вообще не захотел встречаться с сэром

Джоном. Вместо этого он прислал свою визитную карточку, на которой бисерным почерком написал: «Ни один человек на свете не понимает и не способен понять Алистера Кроули, но тот, кто дорожит своим рассудком, ни за что не станет с ним связываться».

Писатель Ричард Олдингтон был резок в своей оценке: «Роден называет Кроули величайшим из ныне живущих поэтов, но, боюсь, он говорит так только потому, что Кроули посвятил его скульптурам целый сборник стихов. Лично я не переношу поэзию Кроули и считаю ее слишком викторианской, многословной и напыщенной. В ней нет ничего современного».

Джеральд Келли, самый модный художник Англии, которого, по слухам, вот-вот должны были избрать в Королевскую академию изящных искусств, сказал: «Прошу извинить меня, сэр Джон, но я не стану обсуждать с вами Алистера Кроули, ибо он, как вам, наверное, уже известно, был моим шурином. Скажу вам только одно: когда моя сестра наконец с ним развелась, я не особенно горевал».

Математик Бертран Рассел был точен, как и подобает ученому: «Я еще никогда не встречал любителя, который разбирался бы в современной математике так же хорошо, как Алистер Кроули. Однако в остальном его мозги — это болото сентиментального мистицизма. Я слышал, что он отлично играет в шахматы, поэтому вам стоит заглянуть в Лондонский шахматный клуб».

В Лондонском шахматном клубе сэр Джон нашел немало поклонников шахматного таланта Кроули, и все они выражали сожаление по поводу того, что он уделяет игре так мало времени. «Он мог бы стать гроссмейстером, — с грустью заметил один из членов Клуба, — если бы не разменивал себя на такие глупости, как скалолазание и поэзия, и не ездил на Восток притуплять свой ум индусскими суевериями».

«Алистер, — сказал другой любитель шахмат, — единственный из известных мне шахматистов-любителей, который может выиграть вслепую почти все или даже все партии в сеансе одновременной игры на нескольких досках. Вообще, — он понизил голос, — у него был один фокус, который всем нам казался настоящим волшебством. Иногда он приглашал к себе какого-нибудь шахматиста, расставлял фигуры и удалялся в спальню с одной из своих любовниц. Оттуда он выкрикивал ходы, и неизменно выигрывал. По его словам, этим он хотел показать нам, что такое настоящая концентрация».

Сэр Джон густо покраснел и воскликнул: «Как можно так неуважительно относиться к женщине!»

«Видите ли, — сказал шахматист, подмигивая, — судя по звукам, которые доносились из спальни во время игры, леди в это время получала огромное удовольствие, причем несколько раз подряд».

Сэр Джон вышел из шахматного клуба, поражаясь тому, как хорошо лики дьявола скрыты от непосвященных. В том, что казалось этим шахматистам вульгарными трюками и умственной гимнастикой, любой, кто знаком с черной магией, сразу же распознал бы нечто гораздо худшее: Кроули таким образом готовил себя к ритуалу Пана. В этом ритуале длительное сексуальное наслаждение используется для того, чтобы возбудить все чувства и открыть дверь в астральный мир.

В конце дня сэр Джон совершил поход по книжным магазинам. После долгих и безуспешных поисков ему наконец-то улыбнулась удача: в одном из магазинов он увидел «Книгу четыре» — одно из скандальных творений Кроули. Надпись на первой странице гласила, что эта книга просто и

доступно объясняет все таинства йоги и магии. Сэр Джон расплатился и поспешил на вокзал, так как ему не терпелось познакомиться с «Книгой четыре» поближе.

Когда сэр Джон возвратился домой, ломая голову над теми противоречивыми и тревожными сведениями, которые ему удалось собрать о своем противнике, на столе в прихожей его уже ждала небольшая бандероль. Судя по штемпелю, она была отправлена из того почтового отделения в Лондоне, которое обычно использована «Золотая Заря». Это показалось сэру Джону странным, так как Джоунз еще не вернулся из Парижа. С другой стороны, Джоунзу не обязательно самому отправлять почту. Скорее всего, в Ордене есть чиновник, который занимается только тем, что в определенные дни рассылает адептам учебные материалы. Сэр Джон распечатал бандероль, втайне надеясь, что там будет описание тайного ритуала Креста и Розы, к которому его готовил Джоунз.

Внутри он нашел брошюру, на обложке которой было напечатано:

DE OCULO NOOR 56

Публикация класса А

Герметический Орден Золотой Зари

Сэр Джон был слегка разочарован, тем не менее оправился в библиотеку и начал читать.

1. Это книга о том, как открыть Глаз Гора. Символ этого действия — глаз в пирамиде, значение — Просветление.

2. Кто читает, не видит; кто ищет, не находит; кто думает, что понимает, ничего не понимает. Ибо понимание приходит только тогда, когда ты — это не ты, когда ты — ничто.

3. Жил-был монах, ученик Гаутамы, великого Мага нашего Ордена. Люди дали Гаутаме имя «Будда», или «Тот, Кто Пробудился». Ибо однажды они спросили его: ты бог? Он ответил: нет. Тогда они спросили его: ты святой? Он снова ответил: нет. И тогда они спросили его: кто же ты? И он ответил: я тот, кто пробудился. Поэтому его называли Буддой, или Пробудившимся.

4. Стремясь пробудиться, монах занимался медитацией так, как учил Будда. Изначальная суть медитации, которая впоследствии была искажена ложными теориями и домыслами теологов, проста: Наблюдая за тем, что происходит вокруг, говорить себе: «Все проходит».

5. Монах наблюдал за тем, что происходило вокруг, и постоянно говорил себе: «Все проходит».

6. И приблизился монах к Пробуждению, а потому подвергся великой опасности. Ибо Демон Галлюцинаций, которого буддисты называют Марой, набрасывается на того, кто приближается к Пробуждению, и старается вернуть его в пределы Сна Дураков, то есть обычного сознания Человека.

7. Мара жестоко наказал монаха смертью его детей, безумием тех, кого он любил, болью в глазах, клеветой, злобой, великим проклятием Судебных Исков и прочими страданиями. Но, что бы ни

происходило, монах повторял «Все проходит» и неуклонно приближался к Пробуждению.

8. И тогда Мара, Демон Галлюцинаций, убил монаха и возродил к жизни снова, но уже в теле глупого попугая, который порхал с ветки на ветку в глубине джунглей. Сделав так; подумал Мара: теперь не сможет он пробудиться.

9. Но однажды в джунгли забрел буддийский монах, который повторял вслух буддийские изречения. Попугай услышал одно изречение, и стал повторять его снова и снова: «Все проходит».

10. В конце концов ум попугая ожил, он вспомнил свою прошлую жизнь и смысл этого изречения. Мара ужасно разгневался, убил попугая и возродил его к жизни уже в теле слона. Слон этот жил в самом сердце джунглей, где никогда не звучала человеческая речь.

11. Прошло много лет и казалось, что эта душа уже никогда не пробудится. Но хорошая карма, как и плохая, действует вечно, поэтому случилось так, что и в эту часть джунглей забрел человек. Он поймал слона и продал его великому радже.

12. Слон жил при дворе раджи, и так прошло много лет.

13. Однажды пришел к радже странствующий буддийский монах и поведал ему свое учение: «Все проходит». И тогда слон вспомнил свои предыдущие жизни, вспомнил значение этих слов и еще больше приблизился к Пробуждению.

14. Мара разгневался и убил слона. На этот раз он решил сделать все возможное для того, чтобы душа монаха не пробудилась, поэтому вселил ее в тело американского проповедника-евангелиста.

15. Проповедник путешествовал по всей Америке, убеждая людей, что их ждет пламя ада и что Единственный Путь к Спасению — верить во все, что Он Сказал, и делать все, что Он Требуется.

16. И превратил он многих людей в бездумные автоматы, которые ходили и кричали: «Аллилуйя, мы спасены!»

17. Мара возликовал, ибо теперь душа монаха была как никогда далека от Просветления. Прежде он был субъективно безнадежным невеждой — то есть тем, кто знает, что ничего не знает; теперь же он стал объективно безнадежным невеждой — то есть тем, кто думает, что знает все, хотя на самом деле не знает ничего.

18. Однажды этот проповедник встретился с другими проповедниками, и решили они отправить миссионеров к язычникам в восточные страны. Кто-то заговорил о восточных учениях и произнес буддийское изречение: «Все проходит».

19. В тот же миг ум проповедника ожил, он вспомнил свои прошлые жизни. Мара разгневался еще сильнее и прибежал к Последнему Средству. Он сделал проповедника Махабрахмой, Верховным Повелителем, Богом всех возможных миров.

20. Махабрахма пребывал в Божественном Блаженстве миллиарды лет, создавая множество Брахм, которые создавали свои миры и становились в них Богами. Махабрахма созерцал всю эту деятельность с Высшим Безразличием, ибо он был Сознанием Без Желаний.

21. И казалось, что монаху уже никогда не пробудиться.

22. Но в конце концов Махабрахма, который видел, как боги и миры возникают из пустоты и растворяются в ней, понял, что есть только один Великий Закон: Все проходит.

23. И понял Махабрахма, что и он преходящ.

24. И тогда он достиг Просветления.

25. Сразу же после этого Махабрахма вернулся в обычное

сознание в теле буддийского монаха, который созерцал мир и говорил себе: «Все проходит».

26. И монах не знал — то ли ему приснилось, что он был Махабрахмой, то ли Махабрахме приснилось, что он был монахом. Так он достиг абсолютного Просветления.

XXVI

На следующий день пришло письмо от Вири. Адрес на конверте был написан еще более неровным и прыгающим почерком, чем прежде, и у сэра Джона упало сердце. Полный дурных предчувствий, он вскрыл конверт.

Уважаемый сэр Джон,

Силы, которые пробудил мой испорченный младший брат вместе с проклятой Лолой, еще ужаснее, чем я когда-либо мог себе представить. Я никогда не воспринимал Священное Писание (особенно Откровение) буквально, и в этом была моя ошибка. «Начальства и власти» ада — выражение отнюдь не фигуральное.

Горе тем, кто не верует, ибо они уже осуждены.

Никогда в своей жизни я еще не испытывал такого ужаса.

В прошлую субботу вечером я, как обычно, запираю церковь и заметил, что огромный старый замок заржавел и нуждается в смазке. Ключ в нем с поворачивался с трудом, и я еще подумал: «Что, если завтра утром мне вообще не удастся его открыть? Когда я нашел масленку, оказалось, что она пуста. Я сказал себе, что нужно будет купить немного масла, когда я в следующий раз поеду в город. Кстати, в моей церкви только одно окно, которое расположено высоко над алтарем. Это окно не открывается ни внутрь, ни наружу; по сути, оно просто вмуровано в стену.

В ту ночь был сильный дождь. Проснувшись на следующее утро, я первым делом подумал: «Должно быть, из-за ливня замок на дверях церкви заржавел еще сильнее».

Мои опасения подтвердились: замок заржавел так сильно, что ключ в нем вообще не поворачивался. Представляете, я не мог попасть в свою церковь! Я ужасно расстроился, так как через час мне нужно было служить воскресную заутреню.

И тогда я решил прибегнуть к грубой силе: взял кувалду и сбил замок. Моему взору открылась ужасная картина. На алтаре была нарисована кровью пентаграмма, а к ее центру восточным кинжалом была приколотая дохлая кошка. Шею кошки обвивала голубая подвязка, которой она, по-видимому, и была задушена.

Даже Библия была забрызгана кровью. Бог да накажет негодяев, которые творят подобные мерзости.

Эта ужасная картина по-прежнему стоит у меня перед глазами. Еще хуже то, что я до сих пор не могу понять, каким образом слуги дьявола, если только это были люди, могли совершить такое зверство. Окно (которое, как я уже заметил, не открывается) было совершенно целым, а для того, чтобы войти через двери, нужно было сбить ржавый замок. Но в то утро я не нашел на замке никаких повреждений, если, конечно, исключить ржавчину.

Зная, как быстро в наших краях распространяются дурные слухи, я выбросил кошку и начал быстро смывать кровь, стараясь привести церковь в порядок до того, как появятся первые прихожане. К несчастью, когда уборка была в самом разгаре, в церковь заглянула

моя жена, и мне не оставалось ничего иного, как честно рассказать ей о случившемся. Это происшествие усилило ее беспокойство, и теперь она думает только о том, как бы поскорее покинуть это малолюдное место. Но я не хочу уезжать, так как всей душой привязан к этим холмам и долинам — об этом я уже писал — и к тому же отнюдь не уверен в том, что в другом месте нам будет безопаснее.

Кстати, я уже пытался найти разумное объяснение всему, что здесь происходит. Совсем не трудно нанять для грязных дел какого-нибудь араба или индуса. Не намного сложнее нарядить карлика в необычный костюм, и даже поймать где-нибудь огромную птицу и потом выпустить ее возле моего дома. Какие-нибудь злоумышленники вполне могли сделать это и доверить остальное суеверности местных жителей. Можно было бы также предположить, что в субботу ночью, когда я уже спал, кто-то незаметно прокрался ко мне в дом, взял ключ от церкви и побывал в ней до того, как начался ливень и замок окончательно заржавел. Увы, эта гипотеза совершенно абсурдна. Дело в том, что я всегда ношу ключ от церкви на небольшой цепочке, прикрепленной к браслету на моем запястье, а в воскресенье утром эта цепочка была целой. Выходит, богохульник должен был сначала разорвать цепочку и снять ключ, потом отправиться в церковь и сделать свое грязное дело, а после всего этого вернуться в мой дом и в темноте спаять разорванное звено цепочки, при этом не разбудив меня.

У меня есть только одно объяснение: мы имеем дело с существом, которое способно проходить сквозь стены.

Да хранит нас Господь.

Искренне Ваш,

преподобный Чарльз Вири

— Дубликат ключа, — сказал Эйнштейн.

Близорукие глаза Джойса сверкнули за толстыми стеклами очков. Он медленно улыбнулся и произнес:

— Все-таки мы с вами очень похожи. Я тоже сразу подумал о втором ключе.

— Это первое, что приходит в голову, — сказал Эйнштейн. — Предположим, вы хотите напугать какого-нибудь пожилого религиозного фанатика вроде преподобного Вири. Вы подбираете помощников и реквизит: карлика, азиата, птицу огромных размеров (вполне возможно, это был просто бумажный змей или какой-нибудь летательный аппарат). Потом вы делаете все возможное для того, чтобы у старика разыгралось воображение. Пару месяцев добросовестной работы — и он подготовлен к главному трюку. Темной ночью вы тихо подбираетесь к церкви и заливаете в замок горячий воск. Через несколько минут он застывает. Вы аккуратно извлекаете его из замка и получаете так называемый слепок, по которому любой толковый слесарь без особого труда изготовит вам ключ. Получив ключ, вы легко проникаете в церковь и оскверняете ее, а вашей жертве кажется, что она имеет дело с чудом или вмешательством потусторонних злых сил.

Джойс, перекатывая между пальцами сигарету, торжествующе улыбнулся Бэбкоку:

— Что вы на это скажете, сэр Джон?

— Видите ли, джентльмены, — сказал сэр Джон, — хотя я больше вас склонен к мистицизму, у меня все же есть немного здравого смысла. Безусловно, я тоже подумал о дубликате и незамедлительно написал

несчастному Вири письмо, в котором изложил эту гипотезу.

Задумчиво хмурясь, Эйнштейн снова раскурил свою трубку.

— И что же он ответил?

— Дело в том, что его владения включают в себя церковь, дом и небольшой выгон, где он держит коз, свиней и лошадь. Как только кто-то приближается к этому хозяйству в темноте, сразу же начинают лаять собаки. Их лай будит всех остальных животных, и поднимается такой шум, что в конце концов просыпаются все домочадцы — сам Вири, его жена Энни и старший брат Бертран. Теперь предположим заведомо невозможное: есть некий взломщик-профессионал, который способен передвигаться так же бесшумно, как американские индейцы-апачи. Он незаметно проскальзывает через весь выгон к дверям церкви и делает восковой слепок, как вы и сказали. Конечно, таких гениальных взломщиков не существует в природе, но допустим, что все было именно так. Итак, у него появляется дубликат ключа. В ту дождливую субботнюю ночь он возвращается и снова умудряется пройти через весь выгон к дверям церкви, не разбудив ни одно животное. Он входит в церковь, оскверняет ее, затем выходит и запирает за собой дверь. Отличная гипотеза, но у нее есть один недостаток. После того, как преподобный Вири увидел, что творится в церкви, он вышел во двор и попытался найти следы взломщика. Их не было. К дверям церкви вела только одна цепочка следов — следы самого Вири. Выходит, наш гениальный взломщик не только два раза подряд — когда делал слепок и когда вернулся, чтобы осквернить церковь — прокрался мимо собак и других животных, не разбудив ни одно из них, но и, во второй раз, не оставил в грязи ни одного следа. — Сэр Джон торжествующе улыбнулся. — Как ваша Свободная Мысль объяснит это, уважаемые скептики?

Эйнштейн задумчиво осмотрел свою трубку и начал осторожно ее чистить. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Кстати, — сказал он, — мы пока еще ничего не знаем о Бертрane, старшем брате преподобного Вири.

— Ага, — догадался Джойс, — теперь вы тоже подумали, что у заговорщиков был сообщник среди членов семьи. Если из трех братьев сбился с пути один, почему бы за ним не последовать и второму? У меня даже есть некоторое объяснение, если только церковь расположена рядом с домом. Предположим, что Бертран — если это был он — пробрался по крыше дома, словно шотландский Д'Артаньян, затем перепрыгнул на крышу церкви и спустился по веревке вниз головой до уровня замка. Должно быть, старший брат преподобного Вири находился в превосходной физической форме для своих шестидесяти двух лет. Невероятно, но возможно, как часто говорит Холмс. «Если исключить все невозможное, то, что осталось, и есть истина, какой бы невероятной она ни была». К моему глубокому сожалению, я сам не смог ни на секунду поверить в эту дурацкую гипотезу.

— Воздушный шар, — сказал Эйнштейн, рассеянно блуждая по комнате, очевидно в поисках коробки с табаком. — Небольшой воздушный шар, наполненный гелием, с корзиной на одного-двух пассажиров — такие шары часто запускают на ярмарках. Пожалуйста, — добавил он, — не спешите насмехаться надо мной. Я в положении утопающего, который готов ухватиться за любую соломинку. Версия с воздушным шаром возможна, но мне легче поверить в то, что наш злоумышленник проходит сквозь стены, чем в то, что он спустился с неба на воздушном шаре, не разбудив при этом животных. Я начинаю подозревать, что мы имеем дело с дьявольски умными

заговорщиками. Эта задача будет отличной проверкой для наших умственных способностей.

— Я что-то сомневаюсь, — мрачно сказал Джойс, — что нам вообще удастся ее решить.

— Дослушаем рассказ сэра Джона до конца, — предложил Эйнштейн. — Прежде, чем делать какие-либо выводы, мы должны знать все факты.

Настоятель сказал «О Боже Святой! Это брат Игнатий». Наконец-то я понял. *Ed eran due in uno.*⁵⁷ Точно!

— Да, да, конечно. Прошу вас, сэр Джон, продолжайте, — сказал Джойс и улыбнулся про себя.

XXVII

С нетерпением ожидая возвращения Джоунза из Парижа и со страхом — новостей из Инвернесса, сэр Джон начал читать «Книгу четыре». Она и в самом деле являла собой очень простое и доходчивое объяснение оккультных искусств и наук — по крайней мере, если судить по первым главам.

Кроули начинает с того, что отрицает Веру и Разум как инструменты познания мира. Вера — потому, что она может оказаться Верой не в того бога, не в ту церковь или не в того учителя; Разум — потому, что он не в силах выйти за пределы своего набора аксиом. Остается только Эксперимент, и потому Кроули называет любую подлинную оккультную систему физиологическим и нейрологическим экспериментом, который расширяет сознание человека и ускоряет его эволюцию.

Сэр Джон понял, что все эти идеи заимствованы из учения «Золотой Зари», однако Кроули — здесь следует отдать ему должное — наделен редким даром объяснять самые сложные вещи с волшебной ясностью и научной точностью.

После краткого теоретического вступления Кроули начинает объяснять методы и упражнения йоги, рассматривая их в качестве физиологических экспериментов.

Так, асана — особая гимнастика, которой сэр Джон занимался по настоянию Джоунза, — это всего лишь способ максимально расслабить тело, не засыпая. Пранаяма, особый йогический метод дыхания, — это способ подчинить эмоции Воле. Сэр Джон вновь поймал себя на том, что восхищается талантом Кроули описывать оккультные искусства с точностью ученого.

Первыестораживающие признаки появляются, когда Кроули начинает объяснять яму и нияму, целомудрие и самоконтроль. Он отвергает все традиционные учения как суеверные, пагубные и ненужные, и дает анархический совет: «Пусть ученик сам выберет тот образ жизни и тот моральный кодекс, которые меньше всего возбуждают его ум». Сэр Джон считал это чрезвычайно коварным: прикрываясь научной объективностью, Кроули разрешает читателю выбирать по своему усмотрению любую мораль или даже ее отсутствие.

Далее Кроули переходит к церемониальной магии и называет ее одним из вспомогательных методов йоги. По его словам, ум не может преодолеть

⁵⁷ См. прим. 27.

себя, даже с помощью йоги, пока Воля не подчинит себе все тело, все эмоции и все механические привычки. Любая магия есть ни что иное, как набор трюков и фокусов, которые помогают ученику развить сильную Волю. Извращенность этой системы взглядов стала для сэра Джона еще более очевидной, когда он заметил, что Кроули совершенно не волнуют моральные аспекты развития и проявления этой «Воли».

Особый интерес у сэра Джона вызвала глава, посвященная стишкам Матушки-Гусыни.

«Каждый из этих стихов имеет глубочайший магический смысл», — утверждает Кроули с той же абсолютной серьезностью педантичного ученого, в которой выдержаны все остальные главы. И приводит пример:

Матушка Хаббард полезла в буфет
Песику косточку дать.
Глядь, а в буфете-то косточки нет.
Нечего псу поглотать

Далее следует объяснение:

Кто эта древняя и почтенная мать, о которой идет речь? Воистину она не может быть никем другим, кроме Бина, ибо ее имя начинается со священной буквы Х.

Сэр Джон ошеломленно уставился на строки, которые только что прочитал. Да ведь это же самая настоящая Каббала! Бина — темный, вторичный лик Бога, неотделимый от Хокма — Его светлого, первичного лика. Символ Бина — старуха, символ Хокма — седобородый старик. Каббалисты утверждают, что Простой человек может понять только мужскую сущность Бога, тогда как первый шаг к Просветлению — интуитивно понять Его женскую, пассивную сущность. Буква Хе — вторая буква имени Бога Йод Хе Вау Хе — представляет именно эту сущность Бога, так как символизирует женское лоно. Итак, вся эта глава была сложней каббалистической шуткой, истинный смысл которой понятен только посвященным. Изумленный сэр Джон продолжал читать:

Кто же этот пес? Не имя ли это Бога, записанное каббалистически задом наперед?⁵⁸ А что символизирует кость? Кость — это Жезл, священный фаллос!

Теперь скрытый смысл этой руны абсолютно ясен. Тифон убил Осириса и бросил его расчлененное тело в Нил.

Исида долго искала части тела Осириса, и в конце концов собрала их все, кроме фаллоса, который был найден много позже.

Итак, Кроули был сведущ не только в Каббале, но и в мифологии. Учитывая, что символом Икиды считается Сириус, звезда из созвездия Пса, она и вправду отлично вписывается в это толкование. Но это была, пожалуй, весьма злая пародия на Каббалу, ибо какому здравомыслящему каббалисту пришло бы в голову искать скрытый смысл в детских четверостишиях?

В следующей главе Кроули объяснял глубокий мистический смысл

⁵⁸ «Пес» по-английски — dog, «Бог» — God.

нескольких других, не менее популярных, детских стишков и песенок, находя в них Будду, Иисуса, Смерть, а также множество других символов и персонажей. Тщательного анализа не избежал даже «Шалтай-Болтай».

Ну и ну! Книга, которая начиналась как одна из самых ясных и здравых работ по мистицизму, постепенно превратилась в изощренную насмешку над читателями. В памяти сэра Джона всплыло лаконичное предупреждение Виктора Нойбурга: «Ни один человек на свете не понимает и не способен понять Алистера Кроули, но тот, кто дорожит своим рассудком, ни за что не станет с ним связываться».

Как только Джордж Сесил Джоунз вернулся из Франции, сэр Джон немедленно договорился с ним о встрече, ибо ему не терпелось рассказать о Лоле Левин, «Облаках без воды», «Великом боге Пане» и дохлой кошке преподобного Вири.

Джоунз предложил встретиться у него дома, в Сохо. Когда Бэбкок приехал, Джоунз быстро представил его жене и детям — милое и ничем не примечательное английское семейство — и увел в свой уставленный книжными полками кабинет.

— Я вижу, вы связались с духами Абрамелина, — сразу же перешел к делу Джоунз.

— Нет-нет, ни в коем случае, — поспешил возразить сэр Джон, пораженный тем, что его беспокойство так заметно.

— Значит, они связались с вами, — сказал Джоунз. — Расскажите мне все.

Пока сэр Джон подробно описывал все, что с ним приключилось за то время, когда Джоунз был во Франции, тот внимательно и бесстрастно его слушал. Сэр Джон подумал, что именно такое выражение лица должно быть у Джоунза, когда он присутствует на деловых встречах в своей химической компании. В кабинете горело около десятка свеч — две в латунных канделябрах на столе, остальные в настенных подсвечниках — поэтому было очень светло, но сэр Джон то и дело замечал на стенах движущиеся тени, которые пробуждали в его душе какое-то зловещее предчувствие.

— Похоже, — сказал Джоунз, когда Бэбкок закончил свой рассказ, — вы и в самом деле впутались в довольно-таки неприятную историю. Вам страшно?

— Страх — поражение и предвестник...

— Знаю, знаю, — перебил его Джоунз. — В это вы должны верить. Вопрос в том, насколько сильна ваша вера.

— Бывают моменты, когда я чувствую себя неуверенно, — сознался сэр Джон.

— Только моменты? А не часы и не дни?

— Только моменты, — уверенно повторил сэр Джон. — Упражнения «Золотой Зари» научили меня сдерживать негативные эмоции. Теперь я попросту не позволяю страху и неуверенности овладеть мною.

— Вообще, это должен уметь каждый Практик, — сказал Джоунз. — Но что, если я предложу вам более серьезные испытания? Если, скажем, я договорюсь со знакомым хирургом, чтобы он позволил вам присутствовать при хирургической операции или вскрытии... Или использую свои связи в правительстве и добьюсь для вас разрешения наблюдать за казнью преступника в тюрьме Нью-гейт... Сможете ли вы наблюдать бесстрастно, как Будда, не испытывая ни страха, ни отвращения?

— Не уверен, — признался сэр Джон. — С другой стороны, я уже достиг

такой степени отрешенности от телесных ощущений и эмоций, что не упаду в обморок и не почувствую себя плохо.

Джоунз встал и начал молча ходить взад-вперед по кабинету, словно пантера в клетке. Лицо его было абсолютно непроницаемым.

— Предположим, — сказал он наконец, — я возьму вас с собой в Париж и отведу в один из тех клубов — уверен, вы не раз слышали о таких заведениях, — где посетителей развлекают зрелищем совокупления нескольких мужчин и женщин. Сможете ли вы наблюдать спокойно, без похоти и тех реакций, которые были заложены в вашем викторианском воспитании?

Сэр Джон смотрел в огонь, невольно вспоминая проповеди об адских муках.

— Нет, — хрипло произнес он. — Я думаю, что не смогу совладать ни с вожделением, ни с отвращением.

Джоунз обнадеживающе улыбнулся.

— По крайней мере, вы ответили честно.

Он перестал ходить по кабинету, сел на стул напротив сэра Джона и тихо спросил:

— А если бы я приказал вам сесть на ближайший поезд до Инвернесса, отправиться домой к преподобному Вири и выполнить ритуал экзорцизма, чтобы изгнать силы, не дающие покоя ему и его домочадцам?

У сэра Джона упало сердце.

— Я не смог бы этого сделать, — ответил он тихо. — Я еще недостаточно уверен в себе и в своей способности управлять астральными силами.

Джоунз неожиданно рассмеялся, похлопал молодого человека по плечу и воскликнул:

— Превосходно, просто превосходно.

— Вы зашли уже довольно далеко в этой ужасной истории, — продолжал Джоунз, при этом его взгляд заметно потеплел, — и я должен признать, что одновременно восхищаюсь вашим мужеством и осуждаю ваше безрассудство. Если бы вы сейчас без колебаний согласились провести экзорцизм, я был бы вынужден заключить, что вам свойственная глупость, а также самоуверенность, граничащая с библейским грехом гордыни. Ни один Практик не имеет права соглашаться на то, что я вам только что предложил. Для того, чтобы выполнять ритуал экзорцизма, нужно быть по меньшей мере Старшим Адептом.

Сэр Джон вздохнул с огромным облегчением.

— Спасибо, — сказал он, вкладывая в эти два слова гораздо больше чувства, чем они способны были передать.

— Мне нужно будет подумать над тем, что вы мне рассказали, — сказал Джоунз. — Возможно, мне даже придется обратиться за советом к моему Руководителю в ордене, хотя я надеюсь, что все не так уж серьезно. На мой взгляд, мы имеем дело с банальным преступлением.

— Очень серьезным преступлением! — горячо поправил его сэр Джон.

— Хорошо, очень серьезным преступлением, — уступил Джоунз. — Но постарайтесь немного успокоиться и оценить ситуацию более объективно. Вы когда-нибудь видели, чтобы я парил над полом или проходил сквозь стены? Быть может, вы считаете, что я способен творить подобные чудеса, но из скромности скрываю эту способность от вас? Уверю вас, что такие способности, или сиддхи, как называют их индусы, встречаются у очень немногих адептов и в большинстве случаев только отвлекают от Великого

Делания. Абсурдно предполагать, что этими способностями обладает кто-либо из погрязших в разврате сатанистов, о которых вы рассказали. Обычно у таких людей хорошо развито только эго, а не сверхъестественные способности. Безусловно, в этой истории чувствуется злой умысел, но в ней также много фокусов и надувательства. Дайте мне время подумать.

XXVIII

Той ночью сэру Джону снова снились кошмары. Лола, Лола, Лола была во всех, даже самых потаенных, закоулках его сна. Старый Челине вел его по какому-то мрачному дворцу, стены которого были увешаны старинными картинами. Когда они поравнялись с «Обнаженной махой» Гойи, сэр Джон с изумлением обнаружил, что с портрета махи на него насмешливо смотрит Лола. Сэр Джон в испуге побежал, но глаза на портрете поворачивались, продолжая следить за ним, заглядывая ему прямо в душу. «Постой, — закричал Челине, — это всего лишь искусство...» Но сэр Джон уже мчался через сад. Вокруг одного из деревьев обвилась голубая подвязочная змея размером с питона; под деревом сидела обнаженная Лола, продолжая насмешливо улыбаться. «Увидимся, когда ты закипишь», — сказала она. Внезапно прямо перед ним вырос знак «Посторонним вход воспрещен». Он мгновенно перенесся в Каир, в какой-то музей (его удивило, что Челине уже нет рядом с ним), и увидел древнюю стелу, на которой был изображен Гор с головой сокола, земной шар с крыльями и обнаженная богиня звезд Нуит. Кто-то рядом пропел:

Священники в черном, вязавшие тёрном
Желанья мои и отрады⁵⁹.

Не успел он и глазом моргнуть, как очутился в константинопольской Айя-Софии и начал с восхищением рассматривать украшенное множеством драгоценных камней православное распятие. Неожиданно он заметил под буквами **I.N.R.I.** более мелкий текст:

Ipsum Nomen Res Ipsa
(ешь его с кетчупом)

«Имя есть сущность, — перевел он латынь. — Ну, и что бы все это значило?»

Внезапно крест превратился в Лолу, лежащую с широко раскинутыми руками. Ее обнаженное тело излучало золотой свет.

— Йод: Исида, Дева-Мать, — сказала она с загадочным видом.

— Нун: Смерть, Апоп, Разрушитель, — с отвращением произнес Вири.

— Реш: Солнце, воскресший Осирис, — эмоционально добавил Челине.

— Йод: Исида, Дева-Мать, — повторила Лола.

Проснувшись, сэр Джон первым делом схватил свой дневник и записал в него: «ИМЯ ЕСТЬ СУЩНОСТЬ». Эти слова были слишком важны для того, чтобы их забыть.

С утренней почтой сэр Джон получил пакет необычной формы со знакомой надписью: «Шотландия, Инвернесс, „Общество распространения

⁵⁹ Вильям Блейк, «Сад Любви» (пер. В. Потаповой).

религиозной истины"». Сев за стол, он вскрыл пакет и нашел в нем письмо от преподобного Вири и цилиндр для фонографа. Отложив цилиндр, он с нетерпением схватил письмо.

Почерк Вири стал настолько неровным, что местами его было трудно разобрать. Это письмо начиналось просто, безо всяких формальностей:

Мой дорогой сэра Джон,

Случилось ужасное горе. Разум едва мне повинуется, и я с трудом пишу эти строки. Да поможет нам Бог.

Позавчера ночью бормотание и смех странных существ, которыми последнее время изобилует это злосчастное место, стали еще более ужасными, чем когда-либо. Я решил наконец записать эти звуки, чтобы другие могли послушать их и понять, что я ничего не выдумываю и что эти твари с перепончатыми крыльями действительно копируют человеческую речь. Но потом я подумал, что никто, кроме Вас, все равно мне не поверит. Честно говоря, когда я слушал эту запись, то поймал себя на мысли, что и сам вряд ли поверил бы в существование этих тварей, если бы не видел их своими глазами. Как бы то ни было, я отправляю эту запись Вам.

Но это еще не самое ужасное.

Со вчерашней почтой доставили какой-то пакет для моего брата Бертрана. Я успел заметить, что в том месте, где обычно пишется фамилия отправителя, были три буквы: «М.М.М.» Под ними был указан обратный адрес: Лондон, Джермин-стрит, а вот номер дома я не запомнил.

Пока я разбирал свою почту, Бертран отправился в библиотеку, чтобы открыть пакет. Через несколько мгновений я услышал очень необычный звук, нечто среднее между рыданиями и хохотом. Я сразу же побежал в библиотеку, но — увы! — было слишком поздно.

Когда я достиг дверей библиотеки, Бертран уже приставил свое охотничье ружье к голове. Я закричал «Остановись!» и бросился к нему, но он лишь взглянул на меня — о Боже, в его глазах было ничего, кроме безумия и страха, — и нажал на спусковой крючок. Я увидел, как его затылок буквально взорвался и — я не буду далее описывать подробности, ибо они слишком отвратительны. Не понимаю, как умудряются сохранять рассудок врачи и полицейские, которые каждый день видят подобные ужасы. Я не смог справиться с собой и в течение нескольких минут был совершенно безумен. Я помню, что сидел на полу, обнимая мертвое тело Бертрана, как мать обнимает своего ребенка, и горько рыдал. Я почему-то подумал — конечно, эта мысль была совершенно неуместной, — что писатели, сочиняющие полицейские романы, не представляют себе, о чем пишут, если считают подобные сцены поводом для развлечения. Боже, я (неразборчиво) происки Сатаны.

Придя в себя, я сразу же начал искать пакет, который, очевидно, и послужил причиной необъяснимого приступа меланхолии и, в конечном итоге, смерти Бертрана. Я вдруг увидел, что в камине горит огонь, хотя до прихода Бертрана его не было, и понял, что Бертран решил сжечь пакет. Как я ни старался, мне не удалось спасти из огня содержимое пакета, но я успел заметить, что это была какая-то книга, причем довольно тонкая.

Сейчас я пойду к коронеру и по дороге отправлю это письмо. Умоляю Вас, сэра Джон, если Вы обнаружите на Джермин-стрит дом этого М.М.М., ни в коем случае не пытайтесь проникнуть внутрь.

Постарайтесь понаблюдать издали и как можно скорее сообщите мне обо всем, что Вам удастся узнать.

Пишу в ужасной спешке,

Ч. Вири

Сэр Джон обнаружил, что завтрак совершенно остыл, а письмо Вири выпало у него из рук и лежит на полу. Сколько же времени он так просидел — молча, неподвижно, уставившись в одну точку? Голуби мягко ворковали за окном. Итак, силы зла и магии все-таки действуют, причем не только в мире снов, но в реальном, осязаемом мире.

— Это не самоубийство, — сказал он вслух, не отдавая себе отчета в том, что разговаривает сам с собой. — Это убийство.

Таинственный М.М.М., кем бы или чем бы он ни был, послал Бертрану Вири книгу, которая вынудила его отказаться от жизни и выбрать смерть.

Сэр Джон вспомнил о цилиндре с «бормотанием и смехом странных существ». Двигаясь словно во сне, он взял цилиндр и вставил его в фонограф.

Звуки, которые изводили несчастного Вири, и в самом деле были пародией на человеческую речь в исполнении каких-то насекомых.

(Неразборчивое бормотание)

(Лай собаки, в котором отчетливо слышен испуг)

БЕЗУМНЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС

В ад! В ад! Вы все попадете в ад!

МУЖСКОЙ ГОЛОС

Неизбежно, неизбежно, неизбежно, неизбежно, неизбежно, неизбежно, неизбежно... (переходит в неразборчивое бормотание)

ВТОРОЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС

Верно. Верно. Верно.

МЕХАНИЧЕСКИЙ ГОЛОС

В этом доме все сойдут с ума.

БЕЗУМНЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС

Да, здесь все сойдут с ума. Чарли, Берти, Энни — все они сойдут с ума.

МУЖСКОЙ ГОЛОС (напевает)

Чарли сходит с ума, Чарли сходит с ума, Чарли сходит с ума...

ТРЕТИЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС

Гигантские тараканы наступают!

РЕЗКИЙ ГОЛОС

Муравьи наступают...

БЕЗУМНЫЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС

Сороконожки наступают...

БЕЗУМНЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС

Ни жены, ни лошади, ни усов!

ТРЕТИЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС

Это кровь, ты вонючка, я научу тебя ценить ее вкус!

РЕЗКИЙ ГОЛОС

Гигантские москиты! Мотыльки-убийцы на улицах!

(Неразборчивое бормотание)

(Гремит гром)

МЕХАНИЧЕСКИЙ ГОЛОС

Одну часть поваренной соли смешать с одной частью подвязки...

ТРЕТИЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС (нараспев)

Из глубин космоса, из темных планет, со звезд, которые святыся злобой...(неразборчиво) ...склеп Безглазых Поедателей, проклятая долина Того, Кого Нельзя Называть По Имени.

РЕЗКИЙ ГОЛОС

Ты хочешь ее, Чарли. Ты хочешь ее.

БЕЗУМНЫЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС

В полном вурдалаков лесу странник пролил слезу.

БЕЗУМНЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС

Генри Филдинг лучше Джейн Остин, и будь проклят тот, кто потревожит мои кости.

ТРЕТИЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС

Объявляется посадка на рейс «Лондон — Эльфляндия». Просьба оставлять разум у входа.

РЕЗКИЙ ГОЛОС

Чарли сходит с ума, Чарли сходит с ума, Чарли сходит с ума...

(Собака воеет от страха)

МЕХАНИЧЕСКИЙ ГОЛОС

Верно: все неверно. Верно: все неверно. Верно: все неверно.

БОРМОТАНИЕ

(едва различимы отдельные слова)

Вввуы вссссие сдеттте сммммуммаааааа

ТРЕТИЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС

Йо Пан! Йо Пан! Я люблю тебя, Эвоэ! Я люблю тебя ИАО!

БЕЗУМНЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС

Да, ты хочешь меня, Чарли. Ты хочешь меня.

ЧЕТВЕРТЫЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС

...к Черному Козлу; к алтарю из семидесяти тысяч ступеней, ведущих вниз; к центру Земли и мерзости из мерзостей.

БЕЗУМНЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС

Магна матер! Магна матер! Атис! Диа ад агайд'с ад адойн! Агус бас дунах орт!

На этом месте запись обрывалась. Сэр Джон молча сидел, потрясенный тем, что ужасные существа из ночных кошмаров, которых он раньше считал творениями фантазии и страха безумных людей, оказались достаточно материальными не только для того, чтобы изводить несчастного священника, но и для того, чтобы их голоса можно было записать. Граница между миром снов и реальным миром исчезла окончательно.

Он вспомнил отрывок из «Великого бога Пана»: «Должно быть какое-то объяснение, какое-то избавление от всего этого ужаса. О, нет, если бы такое было возможно, Земля была бы сущим адом».

XXIX

Джордж Сесил Джоунз отложил письмо Вири. Его рука дрожала.

— Боже мой, — вымолвил он.

Они снова сидели в кабинете Джоунза. Даже при янтарно-желтом свете свечей сэр Джон заметил, как побледнел Джоунз, прочитав письмо.

— Известно ли вам хоть что-нибудь об этом М.М.М.? — спросил сэр Джон.

— Конечно, — ответил Джоунз. — Только это не человек, а книжный магазин. «Mysteria Mystica Maxima, оккультные и мистические книги всех времен и народов», Джермин-стрит, 93.

— Точно. Вири пишет, что на пакете была указана именно эта улица. Но почему книжный магазин?

Джоунз снисходительно улыбнулся.

— А что вы себе представляли? Сатанистский храм со злобно скалящимися горгульями на крыше? Магазин оккультной литературы — отличная приманка, если вам нужно завлечь человека, интересующегося мистицизмом, и сбить его с пути света на путь тьмы. Можете ли вы себе представить, как трудно будет убедить Скотланд-Ярд установить наблюдение за книжным магазином в наш век гражданских свобод и конституционных прав? О, книжный магазин — просто идеальная ловушка для дураков... — Он устало покачал головой. — Мы в «Золотой Заре» с большим интересом наблюдаем за этим магазином уже около двух лет, с момента его открытия. В нем очень много мистических изданий разных направлений и разных авторов, но больше всего книг мистера Алистера Кроули. Кстати, Кроули довольно часто читает там лекции.

— Это правда, что Лола Левин была любовницей Кроули?

— Была, — подтвердил Джоунз, — и, скорее всего, до сих пор ею является.

— Она и есть Лола из «Облаков без воды»?

— Я больше ни секунды в этом не сомневаюсь.

— Боже мой! — воскликнул сэра Джон, вскакивая со своего кресла. — Человек доведен до сумасшествия посредством одной лишь книги! Совершенно убийство — да-да, именно убийство, хотя это никогда не удастся доказать в суде. Твари с перепончатыми крыльями, которые хихикают и разговаривают, как душевнобольные люди, злобные карлики из кельтских мифов, отвратительное жертвоприношение на алтаре. Умоляю вас, Джоунз, перестаньте напускать на себя таинственный вид — для этого уже слишком поздно. Ради Бога, объясните мне, что происходит.

— Прошу вас, сядьте, — спокойно произнес Джоунз, — и прекратите причитать. Конечно же, я расскажу вам все, что знаю сам. Если у нашего Ордена и есть тайны, то вовсе не потому, что мы любим играть в таинственность. Просто новообращенным не стоит знать всю правду о нашей деятельности, точно так же, как на войне новобранцам не стоит знать всю правду о том, что творится на передовой.

Сэр Джон сел и сухо произнес:

— Извините, я не смог сдержаться.

— Ничего, в подобных обстоятельствах это вполне естественно, — великодушно сказал Джоунз. — Теперь я постараюсь изложить вам все коротко и точно.

Очевидно, краткость не была основной целью Джоунза, ибо его рассказ длился около двух часов.

По его утверждению, масонство основали тамплиеры, и это совпадало с мнением сэра Джона, которое он выразил в своей книге «Тайные Вожди». Некоторые историки считают эту гипотезу о происхождении масонства мифом, ибо знакомы лишь с ритуалами и учением открытых масонских орденов — таких, как «Древний и Принятый Шотландский Устав» и «Королевская Арка». Однако для того, кто посвящен в секреты тайных обществ — таких, как орден розенкрейцеров и «Золотая Заря», — связь

между тамплиерами и масонами совершенно очевидна.

Более того, начиная с 1314 года, когда священная инквизиция уничтожила орден тамплиеров, существуют две разные традиции мистического масонства, каждая из которых называет другую ложной и нелепой.

— Да, — кивнул сэр Джон. — По-моему, я знаю, о каких традициях вы говорите. Одни масоны считают, что тамплиеры виновны, другие — нет.

— Совершенно верно, — сказал Джоунз. Он поднялся, подбросил в камин еще несколько поленьев, затем вернулся и задумчиво продолжил. — Тамплиеров обвинили во многих грехах, включая богохульство, мужеложство и занятия черной магией. Все без исключения историки соглашались с тем, что расправу над тамплиерами учинил король Франции Филипп IV Красивый, который хотел прибрать к рукам их несметные богатства. Но вот когда дело доходит до вопроса, какие из обвинений, предъявленных тамплиерам, были справедливыми, а какие — нет, здесь мнения историков расходятся. Ответить на этот вопрос было бы гораздо легче, если бы не странное поведение Жака де Молэ, Великого Магистра ордена тамплиеров.

— Причины такого поведения, — заметил сэр Джон, — абсолютно ясны любому, кто представляет себе, как и с помощью каких адских инструментов инквизиторы вели допросы.

— Безусловно, согласился Джоунз. — И все же де Молэ вел себя очень непоследовательно. После ареста его пытали, и он сознался во всех грехах, в которых обвинили тамплиеров, включая осквернение распятия и всевозможные половые извращения. Однако на суде де Молэ отказался от всех своих показаний под тем предлогом, что их вырвали у него под пытками. Его снова пытали, он снова сознался и на втором заседании суда уже ничего не отрицал. Тем не менее, во время казни — а его сожгли на костре — он снова закричал, что тамплиеры невиновны, потом проклял святую инквизицию и французский королевский дом. Согласно легенде, он умер с криком «Vekam, Adonai!» — «Отмсти, Господи!».

Любой здравомыслящий историк, — продолжал Джоунз, — даже если он категорически не согласен с утверждением, что масонство продолжает тайную традицию тамплиеров, согласится с тем, что орден тамплиеров не был окончательно уничтожен во время великой чистки 1314 года. Так, в Испании с тамплиеров были сняты все обвинения, и они благополучно продолжали там свою деятельность. Интересно, что даже в открытых масонских орденах — например, в «Шотландском Уставе» — до сих пор используются в ритуале посвящения последние слова де Молэ «Vekam, Adonai!», хотя в наши дни уже мало кто знает их происхождение и смысл.

За несколько столетий, прошедших после расправы над тамплиерами, французский трон постигло множество несчастий. Филипп Красивый, который казнил тамплиеров и захватил их богатства, был убит ровно через один год и один день после казни де Молэ. Не менее ужасная участь постигла Людовика XVI, который был гильотинирован во время революции 1793 года. Все это было делом рук одной ложи масонов-тамплиеров, которые восприняли последний призыв де Молэ буквально. Они уничтожили монархию во Франции, и теперь их цель — свергнуть остальных европейских королей и уничтожить святой престол.

Джоунз подошел к столу и достал из верхнего ящика какой-то листок со свежееотпечатанным текстом.

— Вот, — сказал он, — один из документов этой ложи. Сейчас она

называется «Ordo Templi Orientis» — — «Орден Восточных Тамплиеров». Кстати, именно эта ложа является официальным владельцем книжного магазина «Mysteria Mystica Maxima» на Джермин-стрит 93. Каждый член «Ordo Templi Orientis» должен подписать три экземпляра этого документа. В нем кратко изложены основные идеи ложного масонства, с которым мы в «Золотой Заре» даем обет бороться.

Он протянул сэру Джону лист красивой плотной бумаги, на котором было всего несколько предложений:

Есть только один Бог — Человек.

Человек имеет право жить по своим собственным законам.

Человек имеет право жить так, как он хочет.

Человек имеет право одеваться так, как он хочет.

Человек имеет право жить там, где он хочет.

Человек имеет право идти туда, куда он хочет.

Человек имеет право есть то, что он хочет.

Человек имеет право пить то, что он хочет.

Человек имеет право думать так, как он хочет.

Человек имеет право говорить то, что он хочет.

Человек имеет право писать то, что он хочет.

Человек имеет право отливать из металла то, что он хочет.

Человек имеет право вырезать из камня то, что он хочет.

Человек имеет право работать так, как он хочет.

Человек имеет право отдыхать так, как он хочет.

Человек имеет право любить так, где, когда и кого он хочет.

Человек имеет право убить того, кто посягнет на эти его права.

— Но ведь это анархия! — воскликнул сэр Джон.

— Вы правы, — сказал Джоунз. — Они объявляют войну всей христианской цивилизации.

— И как же они коварны! — заметил сэр Джон. — Любой разумный и свободолюбивый человек согласится по меньшей мере с несколькими из этих утверждений. Призыв к прелюбодеянию, убийству и революции замаскирован так, что кажется естественным и неотъемлемым элементом философии свободы. Представляю себе, насколько привлекательна эта теория для незрелых, впечатлительных умов молодых людей!

— Взгляните еще раз на первую строку, — сказал Джоунз. — «Есть только один Бог — Человек». Вот в чем суть всей этой атеистической философии. Подобные утверждения могут легко привести атеистов к гуманистическому мистицизму, а гуманистов — к атеизму, одновременно вовлекая обе эти группы во всемирный заговор против гражданской власти и религии. В средние века, когда любая власть была тиранией, а религия была прочно связана в сознании людей с пытками инквизиции, этот сверхиндивидуализм находил сторонников даже среди самых светлых умов и самых чистых сердец.

— А ведь в «Облаках без воды» зашифрованы те же извращения, в которых обвинили тамплиеров, — начал размышлять вслух сэр Джон. — Связь очевидна, хотя прошло уже без малого шесть столетий... Но неужели они всерьез верят, что подобные мерзости могут сделать их богами?

— Эти эротические практики играют важную роль во многих культах, — сказал Джоунз. — Их элементы встречаются повсюду — в даосской алхимии в

Китае, в тантризме в Индии, в египетских и греческих мистериях. В средние века они были распространены в некоторых сектах суфиев — похоже, именно там берет свое начало темное, дьявольское масонство, которое развивалось параллельно с масонством истинным.

— Но как могло случиться, что Кроули, который обучался в нашем ордене, сознательно отвернулся от истины и перешел на сторону этих лже-масонов, которые извратили суть Ремесла?

Джоунз печально вздохнул.

— Почему пал Люцифер? — спросил он. — Гордыня. Желание не служить Богу, а быть Богом.

Наступила долгая пауза, во время которой Джоунз и Бэбкок пытались мысленно измерить глубину моральной пропасти, скрывающейся за буквами М.М.М.

Сэр Джон нарушил молчание первым.

— Чем мы можем помочь несчастному Вири и его жене?

— Есть только один выход, — решительно произнес Джоунз.

— Мы должны сейчас же отправить ему телеграмму, которая убедит его и миссис Вири немедленно приехать в Лондон. Здесь руководитель Ордена поможет нам создать психический щит, который спасет им жизнь. Если же они останутся в своем доме в Инвернесе, беды не избежать. — Джоунз устало покачал головой. — Мы должны отправить телеграмму как можно скорее, — повторил он.

— Чем дольше они там остаются, тем больше вероятность того, что произойдет еще одна трагедия.

XXX

На составление телеграммы у них ушел целый час. Когда сэр Джон, ваясь с ног от усталости, вернулся в поместье Бэбкоков, было уже далеко за полночь.

Если в ту ночь ему и снились кошмары, он все равно не смог бы их вспомнить, так как Уайлдблад, его дворецкий, резко разбудил его в семь часов утра.

— Простите, что разбудил вас, сэр, — сказал Уайлдблад, когда сэр Джон с трудом протер глаза, — но внизу вас ждет какой-то джентльмен. Он очень взволнован и настаивает на встрече с вами.

— В такую рань? — проворчал сэр Джон, нащупывая ногами домашние туфли. — Кто он, ради всего святого?

— Священник, сэр. Он назвался преподобным Чарльзом Вири.

Сэр Джон мигом выскочил из кровати и начал лихорадочно одеваться. Он понял, что еще одна трагедия произошла в Инвернесе прежде, чем Вири успел получить их телеграмму.

— Чай не нужен, — распорядился он. — Кофе, как можно крепче. И, пожалуй, две яичницы с беконом. Накройте стол в оранжерее.

Он быстро умылся и причесался, решив не тратить времени на бритье. Твари с перепончатыми крыльями... «маленький народец», которого считают добрым только невежественные сказочники, выросшие в городе... лох-несское чудовище... Что же еще могло произойти, если Вири в конце концов решил покинуть свои любимые шотландские предгорья?

Сбегая вниз по лестнице, сэр Джон увидел священника, который смиренно стоял в прихожей. Преподобный Вири оказался горбуном, и это неприятно

удивило сэра Джона. Хотя, подумал он, вряд ли стоило ожидать, что священник упомянет об этом физическом недостатке в своих письмах. Но гораздо больше сэра Джона поразило лицо Вири, на котором, казалось, навеки запечатлелось глубокое отчаяние.

Стараясь сохранять невозмутимый вид, сэр Джон протянул священнику руку.

— Я к вашим услугам, сэр, — сказал он ровным голосом. Спокойно, спокойно, приказал он самому себе.

Старик ответил слабым пожатием.

— Перед вами совершенно сломленный человек, — хриплым голосом произнес он. Затем, сдерживая рыдания, добавил: — Я почти разочаровался в Божьей милости.

— Пойдемте, — мягко сказал сэр Джон, — Должно быть, путешествие вас утомило. Давайте позавтракаем и решим, что нам делать дальше.

Он заметил, что лицо Вири было неестественно бледным, как будто его загримировали для роли покойника в театральной постановке.

Сэр Джон и священник — они оба отчаянно старались овладеть собой — отправились в оранжерею. Там сэр Джон держал целую коллекцию папоротников, азалий и вьюнков, между которыми были расставлены клетки с канарейками и говорящими скворцами. Это была самая светлая комната во всем доме, поэтому сэр Джон выбрал для разговора с Вири именно ее. К несчастью, один из скворцов случайно запомнил грубую фразу одного из рабочих, которые неделей ранее устанавливали в оранжерее новые полки.

— Берт, твою мать, держи свой край! — радостно закричала птица, когда сэр Джон и священник вошли в оранжерею.

— Молчи! — заорал сэр Джон, забыв, что криком от говорящего скворца ничего не добьешься.

— Берт, твою мать, держи свой край! — еще громче повторила птица, поняв, что на нее обратили внимание.

— Извините, — смущенно попросил сэр Джон священника. — Должно быть, скворец услышал это от одного из рабочих.

— Ничего, — рассеянно сказал Вири. — Энни умерла. Он устал встал, не в состоянии продолжать. («Берт, твою мать, держи свой край!»)

— Энни? — переспросил сэр Джон, — Ваша жена?

— Да, — тихо произнес священник и заплакал. — Энни, моя жена. Мы прожили вместе сорок три года. Она была моей единственной отрадой, моим раем на земле.

Теперь уже сэр Джон устал встал, не в силах смотреть, как старик пытается справиться со слезами.

— Кофе, сэр, — сказал Уайлдблад, который внезапно появился откуда-то из-за папоротников. — Через минуту будет остальное.

— Вот, ваше преподобие, выпейте кофе, — сказал сэр Джон.

— Он вас взбодрит. Я вам глубоко сочувствую — так глубоко, что даже не могу передать это словами...

«Берт, твою мать, держи свой край!»

— Уайлдблад! — не выдержал сэр Джон, — вынесите наконец отсюда эту черт... эту глупую птицу!

— Слушаю, сэр.

Уайлдблад взял клетку и пошел к дверям. «Привет! Привет!» пару раз выкрикнула птица, раскачиваясь вместе с клеткой. «Хочу крекер. Привет. Хочу крекер».

— Я не могу выразить словами всю глубину моего сочувствия... — сэр Джон осекся, поняв, что начинает повторяться. — Как это случилось? — спросил он. — Расскажите, и вам обязательно станет легче.

— Это произошло на следующий день после похорон Бертрана, — удрученно начал Вири. (Он все еще не может оправиться от шока, подумал сэр Джон). — Я не рассказал ей о пакете, который заставил Бертрана покончить с собой, так как подумал, что не стоит лишний раз ее беспокоить. О, каким же я был дураком, каким слепым, невежественным дураком! Если бы она знала... если бы я ее предупредил...

— Пожалуйста, постарайтесь взять себя в руки.

— Да-да, конечно. Извините... (Жертвы самых ужасных трагедий, подумал сэр Джон, почему-то всегда извиняются, будто считают себя виноватыми в том, что другие должны им сочувствовать.)

— Был еще один пакет, — продолжал Вири. — Я не заметил, когда принесли почту. В тот момент я был в своем кабинете и молился... просил Бога, чтобы он остановил демонов, преследующих меня и моих близких. Подобно Иову, я хотел знать, что Господь слышит меня и что существует какая-то причина, по которой он позволяет Сатане так жестоко нас наказывать... Я молился и плакал. Бертран был самым отважным человеком из всех, кого я знал, поэтому я был совершенно не в силах представить, что могло побудить его к такому малодушному и нехристианскому поступку. Что было в той проклятой книге? В конце концов мне удалось немного успокоиться. Я сказал: «Отче, не моя воля, но твоя да будет» и решился не терять веры, что бы ни случилось.

Вири поднял глаза и посмотрел на сэра Джона взглядом смертельно раненого животного.

— И тут я снова услышал тот истерический и безумный смех, которым перед смертью смеялся Бертран.

— Мужайтесь, — сказал сэр Джон, сжимая перекошенное плечо старика.

— Я побежал на кухню, — продолжал Вири. Он все еще не мог прийти в себя, и его голос был по-прежнему тусклым и невыразительным. — Энни бросила содержимое пакет в кухонную печь, но я успел заметить, что это была книга. Ее обложка уже почти обуглилась, но я все же успел прочитать часть названия — «КИ ГУ». Боже, что бы это могло значить? Энни ужасно кричала, и я вдруг с ужасом понял, почему. У ее ног валялась пустая бутылочка из-под йода, которая обычно стояла в нашей аптечке. Она выпила ее всю. Энни умирала у меня на руках, силясь что-то сказать. Я нагнулся к ней, и она прошептала: «Я... не думала... что будет... так... больно...».

Вири замолчал, воскрешая в памяти эту страшную сцену. Через минуту он произнес:

— Боже мой, Боже мой! Для чего Ты меня оставил?

— Яичница с беконом, сэр, — объявил Уайлдблад, который снова внезапно возник из-за кустов.

— КИ ГУ! КИ ГУ! — прокричал уже другой скворец. После завтрака сэр Джон и преподобный Вири поднялись в библиотеку, чтобы выпить кофе и поговорить более подробно о тех страшных и печальных событиях, которые их свели.

Бэбкок рассказал все, что ему было известно о Лоле Левин, Алистере Кроули, М.М.М. и «Великом боге Пане» Артура Мейчена. Вири слушал с отсутствующим видом. Казалось, после тех ужасов, которые ему довелось пережить, ничто уже не может его удивить.

— Ключом ко всему, — сказал Бэбкок, — может быть эта ужасная книга, которая вызвала оба самоубийства. По тем проклятым буквам, которые вы запомнили — «КИ ГУ», — совершенно невозможно представить себе какое-либо осмысленное название. Может быть, вам удастся вспомнить еще хотя бы пару букв?

— Нет, — отрешенно сказал Вири. — Я же сказал, что видел только часть обложки, да и то совсем недолго. К тому же я был взволнован и пытался понять, что произошло с Энни.

Сэр Джон налил кофе, пытаясь представить себе возможное название книги. «Сатанинские методики губителей душ»? «Пытки гуннов»? Внезапно у него возникла одна мысль.

— По крайней мере, теперь мы знаем, что эта книга не была ни «Облаками без воды», ни «Великим богом Паном», так как во втором названии отсутствует слог «ГУ», а в первом вообще нет ни «КИ», ни «ГУ». Кроме того, вы, я и множество других людей читали эти книги, но не потеряли рассудок.

Вири вскочил и начать шагать взад-вперед. Горб и пепельно-бледное лицо делали его похожим на трагического актера.

— Книга, о которой идет речь, не может иметь иносказательный характер, как «Великий бог Пан» или «Облака без воды», — уверенно произнес он. — Она должна вызывать ужас сразу, как только вы ее открываете. И Бертрану, и Энни достаточно было почитать ее две-три минуты, чтобы покончить с собой. Должно быть, им хватило всего нескольких строк... максимум одного абзаца...

Бэбкок внезапно побледнел.

— Я знаю, кто будет следующей жертвой этих дьявольских сил, — сказал он. — Вы. Вам следует оставаться у меня до тех пор, пока все не уладится. Вы ни в коем случае не должны распечатывать почту, которая будет приходить вам из «М.М.М.» Если такой пакет придет, и мы захотим узнать, что внутри, то обратимся за помощью к специалисту в области оккультных наук, который сможет справиться с губительным влиянием этой книги. Вири наблюдал за языками пламени в камине.

— Вы, конечно же, правы, — сказал он устало, — однако я категорически против того, чтобы кто-либо, пусть даже это будет самый опытный оккультист, открывал пакет, отправленный из этого проклятого «М.М.М.»

— Что ж, — сказал сэр Джон, — это будет решать Джоунз — тот человек, о котором я вам говорил. Конечно, ни вы, ни я такой пакет открывать не будем ни в коем случае. Если они хотят разделаться с вами, то и я сам вполне могу оказаться их следующей мишенью. Боже! — воскликнул он, — как слеп наш самодовольный материалистический мир, что не обращает внимания на такие вещи!

Вири вздохнул.

— Во всем виноваты эти атеисты из Оксфорда и Кембриджа, — сказал он. — А вместе с ними Вольтер, Дарвин и Ницше... Последние полтора века в европейских умах царит Антихрист, стараясь нас ослепить...

— Историю не изменишь, — сказал сэр Джон, — но наше будущее всегда в наших руках. Кстати, я недавно установил здесь телефон и сейчас позвоню Джоунзу, чтобы он приехал к нам как можно скорее. Поверьте, он знает гораздо лучше нас обоих, что нужно делать в подобных ситуациях.

Он поднялся с кресла и пошел было к дверям, но вдруг остановился,

увидев, как внезапно изменилось от страха лицо Вири.

— Господи, — упавшим голосом произнес священник. — Макферсон.

Сэр Джон подбежал к нему.

— Макферсон? — переспросил он. — Кто такой Макферсон?

— Преподобный Дункан Макферсон, — сказал Вири. — Мой друг и помощник. Он работает вместе со мной в «Обществе распространения религиозной истины» и тоже получил необычную открытку.

Сэр почувствовал, как пол уходит у него из-под ног.

— Какую еще открытку? — вскричал он. — Вы не говорили мне ни о каких открытках.

Вири тоже поднялся и стал нервно шагать по комнате, вне себя от страха и нетерпения.

— Я должен предупредить его, — сказал он. — Вы сказали, что у вас есть телефон? Но я не знаю, у кого есть телефон в Инвернесе.

— Полиция! — воскликнул сэр Джон. — Мы должны связаться с инвернесскими полицейскими и попросить их, чтобы они предупредили Макферсона! О каких открытках вы говорили?

— Позже! Где тут у вас телефон?

— Внизу, в прихожей. Но что мы скажем полицейским? Они бросились вниз по лестнице.

— Полицейские уже все знают о самоубийствах, — взволнованно объяснял Вири, рискованно перепрыгивая через ступеньки, — и я рассказал им о том, что и Бертран, и Энни перед смертью получили по почте какую-то странную книгу. Хотя, я думаю, они поверили мне лишь наполовину...

К тому времени, как сэр Джон и преподобный Вири достигли ниши, в которой стоял телефон, их разговор уже принял более спокойный характер. Вири снял трубку и попросил телефонистку соединить его с номером Инвернесс-418. Некоторое время он стоял неподвижно, прислушиваясь сначала к шумам, а потом к гудкам в трубке.

— Это преподобный Вири, — представился он, когда на другом конце сняли трубку. — Я хочу поговорить с инспектором Макинтошем по поводу недавних самоубийств.

По мере того, как Вири говорил, Бэбкок все больше поражался его уму и осторожности. Вири объяснил полицейскому ровно столько, сколько тот способен был понять, и даже выдумал на ходу, что в загадочных посылках из Лондона мог содержаться какой-то яд, расстраивающий рассудок людей. «Макферсон ни при каких обстоятельствах не должен притрагиваться к посылке, которая может прийти ему из Лондона, — добавил священник с неожиданной жесткостью в голосе. — Пусть он вообще не притрагивается ни к каким посылкам, даже если они отправлены не из Лондона. Эти негодяи могут написать другой обратный адрес, чтобы сбить нас с толку».

Повесив трубку, Вири вздохнул с облегчением.

— Они сейчас направят к Макферсону констебля, — сообщил он. — Похоже, моя импровизация насчет ядов произвела на них впечатление.

Сэр Джон мрачно кивнул.

— На меня тоже, — сказал он. — Но это, конечно же, невозможно. Не существует яда, который мог бы вызвать подобную реакцию, причем каждый раз одинаковую. Даже белладонна, самое ядовитое растение, действует на разных людей по-разному. Одни истерически рыдают, другие хохочут, третьи галлюцинируют, а четвертые сразу умирают. Гашиш тоже вызывает разные реакции. Так что ваша теория ничем нам не поможет, если не считать того,

что она убедит полицейских охранять Макферсона...

Они молча вернулись в библиотеку. Сэр Джон вспомнил, что перед тем, как они побежали к телефону, Вири начал говорить о каких-то открытках. Когда они снова опустились в кресла, сэр Джон вернулся к своему вопросу.

— Кстати, о каких это открытках вы говорили? Вири горестно покачал головой.

— О, это было так глупо, — сказал он. — Я не придавал им никакого значения. Но сегодня, во время нашего разговора, мне вдруг пришла в голову одна мысль. Возможно, это всего лишь совпадение...

Всего лишь совпадение, с горечью подумал сэр Джон. Видимо, эти слова всегда будут казаться мне или дурацкими, или зловещими...

— На этих открытках даже не было лондонского штемпеля, — сказал Вири. — На них был почтовый штемпель Инвернесса, поэтому я и не придал им особого значения. Однако теперь мы знаем, что у Них есть агенты в Инвернессе, достаточно вспомнить того загадочного восточного человека...

— Что было в этих открытках? — нетерпеливо прервал его сэр Джон.

— Первая открытка пришла на имя Бертрана, — сказал Вири, — ровно за два дня до того, как принесли ту злосчастную посылку. В открытке не было ничего, кроме странного рисунка с буквой еврейского алфавита.

— Какая это была буква? — быстро спросил сэр Джон.

Вири на минуту задумался.

— Принесите мне лист бумаги и карандаш, — попросил он. — Конечно, я изучал древнееврейский язык в семинарии, только с тех пор уже прошло лет сорок. Впрочем, в шотландских семинариях учат на совесть, так что я, по-моему, помню эту букву.

Сэр Джон положил перед священником карандаш и лист бумаги, и тот быстро что-то нарисовал.

— Вот что было в той открытке, — сказал Вири. — Только это и еще имя Бертрана.

Сэр Джон взглянул на рисунок.

— Это буква Йод, не так ли? — спросил Вири.

— Да, — подтвердил сэр Джон и покраснел. — Йод значит «рука» или «кулак».

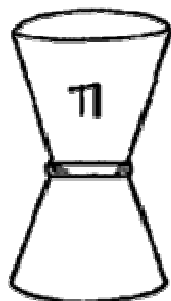
Он умолчал о том, что, по мнению некоторых каббалистов, рука и кулак — это эвфемизмы, которые были придуманы позже, а первоначально буква Йод значила «семья». Рисунок имел явно фаллическую форму, и поэтому сэр Джон чувствовал себя неловко.

— А что было в следующей открытке? — спросил он, заранее зная ответ. Нун, «рыба». Снова **I.N.R.I.**

— Следующая открытка пришла на имя Энни, — сказал Вири, — и тоже

со штемпелем Инвернесса. К сожалению, в этот раз я тоже не смог увидеть связь, если она вообще была, между открыткой и трагедией, которая случилась два дня спустя.

Он быстро нарисовал:

— Я не уверен, что помню эту букву, — признался Вири.

— Хе, — сказал сэр Джон. — «Окно». Получается, что на первой открытке был изображен ритуальный жезл, ибо на этой, несомненно, чаша. Итак, кто-то посылает одно за другим изображения магических предметов. Держу пари, что в открытке, которую получил Макферсон, был нарисован меч.

— Поразительно! — воскликнул Вири. — Вы абсолютно правы. Вот что было в той открытке.

Он снова взялся за карандаш:

— Вау, — прочитал сэр Джон. — «Гвоздь». Вири побледнел.

— Некоторые вещи не забываются, даже спустя десятилетия, — произнес Вири с благоговением. — Видя эти три буквы, я уже знаю четвертую.

— Да, — сказал сэр Джон. — У нас уже есть Йод Хе Вау — первые три буквы Священного Непроизносимого Имени Бога. Четвертой буквой должна быть снова Хе, и тогда мы получаем Йод Хе Вау Хе — Яхве, или Иегова. Эти нелюди используют в своем кровавом деле самое священное слово в Каббале. Это ужасное богохульство и святотатство, чернейшая магия. Но когда Макферсон получил открытку с мечом?

— Два дня назад, — с ужасом прошептал Вири. Сэр Джон вскочил.

— Но ведь это значит, что сегодня он получит посылку с книгой!

— Святой Боже, — прошептал Вири с закрытыми глазами.

— Сделай так, чтобы полиция оказалась там до прихода почтальона...

В этот момент зазвонил телефон. Сэр Джон и Вири бросились в прихожую. Сэр Джон схватил трубку.

— Сэр Джон Бэбкок.

— Это инспектор Макинтош, — представился голос в трубке. — Могу я поговорить с преподобным Вири?

Сэр Джон передал трубку Вири и продолжал стоять рядом, напряженно

вслушиваясь в слова Вири и пытаюсь по ним восстановить весь разговор: «Да... О, Боже, нет... Да...Что? Безусловно... Да хранит нас всех Господь, инспектор... Непременно».

После того, как священник повесил трубку, он показался сэру Джону еще более маленьким и жалким, чем прежде.

— Это произошло снова, сэр Джон.

— Боже! Да рассказывайте же!

— Констебль, которого послали домой к Макферсону, нашел того уже мертвым. Макферсон бритвой перерезал себе горло, от уха до уха. Полицейские поискали в камине остатки пакета и нашли там обуглившуюся книжную обложку, на которой можно было разобрать только две буквы — «МА».

— «КИ, ГУ, МА», — задумчиво произнес сэр Джон. — Единственный ключ ко всему этому безумию и богохульству. Вы правы, нам всем остается уповать только на помощь Господа.

XXXI

Часы на Фраумюнстер пробили шесть. Лучи заходящего солнца окрасили комнату в багряные, желтые и коричневые тона. Причудливая игра света и тени навевала мысли о колдовстве, средневековых соборах и готических романах, на которые была очень похожа история сэра Джона. Эйнштейн, Бэбкок и Джойс с удовольствием приняли предложение Милевы Эйнштейн сделать перерыв и пообедать. К этому времени комната, в которой они сидели, наполнилась едким тяжелым дымом из трубки Эйнштейна. Милева открыла окно. Дым понемногу улетучился, но вместо него в комнату вторгся влажный и липкий фён.

Эйнштейн поднялся и начал задумчиво бродить по комнате. Джойс остался сидеть в красном плюшевом кресле, глубоко погруженный в свои мысли.

— Похоже, Джим, — наконец произнес Эйнштейн, — что на нас свалились сразу все декорации кельтского романтизма, который вы так презираете. И даже эльфы... Джойс кивнул и криво улыбнулся.

— Даже зловещий багряный закат, — сказал он. — И чем больше усилий мы прилагаем, чтобы разобраться в этой истории, тем больше в ней запутываемся... Это напоминает мне негритянскую сказку о кролике и смоляной кукле. Чем сильнее кролик бил куклу, тем сильнее к ней прилипал...

Эйнштейн вдруг остановился. Его веселые глаза затуманились, взгляд словно обратился вовнутрь. Наверное, подумал Джойс, сейчас он перестал мыслить словами и начал мыслить образами. Эйнштейн не раз рассказывал ему, что старается мыслить именно так, когда работает над какой-нибудь формулой. Бэбкок и Джойс обменялись недоумевающими взглядами, не в силах понять, что происходит в голове у Эйнштейна и каким образом слова Джойса, если только это были они, смогли повергнуть профессора в такой глубокий транс. Чем больше усилий... тем больше запутываемся... Смоляная кукла... Но какое отношение это имеет к книге, которая заставляет людей совершать самоубийства?

— Ну конечно, действие и противодействие, — прошептал Эйнштейн, очевидно обращаясь к самому себе. — Старина Ньютон все еще помогает нам, хотя прошло уже три столетия...

— Профессор, — воскликнул Бэбкок, — неужели? Неужели вы нашли научное объяснение этим невероятным событиям?

Эйнштейн моргнул и устало опустил в кресло.

— Не совсем, — ответил он. — Но мне кажется, я вижу слабый луч света в этой средневековой тьме... у меня складывается одна гипотеза... но я пока что не уверен...

— Сейчас, — сказал Джойс, — мы с радостью ухватимся за любую гипотезу, какой бы шаткой она ни была. Знаете, Эйнштейн, в прошлом году я несколько месяцев пытался написать самую ужасную и отвратительную проповедь об Аде за всю историю христианства. Кое-что я взял из своих конспектов по теологии, кое-что — из учебников иезуитов. Я составил такую речь, от которой даже у атеиста поднимутся дыбом волосы на голове. Надеюсь, теперь любой читатель поймет, что довелось пережить моему главному герою, которого воспитывали ирландские католики. Честно говоря, я наслаждался, составляя эту проповедь, ибо считал, что подобные вещи больше не имею власти надо мною, и я могу описывать их совершенно беспристрастно. Однако сейчас, когда я слушаю рассказ сэра Джона, во мне начинают пробуждаться все отвратительные страхи моей юности.

— Конечно, — сказал Эйнштейн, на лице которого играли багровый отсвет заката.

— Все дело именно в этом.

— Объясните же наконец! — вскричал Бэбкок.

— Наберитесь терпения, — сказал Эйнштейн. — Пока что свет едва забрезжил, и эта заря может быть ложной. Мне еще нужно подумать над этой теорией. Но я могу показать вам, в каком направлении движутся мои мысли. Представьте себе, что сражаются не кролик и смоляная кукла, а две смоляные куклы.

Джойс и Бэбкок удивленно застыли — две багровые статуи в сгущающейся темноте.

В комнату заглянула Милева Эйнштейн:

— Джентльмены, ужин готов.

Первым блюдом был салат из сыра, маслин и анчоусов.

— Прожив несколько лет в Милане, я пристрастился к итальянской пище, — пояснил Эйнштейн. — Цюрих мне нравится, потому что в здешних ресторанах можно найти самые разные блюда. В один вечер можно заказать итальянский ужин, в другой — немецкий, в третий — французский. Конечно, если у вас хватит денег ужинать в ресторанах три дня подряд.

— А я вот ужинаю в самом дорогом ресторане Триеста, — сказал Джойс, — но только один раз в месяц, когда получаю зарплату. После этого у меня практически не остается денег, поэтому я никогда не плачу за квартиру вовремя.

— И что думает по этому поводу ваш домовладелец?

— Он знает, что деньги есть у моего брата, поэтому начинает преследовать его. Но он делает это только тогда, когда его окончательно выводят из себя мои дурные манеры.

— Ну вы и бесстыдник, — по-матерински пожурела его Милева.

— Стыд мне не ни к чему, — быстро ответил Джойс. — Он мешает мне видеть мир. Провоцируя домовладельцев, я исследую области человеческой психики, которые пока что представляют собой terra incognita для этого местного мудреца, доктора Юнга, и даже для его учителя из Вены, доктора Фрейда.

Мужчины по молчаливому согласию не обсуждали за ужином готическую историю Бэбкока, чтобы не беспокоить Милли. Вместо этого Джойс быстро вовлек фрау Эйнштейн в разговор об истории Цюриха и удивил всех своими обширными познаниями в этой области. В частности, он объяснил, что многие из местных обычаев — например, весенний праздник Secheslauten, — имеют кельтские корни.

— Ритуал, во время которого проносят по улицам, а потом сжигают соломенное чучело, символизирующее зиму, — сказал он, — встречается в той или иной форме в любой кельтской культуре.

— Но ведь кельты покинули Швейцарию больше двух тысяч лет назад, — удивился Эйнштейн.

— Народы уходят, а исторические архетипы — этот термин придумал Вико — остаются, — торжественно объявил Джойс. — И этимология остается тоже. Известно ли вам, что само название этого города — Цюрих — происходит от латинского слова «турикум».

— Да, я что-то об этом слышала, — признала Милева.

— Ага, — воскликнул Джойс. — Но знаете ли вы, почему римляне называли это место «Турикум»? Если вы заглянете в этимологический словарь, как это сделал я, то узнаете, что жившие здесь кельты называли это место «Дур», что в приблизительном переводе значит «место, где соединяются воды». И действительно, здесь река Лиммат впадает в Цюрихское озеро. А римляне просто переименовали это название на свой лад, вот так и появился вместо Дура Турикум.

Эйнштейн удивленно поднял брови.

— Джим, — сказал он, — вы будто разглядываете слова в микроскоп. Я начинаю верить, что вы не шутили, когда прошлой ночью рассказывали нам о всяких парадоксах, в частности, о том, что в нашем сознании нет ничего, кроме слов.

— История сознания — это история слов, — убежденно сказал Джойс. — Какими бы возмутительно-высокомерными ни казались нам слова Шелли «поэты — непризнанные законодатели этого мира», мы вынуждены согласиться с ним. Люди, чьи слова образуют новые метафоры, которые проникают в общественное сознание, помогают нам по-новому увидеть самих себя.

— Любовь, что движет солнце и светила — неожиданно процитировал Эйнштейн. — Когда я впервые прочитал эту фразу у Данте, ее музыка сразу же вошла в мое сознание. Наверное, каждый, кто смотрит безлунной ночью в звездное небо, чувствует то же, что чувствовал Данте. Но все же умом я понимаю, что на самом деле и солнце, и звезды движутся стохастически.

— Как-как? — переспросил Бэбкок.

— Случайным образом, — перевел на нормальный язык Джойс. — Профессор говорит о втором законе термодинамики.

— Стохастически — не значит случайно, — быстро поправил его Эйнштейн. — В любом стохастическом процессе есть некая скрытая переменная. Некий закон. Думать иначе — значит овеществлять и обожествлять хаос. Но каков этот космический закон и можем ли мы назвать его Любовью, о которой говорит Данте? Любой, кто возьмется отвечать на этот вопрос — либо мудрейший из философов, либо глупейший из дураков.

— Мне легче поверить в любовь, чем в закон, — прямо заявила Милева. — Знаю, знаю: так могла сказать только женщина.

— Нет-нет, — сказал Джойс, — ни в коем случае. На мой взгляд,

Мужчина — это остров у берегов огромного континента, имя которому — Женщина. Даже с биологической точки зрения самец всего лишь вспомогательный элемент, передвижной резервуар с семенем.

— Увы, любовь в этом мире — скорее редкость, — печально произнес Эйнштейн. — Но законы действуют в нем повсюду.

— Это если рассуждать логически, — сказал Джойс, явно желая поспорить. — Но логика есть лишь обобщение грамматики древнегреческого языка, сделанное Аристотелем. И это обобщение — всего лишь часть великой словесной реки сознания. Как вам, наверное известно, китайская логика не имеет ничего общего с логикой Аристотеля. Некоторые части потока сознания совершенно иррациональны и алогичны. Вот вы, профессор, доказали математически, что пространство и время неразделимы. Современный же психоанализ вот-вот придет к заключению, к которому сэр Джон и ваш покорный слуга уже пришли самостоятельно, анализируя самих себя. Суть этого заключения в том, что ум и безумие тоже неразделимы — как две смоляные куклы после долгой драки...

— Вы интересный человек, — заметила Милева, убирая со стола остатки ужина. — Если на свете существует миссис Джойс, она тоже должна быть очень незаурядной женщиной.

— Миссис Джойс не существует. Но я вот уже десять лет живу с одной женщиной и с удовольствием проживу с ней остаток своей жизни, если только ей не надоест мой скверный характер.

Мужчины вернулись в кабинет Эйнштейна, а Милева начала наводить порядок в столовой.

— Во имя всего святого! — набросился Бэбкок на Джойса. — Неужели вам доставляет удовольствие при каждом удобном случае выставлять напоказ свою аморальность? Фрау Эйнштейн, несомненно, глубоко шокирована вашими взглядами. Зачем, скажите на милость, вы хвастаетесь ссорами с домовладельцами и своей греховной любовной связью?

— Фрау Эйнштейн трудно шокировать, — успокоил его Эйнштейн. Большинство моих друзей — очень эксцентричные люди. Я подозреваю, что иногда кажусь окружающим тоже довольно эксцентричным.

— У каждого есть отклонения, — заметил Джойс. — Я еще никогда в жизни не встречал человека, который не был бы мне интересен. «Нормальных» людей не существует. Если внимательно присматриваться к людям, которые всем кажутся скучными, рано или поздно вы обнаружите, что каждый из них по-своему безумен и этим по-своему интересен. Скучный вид — всего лишь попытка скрыть это безумие. Человеческая психика являет собой сплошной маскарад. Кстати, хотя меня и заинтересовали некоторые ваши проблемы, — он повернулся к Бэбкоку, — я не даю вам права судить меня и мои поступки. И я не даю этого права ни толстоброхой церкви, ни вору-государству. Нора живет со мной потому, что она сама так решила, а не потому, что ее заставляют предрассудки или закон. Мне нужна рядом не рабыня, не наложница и даже не жена, а друг, с которым я могу общаться на равных.

Тверд, как горные вершины,
С которых красовался я рогами.

Поистине благородные слова в устах человека, больного от ревности! Слушайте все! Слушайте все! Это звучит голос моей юности, голое Ибсена и

Ницше. Но я уже слишком стар для роли Стивена Дедалуса. Если я спрошу, она мне все расскажет, но я не спрошу. Eleutheria. Моя участь: *Urbemensch*⁶⁰, или Проклятый Идиот. Героическая поза: merde.

— Некоторые поступки, — с прежней горячностью продолжал сэр Джон, — просто не принято совершать в приличном обществе.

— Не быть вам психологом, — сказал Джойс со свойственной ему кельтской иронией. — Люди совершают эти поступки сплошь и рядом, просто стараются о них не говорить.

— Джентльмены, — прервал их Эйнштейн, — этот спор длится с тех пор, как возник романтизм, то есть уже более века. Не думаю, что нам удастся окончательно разрешить его сегодня вечером. Давайте поищем более полезное применение нашим умственным способностям — например, постараемся разобраться в чрезвычайно занимательной истории, которую рассказал нам сэр Джон.

Джойс сел в кресло и привычно ссутулился.

— У меня тут возникли кое-какие идеи, — сказал он. — Если хотите, могу поделиться.

— Будьте так добры, — попросил его Эйнштейн. — Мне было бы очень интересно узнать, насколько хорошо ваши идеи согласуются с моей гипотезой.

— Рассказывайте же, — нетерпеливо сказал Бэбкок. Убрав кипу французских и немецких журналов с единственного незанятого кресла в комнате, он тоже сел.

— Начнем с того, — сказал Джойс, — что я не верю в существование книги, которая способна сводить людей с ума. На то есть две причины. Во-первых, это невозможно практически: книга, как и яд, не может действовать абсолютно одинаково на разных людей. Во-вторых, я припоминаю, что уже встречал подобный сюжет в одной книге. У меня есть подозрение, что Алистер Кроули и его помощники из М.М.М. хорошо знакомы с той книгой и попросту используют ее сюжет как прикрытие.

Эйнштейн едва не выронил из рук трубку.

— Очень интересно, — сказал он. — Я начинаю верить в свою гипотезу, ибо она полностью согласуется с вашими словами. Но о какой книге вы говорите?

— Это сборник рассказов о сверхъестественных явлениях, который называется «Король в желтом». Автор — американец по имени Роберт У. Чамберс. Все рассказы так или иначе связаны с таинственной книгой, которая сводит с ума любого, кто ее открывает. Кстати, там тоже часто упоминается о масках и маскарадах. На мой взгляд, это самая удачная книга ужасов со времен выхода «Дракулы», и поэтому я думаю, что она расходится миллионными тиражами. Вполне вероятно, что в «М.М.М.» ее читали и потому придумали весь этот злой маскарад и книгу, которая будто бы несет безумие и смерть.

Эйнштейн начал раскуривать трубку; в темном табаке засиял вишнево-красный огонек.

— Маски и маскарады, — сказал он. — Вот с чем мы имеем дело. Но как нам сорвать эти маски и увидеть, что скрывается за ними? Как совершаются эти «чудеса»? Если бы не Эрнст Мах и не сказка о смоляной кукле, мне

⁶⁰ Сверхчеловек (нем.)

вообще было бы не за что зацепиться... Но даже с тем, что я имею, у меня в три раза больше вопросов, чем ответов...

— Предположим, — продолжал он, — вы прочитали «Короля в желтом» и достаточно жестоки для того, чтобы воплотить сюжет этой книги в реальной жизни. Вы хотите убить кого-то и посылаете этому человеку книгу. По-моему, самое простое, что вы можете сделать, — приложить к этой книге письмо, в котором будет написано примерно следующее: «Эта бумага пропитана вирусом проказы» — или сифилиса, или любой другой болезни, упоминание о которой способно вызвать сильный страх. Сработает ли это? Возможно, хотя бы один человек окажется достаточно истеричным и легко внушаемым, чтобы сразу же поверить и покончить с собой. Возможно. Но не три человека подряд. Вероятность этого события чрезвычайно низка. Я думаю, что по меньшей мере одному из этих людей хватит здравого смысла посоветоваться с доктором прежде, чем верить в такое дурацкое письмо и уже тем более сводить счеты с жизнью.

— Вы правы, — согласился Джойс. — Я думаю, что трюк с письмом не прошел бы три раза подряд даже в кальвинистской Шотландии. Хотя мы ежедневно читаем в газетах о всевозможных безумствах, которые совершаются во всех уголках планеты, человечество все же состоит не из одних идиотов. Книга, которую нам так упорно подсовывают, — ни что иное, как уловка, чтобы сбить нас со следа. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что самоубийства произошли по совершенно иной причине, а посылки с книгами должны были создать вокруг них некую ауру сверхъестественности.

— Мне бы вашу уверенность, — устало произнес Бэбкок. Джойс смиренно пожал плечами.

— Я ни в чем не уверен, — признался он. — Я просто рассуждаю.

— Давайте дослушаем рассказ до конца, — предложил Эйнштейн, усаживаясь поглубже в свое ярко-красное кресло. — По-моему, у нас еще недостаточно информации для того, чтобы строить какие-либо теории.

— Я рассказал вам почти все, — сказал сэр Джон. — Тем не менее, вам еще предстоит узнать кульминацию этой истории, которая еще более ужасна и невероятна, чем все, что я рассказывал вам прежде.

На стенах начали сгущаться багровые сумеречные тени, изгоняя последние золотые лучи солнца. Часы на Фраумюнстер пробили семь, фён по-прежнему наполнял комнату горячим и плотным воздухом.

XXXII

Когда сэр Джон снял трубку, чтобы позвонить Джоунзу, Уайлдблад как раз принес почту. Сэр Джон начал обсуждать с Джоунзом события последних дней, одновременно просматривая полученные конверты и газеты.

— Первое правило в шахматах — защищать короля, — сказал Джоунз. Его голос в телефонной трубке был искажен до неузнаваемости. — Наш король — Вири, и он оказался под ударом. Я думаю, нам следует его передвинуть.

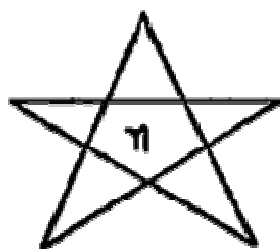
Сэр Джон начал возражать.

— У меня здесь восемь слуг, пятеро из них — крепкие мужчины. По-моему, во всей Англии не сыскать места надежнее моего поместья... — внезапно голос сэра Джона ослабел и стал не таким уверенным, ибо у него руках оказалась почтовая открытка с адресом:

Преп. Вири
Помесье Бэбкоков
Вимс, Грейсток

— Я в этом вовсе не уверен, — резко сказал Джоунз. — Они, несомненно, знают о вашей с Вири переписке, поэтому как только они поймут, что Вири покинул Инвернесс, сразу начнут искать его у вас. Если только они вообще не проследили за ним от его дома до вашего...

— Вы правы, — подавленно согласился сэр Джон, чувствуя, как что-то оборвалось у него в животе. Из вещества того же, что наши кошмары. Он перевернул открытку и увидел именно то, что он больше всего боялся увидеть:

— С сегодняшней почтой ему пришла открытка, — медленно сказал он. — Они настоящие специалисты своего черного дела. Господи, Джоунз, ведь Вири уехал из Инвернесса всего несколько часов назад! Но если открытка пришла сегодня, ее должны были отправить вчера. Выходит, они знают наперед все его действия?

Йод Хе Вау Хе: Священное Непроизносимое Имя Бога теперь было полным, как и набор магических предметов: жезл, чаша, меч, пентакль. Само время обернулось вспять, чтобы это случилось.

— Никогда не спешите верить в чудо, — прожужжал в телефонной трубке голос Джоунза. — Проверьте, есть ли на открытке марка.

Сэр Джон уже перевернул открытку и смотрел на нее, не веря своим глазам. Почтовой марки не было. Похоже, со временем пока все в порядке.

— Ну что? — нетерпеливо поинтересовался Джоунз. *Vekam, Adonai...* Имя есть сущность...

— Марки нет. Значит, открытку отправили не вчера. По-моему, ее вообще не отправляли, а просто бросили в мой почтовый ящик, как только ушел почтальон.

Они все время нас опережают, с ужасом подумал сэр Джон.

— Теперь вы понимаете, почему я хочу передвинуть короля? Преимущество все время было на их стороне. Сейчас мы должны изменить стратегию и переломить ход игры. — Джоунз помолчал.

— Будем исходить из того, что помесье Бэбкоков находится под пристальным наблюдением. Наше единственное преимущество в том, что вы знаете местность лучше, чем они. Вы сражаетесь на своей территории. Подумайте, как вам с Вири незаметно выбраться из усадьбы. Вообще, возможно ли это?

Сэр Джон мрачно улыбнулся.

— В детстве мы часто играли здесь в прятки, и я знаю эти места как свои

пять пальцев, — сказал он.

— Хорошо. Только один совет: ни в коем случае не приближайтесь к железной дороге.

— Я понял, — сказал сэр Джон. — Они, конечно же, будут наблюдать за станцией, на тот случай, если нам с Вири удастся выбраться из дома незамеченными. Чем пытали де Молэ? Дыба, тиски для пальцев, «испанский сапог»... Vekam, Adonai...

— Отлично. Вы начинаете мыслить стратегически. Следующий ход очевиден. Есть ли у кого-нибудь из ваших знакомых автомобиль?

— У виконта Грейстока, — сразу же ответил сэр Джон. — Поэтому лучше всего пробраться через лес в его имение.

— Прекрасно. Если я правильно помню, вы не умеете водить автомобиль. Сможет ли виконт Грейсток одолжить вам вместе с автомобилем своего шофера?

— Думаю, да, если я скажу ему, что так нужно.

Сэр Джон почему-то вспомнил обряд посвящения. Куда идешь? — На Восток. — Что ищешь? — Свет. Джоунз на минуту о чем-то задумался.

— Если все будет хорошо, вы доберетесь до Лондона часам к пяти вечера. Конечно, вы не должны приближаться к моему дому, ибо там вас будут искать в первую очередь. Отправляйтесь на Пол-стрит, дом 201. Вас примет один мой знакомый, которого зовут Кеннет Кэмпбелл. Он абсолютно надежный и в высшей степени порядочный человек. Я присоединюсь к вам позже.

— Пол-стрит, 201, — повторил сэр Джон. — По-моему, я знаю, где это. Недалеко от Тотенхем-корт-роуд, не так ли?

— Точно. Не самый примечательный и респектабельный район Лондона, но отличное место для того, чтобы на время спрятать нашего короля. Надеюсь, мы все окажемся в обществе мистера Кэмпбелла к шести или семи часам вечера. Будьте осторожны, сэр Джон. Не забывайте о том, что горб Вири очень бросается в глаза.

Объясняя план бегства преподобному Вири, сэр Джон постепенно пришел в себя и даже почувствовал некоторое возбуждением. Все происходящее начало казаться ему захватывающим приключением. Это легкомысленное ощущение исчезло только когда он вспомнил, что трое человек — трое близких людей Вири — уже умерли ужасной смертью.

Сэру Джону пришла в голову неприятная мысль о том, что встречи со смертью и опасностью кажутся приключением только потом и только тому, кто уцелел, а пока что было неясно, кто из них уцелеет в этой ужасной истории. Но, черт возьми, он ведь молод и намеревается перехитрить сильного врага — чем не приключение!

Пепельно-серое лицо священника напомнило ему о том, что он находится не в романе Конан-Дойла или Райдера Хаггарда, а в реальной жизни, где мертвые не воскресают, а те, кто их любили, страдают по-настоящему.

Вири выслушал план сэра Джона безучастно и без единого возражения. Недавние события лишили его уверенности в себе и окружающем мире, и теперь в его взгляде читалась только слепая покорность судьбе.

Сэр Джон намеревался использовать потайной ход между винным погребом и заброшенным сараем, который был расположен у самой границы поместья. Этот сарай построил несколько веков назад один из предков сэра Джона, чтобы установить там винодельный пресс. Прессом не пользовались

уже очень давно, и о его существовании мало кто помнил.

— Скорее всего, они наблюдают за домом через бинокль или даже мощный телескоп, — на ходу объяснял сэра Джон священнику. — Но, поскольку сарай окружен густым лесом, его практически не видно, пока не приблизишься к нему вплотную.

Священник мрачно кивал. Он не проронил ни слова до тех пор, пока они наконец не спустились в винный погреб.

— У вас тут слишком много горячительных напитков для христианина и здравомыслящего человека, — с подозрением заметил он.

Сэр Джон шел впереди, неся в вытянутой руке канделябр с тремя свечами.

— Все это досталось мне по наследству, — ответил он извиняющимся тоном. — Большинству бутылок уже лет пятьдесят или сто, если не больше. Я к ним практически не притрагиваюсь, разве что если собираются особые гости.

— Угу, — отозвалась нескладная тень преподобного Вири откуда-то сзади. — Вот так все обычно и начинается. Сначала бутылка для особых гостей, а потом пошло и поехало... Все алкоголики, которых я знаю, начинали именно так.

Сэр Джон позволил себе улыбнуться, зная, что в темноте Вири этого не заметит. Все-таки приятно было знать, что старик еще держится, несмотря на все передраги, которые выпали на его долю. До этого сэру Джону какое-то время казалось, что преподобный Вири совершенно сломлен и больше похож на автомат, чем на живого человека.

Сэр Джон с удивлением обнаружил, что винный погреб гораздо больше, чем он привык думать. Неудивительно, что он показался таким неприлично огромным шотландскому священнику-пресвитерианцу. Сэр Джон не спускался сюда уже много лет, с далекого детства, когда он частенько проводил здесь время в надежде найти пиратский клад или пещеры гномов. Проходя мимо бесконечных рядов бутылок, затянутых паутиной, сэра Джон начал видеть Бэбкоков такими, какими, по его мнению, их видел Вири: когортой алкоголиков и развратников.

В конце концов им удалось найти вход в туннель. Здесь было еще темнее, и свечи едва рассеивали этот влажный мрак. Сэр Джон пожалел, что не взял два канделябра, чтобы Вири тоже мог освещать себе путь. Увы, возвращаться было поздно, и им пришлось двигаться чуть ли не в обнимку и очень медленно.

Сообщник в доме. Сэр Джон вдруг вспомнил, как подозревал Бертрана, брата преподобного Вири, когда они пытались разгадать головоломку с осквернением церкви. А что, если в поместье Бэбкоков есть сообщник Кроули? И если он есть, что ждет их в этой адской тьме всего в нескольких шагах?

Немного подумав, он с облегчением улыбнулся. Все слуги в доме проверены и надежны, он знает их с детства. Эта проклятая история посеяла в его разуме семена паранойи. Подозревать Уайлсблада, Дорна или пожилую миссис Мэйпл в пособничестве черному магу так же смешно и нелепо, как подозревать в этом королевскую семью или Архиепископа Кентерберийского.

Сэру Джону послышался какой-то звук, который тотчас напомнил ему жужжание насекомых из его ночных кошмаров и фонографическую запись, присланную Вири. Может быть, здесь свили гнездо пчелы или осы? Сэр Джон с ужасом вспомнил, что некоторые фольклористы сравнивают голоса эльфов

с жужжанием. Он постарался взять себя в руки, но почему-то также вспомнил, что пчела является символом баварских иллюминатов, самого атеистического и радикального из всех масонских обществ. Проклятье, возьми же себя в руки, не давай воли этим дурацким мыслям. Он постарался думать о чем-то другом, и вспомнил древнюю каббалистическую загадку: Вопрос: почему Библия начинается с буквы Бет, а не с буквы Алеф? Ответ: потому что Алеф означает Арар, или проклятие, а Бет — Берака, или благословение. Но почему иллюминаты избрали своим символом пчелу? И что за существа жужжат на фонографической записи Вири?

Страх — поражение и предвестник поражения... Он не станет жалкой полевой мышью, зажатой в руке существа, которое само не в состоянии понять себя. Он рыцарь Розы и Креста, который служит только Богу, а «ни один демон не справится с тем, кто закован в броню праведности».

Дядюшка Бентли как-то объяснял ему, что боязнь темноты является одной из самых древних эмоций у приматов и восходит еще к тем жестоким временам, когда наши немые и маленькие пушистые предки то и дело становились добычей всевозможных ночных хищников. Этот первобытный страх есть у каждого ребенка, а иногда, в минуты сильного душевного напряжения, может просыпаться и у взрослого человека. Сэр Джон избавился от подозрений в отношении слуг, но теперь ему не давала покоя мысль о рабочих, которыми кишело поместье Бэбкоков, когда в нем делали ремонт и проводили электричество. Если хотя бы один из них был агентом Кроули, он вполне мог установить хитрую ловушку в каком-нибудь темном месте, хотя бы в этом туннеле.

Страх — поражение и предвестник поражения, снова напомнил себе сэр Джон. Куда идешь? На Восток. Что ищешь? Свет.

Кстати, валлийцы верят, что «неутомимые труженики» живут под землей, в таких вот туннелях, как этот...

Сэр Джон почувствовал огромное облегчение, когда наконец увидел дверь в конце туннеля. Как глупо с его стороны было превращать в ужасное испытание прогулку по туннелю, которая в детстве всегда была для него лишь веселым приключением.

Что ж, истинное посвящение длится вечно, как сказал бы Джоунз. Это путешествие по Аиду, или подземному царству — в коде **I.N.R.I.** его символизировала буква N — стало для сэра Джона еще одним этапом посвящения, еще одним уроком мужества, которое необходимо любому оккультисту, чтобы не стать жертвой демонов, реальных или воображаемых. Он вспомнил слова из гимна американских негров, который однажды услышал на улице:

Я пройду по долине скорби,
Я пройду по ней сам,
Никто не пройдет по ней за меня,
Я пройду по ней сам

Сэр Джон вдруг понял, почему путешествие по Аиду символизирует буква Нун, «рыба». Мы появляемся на свет как рыбы, плавая в материнской утробе, и думаем о смерти как о символическом возвращении в лоно матери. Он также понял, почему следующему этапу I.N.R.I. соответствует буква Реш, или «голова». Символы этого этапа — боги Солнца Осирис и Аполлон, которые прошли через смерть и воскресение. «Царствие Божие внутри вас

есть»: в голове, в клетках мозга. Истинное посвящение длится вечно; мы снова и снова проживаем одни и те же ситуации, с каждым разом понимая их все глубже. Исида, Апоп. Осирис! ИАО... Дева, залы Смерти, Божественность... Свет во тьме светил, и тьма не знала его...

С торжествующим возгласом сэр Джон распахнул дверь, ведущую в сарай с винодельным прессом. «Человек неподвластен ни ангелам, ни Смерти, если только ему не изменит его Воля». Вспомнив эти строки из учебника «Золотой Зари», сэр Джон приободрился и воспрял духом.

Сарай стал еще более грязным и запущенным с тех пор, как сэр Джон был здесь в последний раз, но пресс по-прежнему выглядел исправным и мощным. Преподобный Вири уставился на него с нескрываемым изумлением.

— Бог мой! — воскликнул он, — А это еще что такое?

Он указал пальцем на необычное изображение на корпусе пресса — по-видимому, фамильный герб. Там была темно-синяя подвязка с золотой пряжкой, над ней колье, с которого свисали двадцать шесть золотых подвесок, внизу девиз: *Honi soit qui mal y pense*.

— Это орден святого Георгия, — пояснил сэр Джон, нервно покраснев. — Король наградил таким орденом моего прапрадеда за выполнение какого-то особо важного поручения.

Кошмар становится явью и нет никакого маскарада. Имя есть сущность.

— Да-да, я знаю, что только король может награждать орденом Подвязки, — нетерпеливо сказал Вири. — Но почему ваш прапрадед изобразил этот орден на винодельном; прессе? Я бы назвал это неуважением к Короне и даже, в каком-то смысле, хулиганством.

Сэр Джон покраснел еще сильнее.

— Мой прапрадед был странным человеком, — признал он. — О нем ходили скандальные слухи. Поговаривали, что он был связан с сэром Фрэнсисом Дэшвудом и клубом «Адский огонь». Что ж, в любой семье не без уроды, — добавил он и сразу же понял, как двусмысленно прозвучала эта фраза.

— Вы правы, — согласился Вири, который не уловил, или сделал вид, что не уловил, двусмысленности. — Простите, я не хотел вас обидеть. Но теперь я понимаю, откуда у вас в крови склонность к оккультным наукам, хотя следует признать, что вы подошли к истинному христианству гораздо ближе, чем ваш прапрадед.

Это было не самое тактичное извинение, и сэр Джон невольно задумался о чистоте своей крови.

— Орден Святого Георгия — высший рыцарский орден в Великобритании, — произнес он с такой обидой, как будто священник сказал, что в роду Бэбкоков были оборотни или ведьмы.

— Да, — согласился Вири, — и нет выше чести, чем получить из рук короля этот орден. Но ведь в наши дни его обычно называют орденом Подвязки, не так ли?

Сэр Джон опять покраснел.

«Должно быть, священник еще не оправился от шока, — подумал сэр Джон, — если упорно старается придать нашему разговору такое глупое направление». Заикаясь от смущения, он все же ответил:

— Видите ли, я много занимаюсь средневековой историей, поэтому часто использую старые слова и названия вместо новых. Этот орден н-н-начали называть орденом По-По-Подвязки только во времена Эдуарда IV, хотя он, как вам, наверное, известно, был учрежден в 1344 году, то есть еще при

Эдуарде III, и первоначально назывался орденом Святого Георгия.

Сэра Джона почему-то не покидало ощущение, что он до сих пор барахтается в одном из своих ночных кошмаров.

— *Honi soit qui mal у pense*, — прочитал священник девиз на гербе. — Довольно необычный девиз для такого благородного ордена.

— Ну, вы, должно быть, знаете ту историю... с графиней Солсбери... — у сэра Джона вдруг возникло ощущение, что он дает показания в суде. — Однажды на балу она потеряла свою по-по-подвязку, и когда кто-то засмеялся, сам король поднял ее, надел на свою но-но-ногу и произнес эти слова, *Honi soit qui mal у pense*.

— Позор тому, кто плохо об этом подумает, — перевел Вири. — Все равно, история очень странная. А почему масоны надевают подвязку во время обряда посвящения?

— Господи, нам пора идти! — воскликнул сэр Джон. — Мы не можем торчать здесь вечно и обсуждать пикантные моменты средневековой истории!

Они обошли пресс и выбрались из сарая на поляну, которую со всех сторон обступали могучие дубы. На поляне, неподалеку от сарая, возвышалась мраморная статуя Афродиты, похожая на призрак.

— Языческие божки, — пробурчал Вири, увидев статую, но в этот раз он скорее мыслил вслух, чем старался оскорбить род Бэбкоков.

После мрачного подземелья и неприятного разговора у винного пресса лес приятно взбодрил сэра Джона. Несколько минут назад священник показался ему совершенно слабоумным. А может быть, сэр Джон просто принял чересчур близко к сердцу нелестные слова о своем эксцентричном прапрадеде? Тайная поляна, посвященная вину и Афродите... слухи о связях прапрадеда с клубом вольнодумцев и распутников... сомнения в чистоте крови... голубые подвязки... белые пятна...

Вири шел быстро, несмотря на возраст. Сэр Джон вспомнил, что шотландские горцы известны своим долголетием, а некоторые из них даже становятся отцами в очень преклонном возрасте. Если бы только они еще не были так охочи рассказывать зловещие байки о привидениях, ведьмах и призраках. Но на севере ночи темнее и холоднее, поэтому они, наверное, чаще встречают всякую нечисть. Называть этих простых и суровых людей суеверными так же опрометчиво, как, скажем, называть всех французов развратниками, а всех итальянцев — предателями. Для того, чтобы понять их верования, нужно пожить рядом с ними.

Сэр Джон вспомнил, что клуб «Адский огонь» избрал своим девизом слова «Делай, что хочешь», которые были написаны над входом в Телемское аббатство, придуманное Рабле. Сэр Фрэнсис Дэшвуд купил для проведения богомерзких сборищ членов клуба заброшенное аббатство, в котором установил гигантский фаллос с надписью «Спаситель мира». Изображение этого символа появилось на фронтисписе безнравственного памфлета «Эссе о женщине», подпольно изданной Джоном Уилксом под псевдонимом «Пего Боруэлл». Когда стало известно, что Уилкс был автором этого памфлета и членом клуба «Адский огонь», его с позором изгнали из Палаты Лордов. Кстати, его выдал граф Сэндуич, который тоже был членом этого клуба, но покинул его после одного ужасного события — однажды во время черной мессы его укусил орангутанг (Уилкс позднее утверждал, что члены клуба только хотели подшутить над графом). Большинству историков все, что связано с «Адским огнем», кажется если не отвратительным, то смешным,

однако сэр Джон все чаще подозревал существование некоей связи между этим странным клубом и современной ему ложе французских масонов «Великий Восток». В этой ложе проповедовались довольно необычные оккультные и революционные идеи, а ее Великим Магистром был загадочный граф Калиостро. Что, если все эти общества, в том числе и зловещих баварских иллюминатов, объединяла тайная традиция черного масонства, которую сейчас продолжает «Ordo Templi Orientis»?

— Я уже слышал эту историю, — внезапно сказал Вири. Лес, в котором они очутились, был настолько густым, что даже сейчас, в полдень, туда проникали лишь отдельные лучи солнечного света. О, мрак среди сиянья, мрак бескрайний!⁶¹

— Какую историю? — рассеянно спросил сэр Джон.

— Историю об Эдуарде III и графине Солсбери, — раздраженно пояснил Вири. — Не знаю, насколько это отвечает истине, но я слышал, что в то время голубая подвязка считалась знаком Королевы Ведьм. Так что король, надев ее на свою ногу, показал всем, что инквизиции, если она осмелится обвинить графиню в колдовстве, придется иметь дело с ним лично. Возможно, этим он спас ей жизнь. Вот в чем истинный смысл слов «Позор тому, кто плохо об этом подумает».

Сэру Джону было неприятно разговаривать на эту тему с помешавшимся от горя горбуном, да еще в темном лесу.

— Зачем королю совершать такой опрометчивый поступок? — раздраженно возразил он. — Может, он тоже был колдуном? Лично я думаю, что сочинители этой байки хотели бросить тень на всю британскую монархию.

— Не знаю, не знаю — сказал Вири. — Человек, от которого я услышал эту историю, еще говорил что-то странное о рыцарских орденах Европы. По-моему, он утверждал, что орден Подвязки представляет собой нечто вроде ядра, интеллектуального центра мирового масонства. Кстати, почему масоны используют подвязки в своих обрядах посвящения?

Что-то быстро пронеслось над их головами, взмахивая крыльями, как летучая мышь. А ведь летучие мыши днем спят, подумал сэр Джон.

— История масонства сложна и запутанна, — сказал он. — Я посвятил ей целую книгу, но не смог найти ответы и на треть важных вопросов. Да, король всегда становится главой ордена По-По-Подвязки, а принц Уэльский — масоном 33-й степени, но в этом нет ничего плохого, уверяю вас. Не забывайте, что покровитель этого ордена — Святой Георгий, а не Сатана.

— Безусловно, — извиняющимся тоном сказал Вири. — Я ведь уже говорил, что тот человек, который рассказал мне все это, был немного странным. Он еще что-то говорил о том, что 26 золотых подвесок, прикрепленных к колье ордена Подвязки, каким-то образом связаны с Масонским Словом, но я ничего не понял. По-моему, это имеет какое-то отношение к еврейской Каббале.

Сэр Джон быстро сосчитал в уме: Йод — 10; Хе — 5; Вау — 6; еще одно Хе — 5. Всего 26. Яхве, Священное Непроизносимое Имя Бога, которое теперь, стараниями «М.М.М.», неразрывно связано в его сознании с безумием и самоубийствами. Оказывается, это имя зашифровано еще и в атрибутах

⁶¹ О, мрак среди сиянья, мрак бескрайний, Затменьё без просвета и надежды На возвращенье дня. — Джон Мильтон, «Самсон-борец» (пер. Ю.Б. Корнеева).

ордена Подвязки!

Над их головами опять пронеслась какая-то тень. Должно быть, обычная птица, ведь летучие мыши днем спят. А «камень не должен блуждать в сумерках». Кто это сказал?

— От всего этого дурно пахнет, — пробурчал Вири. — Мужчины в подвязках, тайные сборища, женщин не допускают. Кстати, тамплиеров тоже обвинили в содомском грехе, не так ли?

— Ради Бога! — взорвался Бэбкок. — Ваше преподобие, зачем вы валите все в одну кучу? Есть истинная масонская традиция, а есть всевозможные псевдомасонские общества, которые проповедуют извращения и ересь. К чему их смешивать?!

Лес становился все гуще и сумрачнее. Где-то рядом снова пролетела птица.

— Я плохо разбираюсь в этих вещах, — скромно признался Вири. — Я просто передаю вам слова человека, который, как я уже сказал, был довольно странным. Видите ли, вокруг тайных обществ всегда рождается множество слухов. Каждый спрашивает себя: если им нечего скрывать, почему они называют себя тайными?

Чем больше этот старый слабоумный дурак извиняется, тем более обидными делаются его слова. Сэр Джон остановился, чтобы положить конец этому нелепому разговору какой-нибудь резкостью, но передумал, увидев, что Вири ужасно бледен, а вокруг его глаз и рта залегли глубокие морщины, словно священника мучила сильная боль. Старик потерял всех своих близких и заслуживает, чтобы к нему относились с терпением. Кроме того, истинный розенкрейцер должен проявлять бесконечное сострадание к тем, кто не посвящен в таинства. Ни сказав ни слова, сэр Джон продолжил путь.

Снова захлопали крылья, но уже где-то далеко позади них. Наверное, это какая-то птица, подумал сэр Джон, досадуя на себя за разыгравшееся воображение.

Лес стал редеть, и вот уже впереди показались башни дома Грейстоков.

— Пришли! — возбужденно воскликнул сэр Джон, снова чувствуя себя мальчишкой, играющим в разбойников. — Теперь мы сможем выбраться отсюда и неожиданно атаковать наших врагов.

XXXIII

Как и обещал Джоунз, Кеннет Кэмпбелл из дома номер 201 на Пол-стрит оказался очень крупным человеком — ростом по меньшей мере в шесть с половиной футов. На стене за спиной Кэмпбелла сэр Джон увидел плакат с его фотографией и подписью «ЛИВЕРПУЛЬСКИЙ КОСТОЛОМ». Не нужно было обладать проницательностью Шерлока Холмса, чтобы догадаться, что Кэмпбелл — борец.

— Вот так я и зарабатываю себе на хлеб, — сказал Кэмпбелл слегка извиняющимся тоном, перехватив взгляд Бэбкока. По-видимому, он угадал в нем аристократа. — Не бог весть какое занятие, но не до гордости, если жрать нечего. Верно, приятель?

Сэр Джон учтиво попытался поддержать разговор.

— Во времена Сократа борьба считалась в Афинах искусством, которым должен был владеть каждый уважающий себя мужчина.

— Сократ? — Кэмпбелл был явно польщен. — Тот малый, который выпил яду, чтобы показать, что не боится всяких тупоголовых уродов? Пардон,

ваше преподобие.

Бэбкок взглянул на вытянувшееся лицо Вири и почувствовал, что вот-вот рассмеется.

— Сократ и вправду был очень отважным человеком, — уклончиво сказал он.

— Отважным? — переспросил Кэмпбелл. — Я служил в армии Ее Величества во время войны с бурами. Я знаю об отваге все, мистер. Это уже не отвага, когда он садится и пьет яд, чтобы кому-то что-то доказать. Вы смогли бы так поступить? А я смог бы? А самый отважный солдат в нашей армии, он смог бы? Да ни за что на свете, черт возьми. Прошу прощения, ваше преподобие. Это не отвага. Это нечто большее.

Ну и ну! Борец с философским складом ума. Хотя вряд ли среди знакомых Джоунза мог оказаться простой атлет. Что-то здесь не так. Еще один из нас? Конечно, задавать этот вопрос не было никакого смысла. Вместо этого сэр Джон спросил:

— Как же тогда назвать то, что сделал Сократ?

— Не знаю, — ответил Кэмпбелл. — Обычному человеку этого не понять. Наверное, это Следующий Шаг, о котором все время говорит Джоунз.

— Сократ был язычником, — неожиданно сказал Вири. — Он изменял жене с другой женщиной и с Алкивиадом, вступив с ним в связь, которая противна природе. Возможно, он был отважным и мудрым человеком, но сейчас, несомненно, горит в аду.

Борец расстроено нахмурился.

— Не будьте таким строгим, ваше преподобие, — с обидой сказал он. — Все мы несовершенны.

К счастью, в этот момент появился Джоунз, и Бэбкок был избавлен от ужасной необходимости слушать, как наивный гигант и самоуверенный карлик обсуждают идеи Сократа.

— Кеннет, дружище! — просиял Джоунз, пожимая руку борца каким-то хитрым и совершенно неизвестным сэру Джону способом. — Отлично выглядишь!

В «Золотой Заре» такое рукопожатие не используется. Может быть, оно из шотландского масонства?

— Наверное, еще лет на пять в этом деле меня хватит, — скромно сказал гигант. — Потом, если не удастся скопить на магазин или паб, вернусь в армию, к своим приятелям.

— В армию? — удивился Джоунз. — Ни в коем случае. Я до сих пор не могу понять, как тебе удалось уцелеть в войне с бурами; только слепой не попадет в такую огромную мишень. Нет, мы не позволим тебе снова рисковать своей жизнью. Помни о сыне вдовы.

Последняя фраза подтвердила догадку сэра Джона. В масонстве Древнего и Принятого Шотландского Устава упоминание о сыне вдовы было кодом для обозначения благотворительной деятельности. Очевидно, Джоунз когда-то был членом шотландской масонской ложи, как и основатель «Золотой Зари» Роберт Уэнтворт Литтл, а Кэмпбелл до сих пор в ней состоит.

— Преподобный Вири, — тепло сказал Джоунз, пожимая руку священнику и похлопывая его по плечу. — Думаю, что никакие слова не передадут всей глубины моего сочувствия. Уверяю вас, что мы — я и Орден, который я представляю, — сделаем все возможное для того, чтобы предотвратить другие трагедии и добиться справедливого возмездия для негодяев, которые виновны в вашем горе.

— Все в руках Божьих, — безучастно произнес Вири. Он снова впал в эмоциональное оцепенение, знакомое всем, кто пережил сильный шок. Это накатывает волнами, подумал Бэбкок, вспомнив свое состояние после смерти родителей.

— Божьих? Нет, так не пойдет! — резко сказал Джоунз, глядя священнику прямо в глаза. Сэр Джон еще никогда не видел Джоунза таким. — Все в наших руках, ибо мы и есть Божьи руки, — торжественно продолжал Джоунз. — Мы посланы в этот мир, чтобы блюсти Его справедливость. Без этой идеи любая религия — не более чем фарс.

Вири отвернулся, с трудом сдерживая слезы.

— Да простит меня Бог, — сказал он, — за то, что я, Его слуга, забыл об этом.

Джоунз смягчился.

— Вы больше никогда об этом не забудете, — сказал он. — Вы больше никогда не будете ни сомневаться, ни отчаиваться. — Он мягко повернул священника лицом к себе и снова посмотрел ему прямо в глаза. — Вы знаете, что я говорю вам только правду.

— Да, я это знаю, — ответил священник, глядя на Джоунза словно замороженный. — Боже мой, кто вы?

— Обычный человек. Но я немного знаком с искусством исцеления. Например, — он прикоснулся ко лбу Вири, — сейчас я чувствую, как боль постепенно выходит из вас. Вы никогда больше не впадете в отчаяние и никогда больше не станете мучить себя вопросами Иова. Очень скоро вам захочется спать.

Бэбкок вспомнил, что розенкрейцеру разрешается заниматься исцелением, но только в исключительных случаях. Все остальное время он должен тщательно скрывать от людей свои необычные способности.

Джоунз поднес руку к груди священника.

— Да, ваше дыхание стало гораздо ровнее. Ваша сердечная чakra успокаивается. — Потом он еще раз повторил:

— Все мы — руки Божьи, и Он действует через нас, если мы Ему позволяем.

Он положил руки на плечи Вири, а потом быстро провел ими вниз по рукам священника и мягко взял его пальцы в свои.

— Вы много страдали, но теперь можете отдохнуть. Помните: «Ибо Он — как огонь расплавляющий»⁶².

Сэр Джон чувствовал необычное возбуждение каждый раз, когда слышал эти слова из Библии в «Мессии» Генделя. Эта часть оратории нравилась ему больше всего. Сквозь него снова текла таинственная энергия вриль, как и в тот раз, когда он впервые прочитал слова «*Igni Natura Renovatur Integra*». Он почувствовал, что эта энергия течет и сквозь преподобного Вири.

— Очень скоро вы заснете, — спокойно добавил Джоунз. Удивительно, но через несколько минут Вири объявил, что ему и в самом деле очень хочется спать. Ливерпульский Костолом проводил старика в спальню и вернулся. Войдя в комнату, он посмотрел на Джоунза с глубоким благоговением.

— Заснул, как дитя, — сказал он. — Каждый раз, когда вы такое делаете, хозяин, у меня мурашки начинают ползать по телу.

⁶² Малах. 3: 2

— Лет семь непрерывных тренировок — и вы сможете делать это так же быстро и легко.

— Что это было — месмеризм? — спросил сэра Джон.

— Да, — ответил Джоунз. — Эта система намного лучше всего, что выдумали в девятнадцатом веке неграмотные последователи Месмера, хотя, на мой взгляд, ею труднее овладеть.

— А что, — поинтересовался Ливерпульский Костолом, — Месмер тоже был в Ремесле?

— Да, в одной из лож «Великого Востока», — ответил Джоунз.

Бэбкок был поражен.

— Но ведь документы свидетельствуют о том, что ложи «Великого Востока» постепенно наполнились баварскими иллюминатами и до сих пор союзничают с «Ordo Templi Orientis».

— Сегодня все и вправду усложнилось, — признал Джоунз. — Названия не значат ровным счетом ничего. Не забывайте о том, что помимо «Золотой Зари» в Европе существует еще по меньшей мере несколько десятков организаций, которые называют себя истинными продолжателями традиции розенкрейцеров. А также о том, что чуть ли не каждая масонская ложа в Англии считает все остальные ложи незаконными. По этой причине существует немало лож с одинаковыми названиями, и «Золотая Заря» не исключение. Есть еще «Золотая Заря» Уэйта, «Золотая Заря» Броуди-Иннеса и так далее, включая ту «Золотую Зарю», которую возглавляет сам негодяй Кроули.

Все страньше и страньше, как сказала Алиса...

— Мне начинает казаться, — осторожно заметил сэра Джон, — что в наши дни новичку не так-то легко понять, в какую оккультную ложу он вступил...

— Названия ничего не значат, — повторил Джоунз. — По плодам их узнаете их.⁶³

— Конечно, — согласился сэра Джон, — но я все же...

— По-моему, сейчас не время обсуждать историю Незримой Коллегии и ее истинных и мнимых последователей, — перебил его Джоунз. — Вы должны кое-что сделать сегодня вечером, да и у меня самого есть кое-какие неотложные дела. Оставим бедного священника здесь, под защитой Ливерпульского Костолома, и двинемся в путь. Король надежно защищен, и нам пора сделать ответный ход.

Прежде чем сэра Джон успел что-либо сообразить, Джоунз буквально вытолкнул его на улицу и запихнул в кэб.

— Я попросил своего секретаря найти мне утренний выпуск инвернесской «Экспресс-джорнэл», — прокричал Джоунз сквозь цоканье лошадиных копыт. — Вот, взгляните на эту статью.

Сэр Джон взял газетную вырезку, которую протягивал ему Джоунз, и прочел:

СЕРИЯ САМОУБИЙСТВ

Новые ужасы озера Лох-Несс

Полиция зашла в тупик

Инвернесс, 23 апреля 1914 года. Инспектор Джеймс Макинтош из

местного отделения полиции столкнулся с загадкой еще более ужасной, чем те, что можно встретить в произведениях Эдгара По и Артура Конан-Дойла...

Сэр Джон бегло просмотрел заметку до конца.

— Понимаете ли вы, что это значит? — спросил Джоунз. — Завтра эта история появится во всех лондонских газетах, помяните мое слово. Она может оказаться самой кровавой сенсацией со времен Джека-Потрошителя. Не пройдет и недели, как ее подхватят газеты по всей Европе.

— Это хорошо или плохо? — спросил Бэбкок, пряча вырезку в карман.

На лице Джоунза отразилось раздражение.

— Хуже не бывает, — терпеливо объяснил он. — Вы уже должны понимать, что отношение человека к миру всецело зависит от его убеждений. Почему, по-вашему, Незримая Коллегия до сих пор остается Незримой? Почему мы не совершаем чудеса на каждом углу и не стараемся обратить в свою веру каждого встречного? Неужели вы не понимаете, что расцвет материалистической философии — лучшее, что когда-либо случилось с Европой?

— Вы говорите загадками, — пожаловался сэр Джон. Туман на улицах начал сгущаться. Сэру Джону показалось, что под размеренное цоканье копыт он погружается в мир еще более таинственный, чем его сны или астральные видения. Джоунз вздохнул.

— Обращали ли вы внимание, — спросил он, — что происходит, когда в какой-нибудь газете появляется заметка о доме с привидениями? В течение недели в разных частях страны обязательно обнаруживается еще несколько таких домов. Вы не могли совершать астральные путешествия, пока не поверили в то, что способны это делать. Каббала была для вас бессмыслицей, пока вы не поверили, что в ней есть смысл. Как вы думаете, почему Будда сказал: «То, чем мы являемся, есть результат того, что мы думаем». И почему мы стараемся вбить в голову каждому новичку, что «страх — поражение и предвестник поражения»? Да потому что каждый из нас видит и ощущает только то, что он готов увидеть и ощутить. Если подобная заметка появится во всех газетах, тысячи — нет, сотни тысяч людей станут уязвимыми для сил тьмы, так как поверят в их существование. Каждый, кто прочитает об этих темных силах, рискует стать их жертвой. Книжки на подобные темы — чистый яд. Вот почему мы не только не боремся с материализмом и атеизмом, но и стараемся всячески помогать их распространению!

— Вы... помогаете? — сэр Джон был изумлен до глубины души.

— Конечно! — воскликнул Джоунз. — Как вам известно, древние мистерии были доступны только узкому кругу посвященных, только элите. Причиной тому был не снобизм аристократии, а практическая мудрость. Чем меньше простой человек знает о подобных вещах, тем лучше для него. С этими Силами может совладать только тот, кто прошел особую подготовку, причем как интеллектуальную, так и моральную.

Сэр Джон на несколько минут задумался.

— Несомненно, такой подход покажется вам политически неграмотным, — продолжил Джоунз. — Но он дает отличные результаты. У необразованных масс есть примитивная вера, которая в большинстве случаев защищает их от темных сил вроде тех, которые разбушевались в Лох-Несс. У не менее бессознательных тупиц, которых целыми легионами выпускают

наши университеты, есть примитивный скептицизм, который тоже их защищает. Все довольны и счастливы. Человечество наилучшим образом приспособлено к научному веку, по крайней мере до тех пор, пока не изменится человеческая натура. Если же обычный человек отбросит веру и скептицизм и начнет экспериментировать с темными, непознанными силами — как это делали вы, — он лишится рассудка уже через несколько месяцев, если у него не будет такого наставника, каким был для вас я.

— Действительно, — сказал сэр Джон. — Этот подход противоречит либеральным принципам, но вы правы. Мне никогда не удалось бы выполнить некоторые астральные эксперименты самостоятельно. Простым людям действительно не стоит совать свой нос в эти сферы.

— Вера — для необразованных, скептицизм — для полуобразованных дураков, — повторил Джоунз. — Так должно быть, пока все люди не подготовятся как следует к встрече с Тем, Кого мы называем Священным Ангелом-Хранителем, огнем расплавляющим.

Как и четыре года назад, сэр Джон услышал в цоканьи лошадиных копыт ритм алхимического стиха:

Ты не верь своим глазам
Ни на солнце, ни в тени:
Краски, формы — все обман,
Маскарад у Сатаны.

В тот момент Незримый Мир показался ему гораздо более реальным, чем мир материальный, почти полностью скрытый от его глаз плотной завесой лондонского тумана.

— Куда мы направляемся? — спросил сэр Джон.

— Я собираюсь встретиться с главой Незримой Коллегии Креста и Розы, в первый раз за последние семь лет, — сказал Джоунз. — По дороге я высажу вас у книжного магазина «М.М.М.» на Джермин-стрит.

— Что???

Джоунз улыбнулся.

— Да-да, вы не ослышались. Вам пора заглянуть внутрь Черной Башни. Уверяю вас, вы сами будете в полной безопасности, но ваш визит вызовет замешательство в стане наших врагов.

Я знал, что рано или поздно все кончится именно этим.

— Взгляните на это, — сказал Джоунз, извлекая из кармана пальто какой-то необычный предмет пятиугольной формы. Сэр Джон попытался было как следует рассмотреть эту странную вещицу, но был ослеплен ярким светом, который, казалось, вырывался из нее мощным потоком.

— Что это?

— Пентакль, подобный тем, которые используются почти во всех магических ритуалах. Он содержит в себе всю духовную силу, накопленную нашим Орденом за четыре с половиной тысячи лет своего существования — ибо мы существуем гораздо дольше, чем вы когда-либо предполагали. У этого пентакля очень сложная форма, специально рассчитанная в соответствии с законами оптики.

Сэр Джон обнаружил, что, несмотря на все свои попытки, не может отчетливо увидеть вещицу, которую держал в руке Джоунз.

— Это как склеп Христиана Розенкрейца? — спросил он.

— Это и есть его склеп, — ответил Джоунз. — Я имею в виду, точная

копия. Свет внутри склепа Христиана Розенкрейца ослепителен потому, что цвет, который отражает каждая грань — а их тысячи, даже у этой миниатюрной копии — дополняет цвета, отражаемые соседними гранями. Форма и количество этих граней рассчитаны в точном соответствии с оптическими и геометрическими законами. Таким образом, свет отражается, преломляется и рассеивается множеством призм, потому кажется таким ярким и необычным. Этот пентакль — точная каббалистическая модель мироздания, ибо каждая его часть содержит и отражает все остальное. Это и есть Единый Свет. Красиво, не правда ли? Но это только маленькая модель, и она дает лишь частичное представление о божественном свете, который вы однажды увидите, если в вашей жизни произойдет то, что мы так неточно называем Знанием и Общением Святого Ангела-Хранителя.

Сэр Джон почувствовал, что начинает галлюцинировать.

— Он действует как эфир, — удивленно сказал он, — или какой-нибудь экзотический наркотик вроде гашиша...

— В первый раз не следует смотреть на него слишком долго, — сказал Джоунз. — Возьмите его и положите в нагрудный карман жилета, поближе к сердцу. Пока талисман с вами, вам нечего бояться.

Сэр Джон взял талисман, который продолжал ослепительно сиять, и положил в карман, почувствовав при этом легкое и приятное покалывание в груди.

— Боже мой, — сказал он. — Я его чувствую. Теперь я готов встретиться с самим дьяволом.

— Ваша задача будет гораздо проще, — усмехнулся Джоунз. — Все, что от вас требуется, — посетить лекцию Алистера Кроули. Если мои суждения об этом человеке верны, он узнает о талисмане и вашем кармане в тот самый момент, когда вы войдете в зал. После лекции он непременно подойдет к вам и попытается хитростью заполучить его. Но ни Кроули, ни кто-либо другой не может забрать у вас талисман без вашего согласия. Поэтому не поддавайтесь ни на какие уговоры. Встретимся у меня дома через два часа. Это все.

— Просто сходить на лекцию? Но зачем?

— Вскоре вы сами поймете это, и намного лучше, чем я мог бы вам объяснить за те несколько минут, которые еще у нас остались. Вы очень удивитесь, но и это входит в мой план. Мистер Кроули окажется поразительно непохожим на того злодея, которого вы до сих пор себе представляли, и вы узнаете, что реальность существенно отличается от ваших искаженных страхом представлений о ней. Это будет для вас важным уроком. Понимаете?

Я пройду по долине скорби,
Я пройду по ней сам.

— Да, — ответил сэр Джон и улыбнулся. — Истинное посвящение длится вечно.

Джоунз улыбнулся в ответ.

— Ты справишься, парень, — сказал он. — Еще ни в одном из своих учеников я не был так уверен.

— Джермин-стрит! — крикнул кучер и наклонился, чтобы получше рассмотреть номера домов. — А вот и дом 93, как вы просили.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Истина! Истина! Истина! кричит Владыка Бездны Галлюцинаций... Эту Бездну еще называют «адам», или «множеством», или «сознанием», или «миром»...

Алистер Кроули, «Книга лжей»

XXXIV

Сэр Джон пробрался сквозь густой туман на противоположную сторону улицы, толкнул дверь с надписью «М.М.М. Окультизм и мистические книги всех времен и народов» и вошел внутрь. Вот она, Темная Башня, подумал он, ожидая увидеть если не чертей с рогами и раздвоенными хвостами, то что-нибудь не менее страшное и отвратительное.

Вместо этого он увидел ряды книжных полок, между которыми бродили совершенно обычные на вид покупатели. Книги были самыми разными — от новых фолиантов с обложками, сверкающими дорогой позолотой, до потрепанных брошюр с загнутыми уголками. Они были расставлены в определенном порядке, и на полках висели аккуратные таблички: ДАОСИЗМ, БУДДИЗМ, ВЕДАНТА, КАББАЛА, СУФИЗМ, ТЕОСОФИЯ, ПСИХИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ — успел заметить сэр Джон. Судя по всему, магазин вполне оправдывал свое название. Сэр Джон понял слова Джоунза о том, как глупо было бы просить Скотланд-Ярд установить наблюдение за таким магазином в этой свободной стране в этот просвещенный век.

Большой плакат на стене гласил:

СЕГОДНЯ В ВОСЕМЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА

«Солдат и Горбун»

Лекция сэра Алистера Кроули

о мистицизме и рационализме.

Вход бесплатный.

Под этой надписью на плакате была фотография Кроули: бесстрастное лицо, глаза пристально смотрят прямо в камеру. Сэр Джон подумал, что Кроули, должно быть, ввел себя в себя в глубокий транс, когда его фотографировали. Лицо на снимке не было ни красивым, ни уродливым (сэр Джон вспомнил, что в молодости Кроули считали самым красивым юношей в Лондоне; однако сейчас, судя по фотографии, ему было уже за сорок). Это было лицо человека, который в совершенстве владеет собой.

Сэр Джон еще раз прочитал название лекции. Предположим, горбун — это Вири, тогда кто же солдат? Я? Джоунз? Кроули? И может быть, я переоцениваю способности противника, и в этом названии нет никакого скрытого смысла?

К одной из полок была прикреплена табличка «ORDO TEMPLI ORIENTIS» — так назывался тайный масонский орден, которому принадлежал магазин и который заставлял своих членов подписывать три экземпляра нигилистического «Акта Веры», начинающеюся словами «Нет Бога, кроме Человека». Сэр Джон с интересом подошел к этой полке. В основном там были брошюры или старые книги таких авторов, как Карл Келльнер, Адам Вейсгаупт, Леопольд Энгельс, П. Б. Рэндолф, Теодор Ройсс — эти книги были

почти все на немецком, — но встречались и труды самого Алистера Кроули.

Сэр Джон взял с полки книгу Кроули с откровенно-бесстыдным названием «Книга лжей». Надпись на титульной странице гласила:

**КНИГА ЛЖЕЙ КОТОРАЯ ТАКЖЕ ОШИБОЧНО НАЗЫВАЕТСЯ
РАЗРЫВЫ
БЛУЖДЕНИЯ И ИСКАЖЕНИЯ
ОДНОЙ МЫСЛИ
БРАТА ПЕРДУРАБО
КОТОРАЯ САМА ПО СЕБЕ
НЕВЕРНА**

Сэр Джон невольно усмехнулся. Эта была разновидность логического парадокса Эмпедокла: «Критянин Эмпедокл утверждает, что все критяне лжецы. Правду ли говорит Эмпедокл?». Если Эмпедокл говорит правду, его утверждение «все критяне лжецы» тоже должно быть правдой, а это значит, что он лжет. С другой стороны, если Эмпедокл лжет, тогда утверждение «все критяне лгут» тоже является ложью, а это значит, что он может говорить правду. Титульная страница книги Кроули представляла собой еще более сложную головоломку. Если книга «также ошибочно называется „Разрывы“», это значит, что и первое название является ошибочным, и это вовсе не книга лжей. Кроме того, это «искажения... одной мысли... которая сама по себе неверна»; отрицание же ложного есть истина. Или нет?

Сэр Джон перевернул страницу. Первая глава состояла всего из одного символа — знака вопроса:

?

Ну что ж, это по крайней мере лаконично, если сравнивать с заглавием.

Сэр Джон открыл вторую главу. Она оказалась не менее лаконичной:

!

Что это еще за шутки? Сэр Джон открыл третью главу, и тут у него закружилась голова.

Ничего нет.

Ничто не возникает.

Есть лишь Ничто.

Первые два предложения свидетельствовали о крайнем нигилизме автора, третье представляло собой тот же самый парадокс Эмпедокла, ибо противоречило самому себе. Если «ничто» существует, значит, «что-то» все-таки есть.

Сэр Джон начал с интересом листать необычную книгу. В главе семьдесят седьмой он наткнулся на фотографию Лолы Левин с подписью: «L. A. Y. L. A. H.». В сущности, глава состояла только из одной этой фотографии. Лола позировала полуобнаженной, однако — по-видимому, автор решил сделать уступку суровой английской морали — большая часть ее груди была стыдливо прикрыта красивыми длинными волосами, которые волнами ниспадали с ее плеч.

У сэра Джона возникла догадка, и он решил ее проверить. Итак, Ламед — 30, плюс Алеф — 1, плюс Йод — 10, плюс еще раз Ламед — 30, плюс еще раз Алеф — 1, плюс Хе — 5, итого 77. Совпадает с номером главы. К тому же Laylah — это не только одно из написаний имени «Лола», но и «ночь»

по-арабски. А число 77 также соответствует необычному древнееврейскому слову «оз», которое значит либо «смелость», либо «грамота». Тому, кто сведущ в каббалистике, эта фотография и подпись под ней говорили, что Лола — жрица, воплотившая в себе Ночь Пана, растворение эго в пустоте...

Сэр Джон решил купить «Книгу лжей», подумав, что будет интересно и даже полезно получше разобраться в образе мыслей Врага, какими бы парадоксальными и необычными ни были его действия. Он подошел к кассе и с изумлением обнаружил, что за конторкой восседает сама Лола Левин. Вспомнив фотографию, которую только что рассматривал, он покраснел до ушей и, запинаясь, произнес:

— Я возьму вот это.

— Один фунт и шесть пенсов, сэр, — произнесла Лола равнодушно-приветливым тоном, как и подобает продавцу в книжном магазине. Если она и узнала сэра Джона, то ничем себя не выдала. Скорее всего, подумал он, Лола на самом деле его не помнит, ведь в этом, обычном, мире они встречались лишь однажды, да и то три года назад. Но неужели те астральные видения, в которых она старалась соблазнить его, были всего лишь игрой его возбужденного воображения? Или они были такими же реальными, какими казались, просто сейчас Лола очень талантливо притворяется, что не знает его? Очевидно, это был метафизический эквивалент парадокса Эмпедокла.

Полная пожилая женщина сказала с корнуолльским акцентом, обращаясь к Лоле:

— Пожалуй, я останусь послушать лекцию этого Крули!

— Меня зовут Кроули, — поправил ее голос, донесшийся от двери.

Сэр Джон обернулся и увидел Алистера Кроули, который в этот момент вежливо кланялся пожилой женщине. Это был джентльмен среднего роста в строгом костюме в полоску, с которым резко контрастировал ярко-синий шарф, завязанный на шее вместо галстука. Эту пеструю картину довершала зеленая шляпа с лихо заломленными полями. Такой наряд скорее подошел бы парижскому художнику, который кичится своим успехом; для лондонца же он был слишком эксцентричен.

Пожилая женщина из Корнуолла с любопытством разглядывала Кроули.

— Вы и есть тот Великий Маг, о котором все говорят?

— Нет, я самый заклятый враг этого Великого Мага, — без раздумий ответил Кроули и с надменным видом быстро прошел мимо нее.

На лице женщины отразилось глубокое недоумение.

— Что он имел в виду? — спросила она, переводя взгляд с Лолы на сэра Джона.

Сэр Джон понял, что имел в виду Кроули, но решил не тратить время на объяснения. Кроули направлялся в зал для лекций, и сэр Джон поспешил за ним, чтобы успеть занять одно из передних мест, откуда он мог бы хорошенько разглядеть Хозяина «М.М.М.». Парадокс, смысл которого не дошел до пожилой леди, был совершенно в духе Кроули: он, конечно же, имел в виду гностическое учение, согласно которому мир, воспринимаемый нашими органами чувств, — это иллюзия, которую дьявол создал, чтобы помешать человечеству увидеть Единый Божественный Свет. Довольно странная шутка для сатаниста, хотя некоторые гностики утверждали, что Иегова, творец материального мира, на самом деле был Дьяволом, Великим Магом. По их словам, Библия начинается с буквы Бет потому, что в Таро этой букве соответствует Маг, Владыка Бездны Галлюцинаций...

Лекционный зал быстро заполнялся, и сэр Джон поспешил занять место в первом ряду. Кроули стоял с опущенной головой и закрытыми глазами — очевидно, читал про себя какое-то заклинание или медитировал, готовясь к лекции. На стене за его спиной висела большая серебряная звезда, в центре которой был изображен глаз. Сэр Джон вспомнил, что это символ одновременно богини Исиды и созвездия Пса.

— Делай, что хочешь, — вот весь закон, — внезапно произнес нараспев Кроули, после чего поднял голову и со странным выражением лица оглядел собравшихся. — В великом Ордене, который я представляю, — продолжал он, — этой фразой принято начинать все церемонии и лекции. Подобно шекспировскому декдему⁶⁴ это превосходный ритуал изгнания дураков, большинство из которых покидают зал, как только слышат эти слова. Так как сегодня массового бегства не наблюдается, похоже, произошло чудо, и я впервые вижу перед собой аудиторию, в которой не преобладают дураки.

Сэр Джон невольно улыбнулся.

— Сегодня мы поговорим о солдате и горбуне. Это поэтические метафоры, которые я постоянно использую для обозначения двух очень интересных знаков препинания, которые используются во всех европейских языках. Я имею в виду восклицательный знак и знак вопроса. Пожалуйста, пока что не старайтесь искать в моих словах более глубокий смысл. Я называю восклицательный знак «солдатом» только потому, что он напоминает мне солдата, стоящего на посту по стойке «смирно». Знак вопроса я называю «горбуном» гоже исключительно из-за его характерной формы. Повторяю, пока что в моих словах нет никакого скрытого смысла.

Сэр Джон вспомнил первые две главы «Книги лжей», которые состояли только из «?» и «!».

— Знак вопроса, или горбун, появляется во всех важнейших философских проблемах, которые волнуют человечество: Почему мы здесь? Какая сила нас сюда поместила? Можем ли мы что-либо изменить и если можем, то как это сделать? С чего начать? Где искать мудрость? Почему я появился на свет? Кто я? Эти вопросы возникают в вашем уме каждую минуту, если только он не занят мыслями о том, как выжить — это в том случае, если вы бедны или сознательно выбрали жизнь, полную риска.

Как правило, для того, чтобы избавиться от этих вопросов, вы либо даете стандартные ответы вашего племени, либо говорите себе, что на них невозможно ответить. Но некоторых людей не устраивает ни слепая традиция, ни пассивный агностицизм, и поэтому они начинают искать свои ответы, руководствуясь личным опытом. Можно сказать, что обычные люди пребывают в глубокой спячке, сами того не осознавая. А тот, кто задает вопросы, старается пробудиться.

Солдат же, или восклицательный знак, символизирует прозрение в момент ответа на вопрос, как, например, в восклицаниях «Ага!» или «Эврика!».

А сейчас я познакомлю вас с двумя самыми неприятными горбунами, которых я знаю, — сказал Кроули с озорной улыбкой. — С ними сталкивается каждый, кто приходит к нам в Орден в поисках Света. Вот они:

Первый: Почему из всех учителей вы выбрали именно меня?

⁶⁴ «Что это значит — декдем? ...Это греческое заклинание, чтобы заманивать дураков в заколдованный круг» — Шекспир, «Как вам это понравится» (пер. Т. Щепкиной-Куперник).

Не ищем ответов
Мы в стенах церквей;
Наука — наш метод,
Религия — цель⁶⁵.

— Прекрасные слова! — восторженно воскликнул он. — Да святится имя мудреца, который их написал!

Сэру Джону становилось все труднее понять, с кем он имеет дело — с величайшим мудрецом или отъявленным мошенником и пустозвоном. С одной стороны, Божественное Ничто, о котором говорил Кроули, очень напоминало Небытие и Пустоту — центральные понятия буддизма и даосизма. С другой стороны, трудно представить себе более подходящую тему для того, чтобы изрекать с глубокомысленным видом всякую чушь. Но если Кроули говорил всерьез, то получается, что все сказанное о бесконечности само по себе является Ничем в сравнении с этой бесконечностью, и тогда...

Сэр Джон глубоко задумался и очнулся только когда Кроули закончил, и в зале раздались несмелые аплодисменты. На большинство собравшихся лекция Кроули произвела тот же эффект, что и на сэра Джона, — они были совершенно сбиты с толку.

— Теперь, — небрежно сказал Кроули, — вы можете избавиться от бремени мыслей, которые занимали вас все это время, пока вы притворялись, что внимательно меня слушаете. Но сначала, как того требуют приличия и правила проведения публичных лекций, вы должны придать этим мыслям форму вопросов. В зале раздался нервный смешок.

— Как насчет Христа? — выкрикнул краснолицый мужчина с усами как у моржа. Судя по всему, он был раздражен гораздо сильнее остальных. — Вы ровным счетом ничего не сказали о Христе! — обиженно добавил он.

— О, простите мне это досадное упущение! — с преувеличенным раскаянием произнес Кроули. — Действительно, как насчет Христа? Что касается меня, то я не виню его в существовании религии, которую ему навязали посмертно. Пожалуйста, следующий вопрос — дама в заднем ряду.

— Как вы думаете, социализм неизбежен?

Интересно, подумал сэр Джон, когда Кроули почувствует талисман и попытается им завладеть? Он с ужасом признался самому себе, что сомневается в своей способности устоять перед натиском Кроули, который, как и подобает истинному слуге дьявола, обладал незаурядным шармом, магнетизмом и харизмой.

— Многое в этом мире не зависит от нашей воли, — отвечал Кроули. — Приливы и отливы. Времена года. Тот факт, что вопросы после лекции почти никогда не связаны с темой этой лекции.

Что ты ищешь? Свет. Бесконечный свет: Айн Соф Аур. Свет во тьме светит, и тьма не объяла его...⁶⁶

— А как насчет Магической Воли? — неожиданно для самого себя выпалил сэр Джон после того, как Кроули ответил на предыдущий вопрос и в зале воцарилась тишина.

— А! — воскликнул Кроули. — Вот это действительно Важный Вопрос! —

⁶⁵ Автор этого четверостишия — сам Кроули.

⁶⁶ Иоанн, 1: 5.

Каким-то образом ему удалось произнести оба последних слова с большой буквы. — Для того, чтобы ответить на этот вопрос, одних лишь слов мало, нужны вещественные доказательства. Лейла, — позвал он, глядя в зал, — принеси мне, пожалуйста, психобулометр.

Из глубины зала появилась Лола и подошла к нему, неся в руках какой-то странный инструмент, похожий на средневековое орудие пыток.

— Во-первых, существует сознательная воля, — произнес Кроули, глядя прямо на сэра Джона. — Все мы постоянно стараемся ее проявить: «Я брошу курить», «Я не буду изменять жене» и тому подобное. В девяносто девяти случаях из ста эти слова остаются только словами, так как вступают в конфликт с той силой, которая нами управляет на самом деле — бессознательной волей. Бессознательную волю невозможно сломить. Сегодня психологи с удивлением открывают для себя то, что мистикам было известно с незапамятных времен: если подавлять бессознательную волю, она завладевает нами ночью и воздействует на наши сны. А иногда она завладевает нами и днем, заставляя совершать странные и необъяснимые поступки. Магическая воля — это нечто гораздо большее. Она включает в себя и сознательную, и бессознательную волю, превосходя их. Я бы даже сказал, что тот, кому удалось совершить акт магической воли, может считать Великое Делание выполненным. В святейшей из всех святых книг по этому поводу сказано так: «У тебя нет иного права, кроме права исполнять свою волю». Вы заблуждаетесь, если думаете, что без магических знаний вам когда-нибудь удастся исполнить свою истинную волю... Но я увлекся пустыми словами, которых обещал избегать, поэтому давайте поскорее перейдем к практике. Итак, вот прибор, с помощью которого я постараюсь ответить на вопрос джентльмена из первого ряда. Есть ли среди вас желающие продемонстрировать силу своей сознательной воли?

— Пожалуй, я попробую, — сказал сэр Джон, поражаясь собственной храбрости. — Это будет справедливо, ведь именно я задал этот вопрос, — добавил он смущенно.

— Ну что ж, отлично! Пожалуйста, подойдите сюда, сэр, — сказал Кроули с ухмылкой, которая показалась сэру Джону зловещей. — Перед вами, — громко продолжал Кроули, поднимая над столом орудие пыток так, чтобы его могли видеть все, — одно из приспособлений, изобретенных монахами-доминиканцами для укрепления религии, которую, как я уже сказал, посмертно навязали Христу. — Он поставил хитроумное устройство на стол. — Они использовали его в качестве орудия пыток, а мы попытаемся использовать его для измерения силы воли.

Сэр Джон стоял рядом с Кроули, с опаской поглядывая на предмет, о котором говорил Кроули.

— Вставьте сюда большой палец, сэр, — небрежно предложил Кроули.

— Что??? — воскликнул сэр Джон, не веря своим ушам.

— Просто вставьте в это отверстие большой палец, — невозмутимо повторил Кроули, — затем поверните винт. Вот эта стрелка — небольшое усовершенствование, которое я внес в эту игрушку, — покажет, насколько сильную боль вы можете вынести, используя только лишь обычную волю. Если стрелка дойдет до цифры 10, у вас железная воля, если останется на нуле — вы бесхребетный слабак. Неужели вам не интересно испытать себя?

Сэр Джон почувствовал, что все в зале внимательно смотрят на него. Он хотел крикнуть: «Не такой я дурак, чтобы издеваться над собой вам на потеху», но странное дело: страх публичного позора и обвинения в трусости

оказался сильнее страха боли, и он промолчал. Вот так, наверное, люди соглашаются служить в армии...

— Пожалуйста, — холодно произнес он, вставляя палец в отверстие.

Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколот дров для всежжения, и встав пошел на место, о котором сказал ему Бог.

Было же около шестого часа дня, и сделалась тьма по всей земле до часа девятого.

И померкло солнце, и завеса в храме разодралась по середине.

И взял Авраам дрова для всежжения, и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе.

Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух.

— Стрелка дошла только до цифры два, — сказал Кроули. — Что подумают о вас присутствующие?

— Черт возьми! — яростно прошептал сэр Джон, чувствуя, как по спине катится холодный пот. — С меня хватит! Теперь посмотрим, на что способны вы с вашей магической волей!

— Хорошо, — спокойно сказал Кроули. — Спасибо, вы можете садиться.

Сэр Джон вернулся в зал и занял свое место. Кроули вставил большой палец в страшный механизм и начал медленно затягивать винт. На его лице не дрогнул ни один мускул; сэру Джону показалось, что он вошел в транс. Под испуганные вскрики и вздохи аудитории стрелка медленно проползла через всю шкалу и замерла на цифре 10.

— Надеюсь, — сказал Кроули, — вы примете этот небольшой эксперимент в качестве доказательства существования магической воли?

Ответом ему был шквал аплодисментов.

— Это также будет хорошей иллюстрацией к тому, что я говорил о солдатах и горбунах. Первое правило нашей магии: не верь ничему из того, что слышишь, и подвергай сомнению почти все из того, что видишь.

Кроули повернул психобулометр и показал всем, что винт отсоединен от механизма — по-видимому, он незаметно сделал это минутой ранее, — и поэтому как бы он его ни затягивал, его пальцу ничего не угрожало. В зале послышались возгласы недовольства.

— О, — воскликнул Кроули, — вы чувствуете себя обманутыми? Тогда вот что я вам скажу: вы обманываетесь точно так же всякий раз, когда эмоции или предрассудки мешают вам увидеть то, что находится у вас перед глазами. За каждым солдатом нужно искать горбуна.

Люди начали расходиться, возбужденно переговариваясь, словно стая шимпанзе, которые только что нашли зеркало.

Сэр Джон увидел, что Кроули сошел со сцены и приближается к нему.

— Сэр Джон Бэбкок, — тепло сказал Кроули, — вы когда-нибудь слышали историю о человеке, у которого в чемодане был мангуст?

Кроули по крайней мере не притворялся, что не знает сэра Джона, чего нельзя было сказать о Лоле.

— Мангуст? — осторожно переспросил сэр Джон.

— Дело было в поезде, — сказал Кроули. — У этого парня под сиденьем лежал чемодан. «Что там у вас в чемодане?» — поинтересовался второй пассажир. «Мангуст», — ответил он. «Зачем вам понадобился мангуст?». «Видите ли, — сказал наш герой, — иногда мой брат напивается до чертиков, и ему повсюду мерещатся змеи. Тогда я выпускаю своего мангуста, и он с

ними разделяется». Его попутчик был совершенно сбит с толку этой логикой. «Но ведь змеи-то воображаемые!» — воскликнул он. «Ха! — сказал наш герой, — так ведь и мангуст тоже воображаемый!»

Сэр Джон нервно рассмеялся.

— Точно так же и с талисманами, — сказал Кроули. — Воображаемый страх взбирается вверх по призрачной лестнице. Продолжайте носить этот пентакль в кармане, если вам от этого спокойнее. К сожалению, сейчас мне пора идти, но мы обязательно встретимся снова.

Сэр Джон растерянно застыл на месте, провожая глазами Кроули. Тот подошел к выходу из зала, поцеловал Лолу, которая уже давно его ждала, и что-то прошептал ей. Они обернулись, помахали сэру Джону на прощанье и скрылись в дверях.

XXXV

Приехав к Джоунзу в Сохо, сэр Джон первым делом подробно изложил все, что видел и слышал в загадочном книжном магазине.

— Кроули даже не попытался выманить у меня талисман, — растерянно закончил он свой рассказ. — Ему вообще было на него наплевать.

— У него и вправду железная воля, — признал Джоунз, — но пусть его игра не вводит вас в заблуждение. Он знает, что мы готовимся нанести удар, и боится нас.

— Вы в этом уверены? — с сомнением спросил сэр Джон.

— Нам обоим нужно хорошенько выспаться, — сказал Джоунз, пропуская мимо ушей его вопрос. — Я провожу вас в комнату для гостей. Перед сном поразмышляйте немного над притчей о воображаемом мангусте. У нее много смыслов...

Расположившись в своей комнате, сэр Джон почувствовал, что у него совсем не осталось сил размышлять о мангусте, и, едва добравшись до кровати, сразу же провалился в глубокий сон. На следующее утро он так и не смог в точности вспомнить, что ему снилось, хотя некоторое время после пробуждения у него сохранялись какие-то неясные воспоминания о сэре Талистере Кроули и гигантском мангусте, который преследовал его в коридорах Черной Башни.

Умывшись и одевшись, сэр Джон вспомнил о «Книге лжей», которую купил вчера в «М.М.М.» Он решил прибегнуть к гаданию по книге и воспользоваться своим Врагом в качестве оракула. Раскрыв книгу наугад, он прочитал:

Прогуливаясь по лесу, Бог встретил жука. «Стой! Поклоняйся мне! — сказал Бог. — Ибо я Величайший, Добрейший, Мудрейший... Звезды — лишь искры, летящие из кузниц Моих кузнецов...»

«Воистину, аллилуйя и аминь, — сказал жук, — во все это я верю, причем искренне».

«Тогда почему же ты не поклоняешься мне?» «Потому что я существую, а ты — всего лишь игра моего воображения».

Ветер рассмеялся, и листья в лесу прошелестели ему в ответ.

И сказали Ветер и Лес: «Они оба ничего не знают!»

«Гром и молния!» — вскричал сэр Джон. Жук отрицает Бога, а ветер и лес отрицают и того, и другого. Та же притча о воображаемом мангусте, только с более сложным смыслом.

Спускаясь по лестнице в столовую, сэр Джон решил немного

поэкспериментировать с солипсизмом. Допустим, что не существует ни богов, ни жуков, или даже что весь мир представляет собой Бездну Галлюцинаций, дьявольский маскарад, как это утверждали гностики. Но мы не можем не учитывать аргумент Юма: такой же скептицизм каждый из нас может обратить и против Себя. Действительно ли Я существую? Может быть, существуют только ветер и лес, у которых нет эго? Могут ли воображаемые страхи спуститься по призрачным лестницам?

Джонсон опроверг эту философию, пнув ногой камень. Сэр Джон опровергнул ее, вспомнив, что голоден как волк. Запах вареных яиц и горячих булочек был достаточно реальным для того, чтобы пробудить в нем аппетит, а его желудок был достаточно реальным для того, чтобы требовать пищу.

К своему удивлению, он обнаружил в своей столовой Джоунза и преподобного Вири, которые мирно завтракали.

— Но я думал... Мы ведь решили, что ему безопаснее оставаться под охраной Ливерпульского Костолома, — недоуменно произнес сэр Джон.

— Наши планы изменились вчера вечером, после того, как я поговорил с главой Ордена. Все гораздо серьезнее, чем я предполагал, — сообщил ему Джоунз. — Теперь мы втроем должны нанести неожиданный визит мистеру Алистеру Кроули. Сэр Джон сел за стол.

— Еще один талисман? — с иронией поинтересовался он.

— Нет, — ответил Джоунз. — Никаких талисманов. В этот раз его будет ждать настоящий сюрприз. Но сначала вам нужно подкрепиться, сэр Джон. Взгляните на эти булочки — они просто восхитительны!

Сэр Джон решил на время прекратить расспросы, ибо на самом деле был голоден как волк.

Вири читал ту же газетную заметку, которую Джоунз показал сэру Джону накануне вечером.

— Здесь полно ошибок, — пожаловался он. — Бобби Макмастеру уже давно не 43; по-моему, он даже старше меня. Женщина без головы появилась в наших краях не позавчера, а несколько веков назад, еще раньше, чем призрак Анны Болейн в лондонском Тауэре. Почему репортеры всегда все перевирают?

— Это хорошо объяснил Бернард Шоу, — сказал Джоунз, добавляя в чай лимон на французский манер. — Почти во всех других профессиях от человека требуется способность внимательно наблюдать и точно передать увиденное. Репортеру же это не нужно, так как его задача — писать сенсационные истории, которые увеличивают тираж газеты. Тот, кто не способен наблюдать и не может похвастаться хорошей памятью, терпит неудачу в серьезных профессиях и в конце концов становится репортером.

— Точно! — согласился сэр Джон. Его тоже часто занимал вопрос, почему газетчики все время врут. Любой химик или бакалейщик, если спросить его, что он ел на завтрак, ответит точно и без лишних слов — яйца, ветчину, булочки и чай. Если же спросить об этом журналиста, он подробно и путано расскажет вам об овсянке, беконе, тостах, причем обязательно приплетет какую-нибудь оргию и убийство.

Истина! Истина! Истина! кричит Владыка Бездны Галлюцинаций... «Несси» была реальностью практически для всех обитателей Инвернесса; «Несси» была мифом согласно всем «экспертам», которые никогда не бывали в том месте.

— Кстати, — обратился сэр Джон к Джоунзу, — я заметил, что вы всегда

называете Кроули «мистером», хотя на объявлении, которое я видел вчера вечером в «М.М.М.», было написано «сэр». — Кроули — сын пивовара, — сказал Джоунз. — Однако он считает, что у него есть право называться «сэром». В девяностые годы Кроули, будучи очень романтичным и жаждущими приключений молодым человеком, еще не испорченным черной магией, примкнул к карлистам, и дон Карлос лично посвятил его в рыцари.

— Но, — возразил сэр Джон, — дон Карлос был не королем, а лишь претендентом на трон.

— Для вас, меня и прессы это так. Кроули же до сих пор считает, что дон Карлос был настоящим монархом, а Виктория — претенденткой на трон. Поэтому в его представлении титул «сэр Алистер» совершенно законен.

— Да у него просто не все дома! — воскликнул Вири.

— Конечно, — согласился Джоунз с легкой улыбкой. — Но в то же время он чрезвычайно умен и по-своему очень рационален. Кстати, много лет назад мы с ним были хорошими друзьями. Потом наши пути разошлись, но я до сих пор считаю, что Алистер Кроули, невзирая на всю его испорченность, способен стать величайшим из нас. — Джоунз вздохнул. — Только тот, кто вознесся выше всех, может упасть в самую глубокую бездну, — добавил он мрачно.

— Как упал ты с неба, Люцифер, сын зари⁶⁷, — торжественно и нараспев, словно с церковной кафедры, произнес Вири.

Сэр Джон с раздражением подумал, что у Вири, как у любого священника, по любому поводу наготове цитата из Библии.

Появился слуга Джоунза и начал убирать со стола. Сэр Джон бесстрашно спросил:

— Когда же мы отправимся в логово льва? Надеюсь, он не будет таким же невозмутимым и равнодушным, как вчера.

— Давайте отправимся туда прямо сейчас, — предложил Джоунз с невозмутимостью Адепта.

— Согласен, — сказал Вири. — Я с нетерпением жду того момента, когда встречу с этим дьяволом Алистером Кроули лицом к лицу.

Сэр почувствовал себя одним из трех мушкетеров Дюма, которые готовятся к схватке с гвардейцами кардинала Ришелье.

— Кроули живет на Риджент-стрит, — сообщил Джоунз, — в одном из самых больших некрасивых домов в округе. Его отец был не просто пивоваром, а очень удачливым пивоваром, поэтому он может позволить себе особняк в самом респектабельном районе Лондона. Кроули издает все свои книги на бумаге высшего качества и в самых дорогих переплетах, да и вообще живет как индийский раджа.

— Пойдем пешком или возьмем экипаж? — спросил сэр Джон.

— Думаю, небольшая прогулка пойдет нам на пользу, — ответил Джоунз.

Когда они вышли из дома, сэр Джон подумал, что его спутники плохо подходят для роли мушкетеров: Вири был пожилым и горбатым, а Джоунз — чересчур полным и представительным. Среди них троих только сэр Джон — а ему исполнилось всего двадцать восемь — был достаточно молод для героя классической мелодрамы. Возможно, поэтому он и волновался больше всех.

По дороге Джоунз рассказал о своих отношениях с Кроули. Они познакомились за шестнадцать лет до того, в 1898 году, когда Кроули был

⁶⁷ Исайя, 14: 12. В каноническом русском переводе Люцифер назван «денницей».

принят в первоначальную «Золотую Зарю» в качестве Испытуемого.

— Он производил впечатление, — признал Джоунз. — К двадцати трем он уже опубликовал несколько талантливых поэтических сборников и показал себя блестящим альпинистом. Он закончил Кембридж, изучал там органическую химию. По складу ума он менее всего был похож на ученого, поэтому меня удивило, что он выбрал такую дисциплину. Однажды я спросил его об этом. Его ответ я не забуду никогда. «По натуре я поэт, эстет и романтик, — сказал он, — и наука с ее строгостью нужна мне для того, чтобы не потерять равновесие и чувство реальности». Я никогда еще не встречал человека, который в столь юном возрасте проявлял бы такое знание себя и такую самодисциплину.

Джоунз рассказал о фантастическом взлете Кроули в «Золотой Заре». «У Кроули настоящий дар во всем, что связано с каббалистической магией», — признал он.

Потом наступил 1900 год, и разразилась катастрофа. Стычка между Уильямом Батлером Йейтсом и Макгрегором Матерсом привела к тому, что еще несколько членов «Золотой Зари» перессорились между собой, и вскоре весь орден был расколот на отдельные группы, которые так никогда и не объединились. Джоунз на несколько лет потерял Кроули из виду, хотя слышал, что тот изучал сначала йогу на Дальнем Востоке, потом суфизм в Северной Африке. В 1902 году Кроули вместе с одним немецким инженером, Оскаром Эккенштейном, поднялись в Гималаях до семи тысяч метров и установили рекорд, который до сих пор никому не удавалось побить. В 1905 году Кроули отправился в Китай и вернулся оттуда совершенно другим человеком.

— Я помню, — сказал Джоунз, — каким наивным я был, когда мы снова встретились в 1906 году. Он очень изменился, и мне показалось, что он достиг просветления и опередил всех нас в «Золотой Заре». Я спросил его, как ему это удалось, и он ответил очень просто: «Я стал маленьким ребенком».

Они пересекли Руперт-стрит. Джоунз иронически улыбнулся:

— Но мои иллюзии быстро рассеялись, — сказал он. — В том же году он опубликовал свою скандальную книгу «Бхаг-и-Муатур». По его утверждению, это был перевод с персидского. Чушь. Кроули всегда был большим поклонником покойного сэра Ричарда Бартона, и просто подражал своему кумиру, который тоже издал книгу, восхваляющую атеизм — по-моему, она называлась «Хасида», — выдав ее за перевод с арабского. «Бхаг-и-Муатур», что в переводе значит «Ароматный сад», от начала и до конца написана самим Кроули. На первый взгляд, это было аллегорическое описание отношений Души и Бога. При более внимательном прочтении становилось очевидно, что это прославление содомского греха.

Вскоре после этого от Кроули ушла жена, уличив его в измене. Он стал вести себя так же бесстыдно, как Оскар Уайльд в последний год перед судом, — беспорядочные связи, как с женщинами, так и с мужчинами, громкие романы, скандалы. Казалось, он получает какое-то дьявольское наслаждение, нарушая законы приличия и оскорбляя чувства добропорядочных христиан.

Несколько последующих лет Кроули жил то в Лондоне, то в Париже, то где-то в пустынях Северной Африки. В 1909 году он поставил в Лондонском театре спектакль под названием «Элевсинские мистерии», который вызвал бурю споров и возмущения. В самом начале «Мистерий» хор сообщал

зрителям, что бог умер. Потом был балет, музыка, чтение стихов и необычные ритуалы. Кроме того, в зале разносили некий напиток под названием «эликсир богов» (впоследствии возникло подозрение, что в него был подмешан наркотик). В конце спектакля торжественно объявлялось, что родился новый бог, «Владыка Силы и Огня», который уничтожит старую западную цивилизацию и на ее руинах создаст новую. Девизом новой цивилизации будут слова Рабле: «Делай, что хочешь».

— Этот человек серьезно повредился в уме, — с холодной яростью повторил Вири.

— В 1910 году, — продолжал Джоунз, — Кроули возглавил английскую секцию «Ordo Templi Orientis», берлинского масонского ордена, который объявил себя единственным продолжателем истинных традиций масонства. Внешним Главой этого ордена был Теодор Ройсс, актер и по совместительству агент германской тайной полиции.

— А Скотланд-Ярд об этом знает? — удивился сэр Джон.

— Конечно. И армейская разведка тоже. Они наблюдают за Ройссом, но не мешают ему, так как в его обязанности входит только слежка за немецкими эмигрантами, которые живут в Лондоне. Кстати, он долгое время был в дружеских отношениях с Карлом Марксом, Фридрихом Энгельсом и другими людьми из их круга.

Джоунз рассказал о том, что «Ordo Templi Orientis» был связан с некоторыми ближневосточными орденами дервишей, а те, в свою очередь, — с младотурками, которые свергли у себя на родине монархию и установили парламентскую демократию. По словам Джоунза, Распутин, этот монах с необычными гипнотическими способностями, подчинивший своему влиянию всю семью русского царя, тоже был связан с этими орденами дервишей, как и полковник Драгутин Дмитриевич — шеф армейской разведки сербов и одновременно, под кодовым именем «Апис», член «Союза смерти», тайной группы сербских революционеров-националистов. Связь между Распутиным, младотурками и полковником Дмитриевичем сыграла очень важную роль в ухудшении обстановки на Ближнем Востоке и Балканах. Отношения между Англией, Францией, Германией и Россией катастрофически расстраивались; каждая из этих великих держав подозревала остальные в тайных попытках обратить ситуацию в свою пользу, даже несмотря на то, что младотурки горячо поклялись не допустить чужаков в этот регион. Первые подозрения появились в 1896 году, когда закончили строительство железной дороги Берлин — Багдад: тогда кое-кто в нашем правительстве обвинил Германию в том, что она пытается занять наше место в Индии. А сейчас уже все без исключения сверхдержавы подозревают друг друга в подобных неблагоприятных намерениях.

— Чем дальше, тем запутаннее, — пожаловался сэр Джон. — Так с чем же мы все-таки имеем дело — с духовной войной идеологий или с экономической войной коммерческих интересов?

— Мы имеем дело со всеобщей войной, — мрачно ответил Джоунз.

Сэр Джон взглянул на Биг-Бен, который возвышался вдали нерушимой, почти осязаемой в своей твердости каменной громадой. Ему на ум снова пришли шекспировские строки:

В этом представленьи
Актерами, сказал я, были духи.
И в воздухе, и в воздухе прозрачном,

Свершив свой труд, растаяли они.
Вот так, подобно призракам без плоти,
Когда-нибудь растают, словно дым,
И тучами увенчанные горы,
И горделивые дворцы и храмы,
И даже весь — о да, весь шар земной.
И как от этих бестелесных масок,
От них не сохранится и следа.⁶⁸

Лохнесское чудовище и сербские националисты; хихикающие твари с перепончатыми крыльями и германская тайная полиция; необъяснимые самоубийства и отвратительные извращения; политические убийства и тайная история масонства; дохлая кошка в запертой церкви и железная дорога Берлин — Багдад... Сорвешь одну маску, а за ней другая, и так до бесконечности. Сэр Джон больше ни в чем не был уверен. 358: Змей есть Мессия. I.N.R.I.: Иисус есть Дионис. HONI SOIT: Орден Подвязки — сборище ведьм, которое правило Британией на протяжении пяти веков. Сама жизнь превратилась для сэра Джона в эмпедоклов парадокс. Дэвид Юм был прав: никто и никогда не сможет доказать логически, что эго существует. Истина! Истина! Истина! кричит Владыка Бездны Галлюцинаций.

— Вы, конечно же, знаете, — продолжал Джоунз, обращаясь к сэру Джону, — что все революции в Европе были тайно спланированы баварскими иллюминатами, которых финансируют Ротшильды. Эти революции похоронили старую монархически-феодальную систему и подготовили почву для «свободной» рыночной системы, в которой всем управляет монополизированный капитал. Конечно, у иллюминатов были и свои цели. «Нет бога, кроме человека» — это был их лозунг, прежде чем Кроули присвоил его. Вообще, «Ordo Templi Orientis» в том виде, в котором он существует сейчас, образовался в 1888 году в результате объединения новых иллюминатов Леопольда Энгельса с «Герметическим Братством Света» П. Б. Рэндолфа. Рэндолф, американский негр, начинал как жрец вуду, но потом прошел серьезную подготовку в том же ордене дервишей, с которым были связаны младотурки и Распутин. Есть подозрения, что Теодор Ройсс, Внешний Глава «Ordo Templi Orientis», был двойным агентом и шпионил не только за Марксом и его товарищами для германской разведки, но и за немцами для марксистов. Что касается Кроули, у него были какие-то связи — не берусь судить об их характере — с полковником Марсденом из нашей армейской разведки. Не странно ли, что вся эта неразбериха восходит еще к Мансуру — дервишу, которого в девятом веке правоверные мусульмане забили камнями за то, что он сказал: «Я есмь Истина, и моем тюрбане нет ничего, кроме Бога»? Кстати, именно последователи Мансура посвятили тамплиеров в тайны тантрической сексуальной магии...

А Матушка Гусыня — это вовсе не Матушка Гусыня, а переодетая Исида, которая ищет не кость, а фаллос Осириса. Все, что можно вообразить, в каком-то смысле истинно: если я искренне поверю в то, что могу летать, мне не составит труда улететь куда-нибудь в стратосферу...

— Артур! — внезапно закричал Вири, вырывая сэра Джона из плена солиптических фантазий.

⁶⁸ Шекспир, «Буря» (пер. М. Донского).

Джоунз и Бэбкок повернули головы туда, куда пристально всматривался священник. На другой стороне улицы был чей-то сад. Но что это — то ли метнулась чья-то неясная тень, то ли просто ветер качнул ветви деревьев?

— Боже, — потрясенно прошептал Вири. — Это же мой покойный брат, Артур!

— Но это невозможно. Вероятно, вы обознались, — попытался возразить Джоунз. Священник лишь отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

— Артур, — воскликнул он, — ты чудовище! Ты навлек проклятье на нашу семью, а теперь восстал из могилы, чтобы насмеяться надо мной! — С этими словами Вири бросился через дорогу.

— За ним! — крикнул Джоунз, срываясь с места.

Сэр Джон добежал до тротуара на противоположной стороне улицы первым и успел увидеть, как Вири проскочил сквозь ворота в сад и понесся по дорожке между зарослями каких-то высоких экзотических кустов. Метрах в трех от ворот дорожка резко повернула вправо, и теперь Вири бежал параллельно улице. Как раз в тот момент, когда сэр Джон ворвался в сад, священник поравнялся с большим дубом и скрылся за ним.

Добежав до поворота, сэр Джон с изумлением обнаружил, что Вири исчез. Он бросился к следующему повороту, и там столкнулся лицом к лицу с долговязым чернобородым человеком в русской меховой шапке, который подстригал кусты.

— Где он? — крикнул сэр Джон.

— Кто? — переспросил его бородач с сильным славянским акцентом.

— Священник — он только что пробежал по этой дорожке... К ним подбежал запыхавшийся Джоунз.

— Что случилось? — спросил он. — Похоже, Вири исчез.

— Какой еще Вири? — недовольно пробурчал русский. — Здесь вообще никого не было.

Джоунз и Бэбкок озадаченно переглянулись. Джоунз пришел в себя первым.

— А вы кто такой, сэр? — спросил он.

— Я барон Николай Соломонович Захаров, — сказал незнакомец. — Это мой сад, а вон там — мой дом, и я подозреваю, что вы оба умудрились напиться в столь ранний час, раз вам кажется, что вы кого-то здесь видели. Уверю вас, здесь никого не было.

И в воздухе, и в воздухе прозрачном,
Свершив свой труд, растаяли они.

XXXVI

— Наконец-то, — произнес Эйнштейн, попыхивая трубкой. — Теперь у нас есть хоть какая-то зацепка.

Джойс неуклюже поерзал в своем кресле, пытаясь свернуться поудобнее.

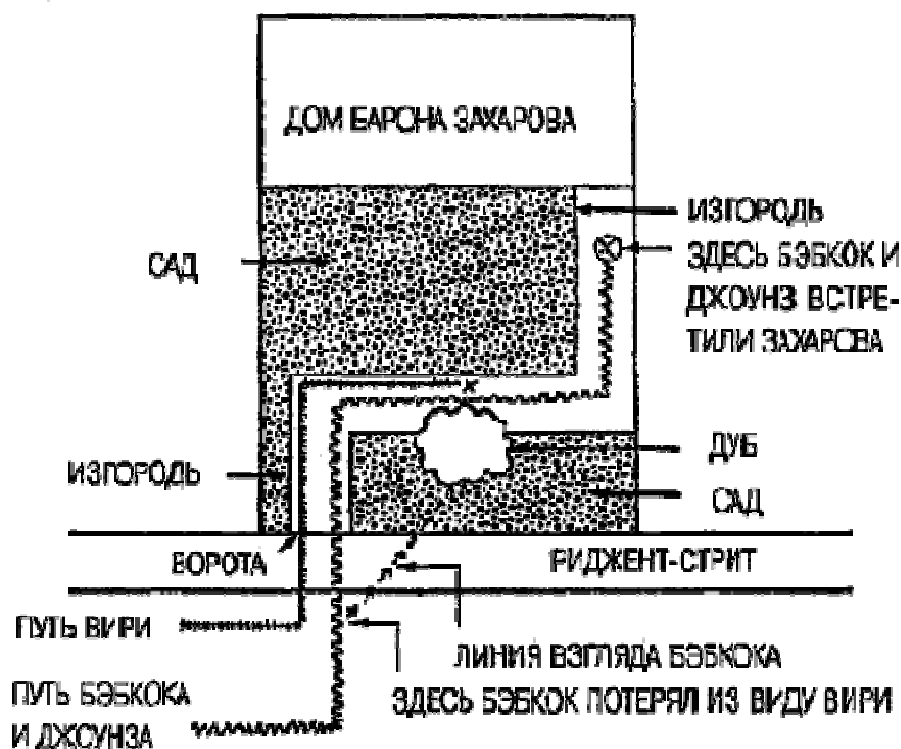
— Хорошо, если нам удастся за нее зацепиться, — с сомнением сказал он.

Эйнштейн начал рыться у себя на столе в поисках чистого листа. По-видимому, это была непростая задача, ибо вся бумага в его кабинете была испещрена формулами и уравнениями.

— Барон Захаров, — пробормотал он. — Свет в конце тоннеля. Ага! — Он наконец нашел то, что искал. — Вот, — сказал он, протягивая бумагу Бэбкоку, — нарисуйте, пожалуйста, точный план того места, где загадочным образом исчез Вири.

Пока сэр Джон усердно рисовал, Эйнштейн то и дело заглядывал ему через плечо, задавая вопросы и уточняя подробности. В конце концов он получил именно такой план, какой ему был нужен.

— Ага, — с удовлетворением произнес Эйнштейн, изучая рисунок, — так я и думал. Ну и хитры же они, мошенники!

— Надеюсь, вы знаете, о чем говорите, — пробурчал Джойс из темного угла, где стояло его кресло. — Для меня, полного профана во всем, что связано с наукой, это самое загадочное из всех событий, о которых нам поведал сэр Джон.

Эйнштейн усмехнулся.

— Вряд ли, — сказал он Бэбкоку, — вы поверили барону Захарову на слово и ушли оттуда ни с чем, вежливо распрощавшись.

Бэбкок безнадежно махнул рукой.

— Конечно, мы ему не поверили, — сказал он. — Мы начали его расспрашивать. Сначала он считал нас пьяными или сумасшедшими, и Джоунзу потребовалась вся его дипломатичность, чтобы барон в конце концов отнесся к нам более или менее серьезно. Но даже после этого в его голосе звучала насмешка. Наверное, нет на свете людей надменнее русских дворян. Но он все же позволил нам осмотреть сад. По обе стороны от дорожки росли пышные кусты, все утопало в листьях и цветах. Если бы преподобного Вири схватили и тащили напролом через сад, часть растений была бы сломана, но ничего такого мы не заметили.

— Какой высоты был забор? — быстро спросил Эйнштейн.

— Около метра. Я отчетливо видел голову и плечи Вири до тех пор, пока

он не скрылся за дубом.

— А растения? — не сдавался Эйнштейн.

— От полуметра до приблизительно метра двадцати. Но все они были в целости и сохранности, — повторил сэр Джон.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал Эйнштейн. — Теперь, сэр Джон, постарайтесь как можно точнее представить себе преподобного Вири и барона Захарова. Какого они были роста?

Сэр Джон сосредоточенно нахмурился.

— Вири был небольшого роста, — сказал он. — Может, чуть больше пяти футов. Барон был моего роста или даже немного выше меня, то есть примерно пять футов восемь дюймов. Мне кажется, что я смотрел на него снизу вверх, но он держался очень надменно, поэтому мог показаться мне более высоким, чем был в действительности.

Эйнштейн кивнул и задумался.

— Гром и молния, — через минуту пробурчал он и снова обратился к Бэбкоку. — Что было после того, как вы с Джоунзом осмотрели сад?

— Барон проводил нас до ворот, ворча что-то нравоучительное о людях, которые напиваются с утра. Я был совершенно растерян, но Джоунз сказал: «Я не верю этому человеку. Давайте наведем о нем справки у соседей».

— Очень разумно, — кивнул Эйнштейн.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказал Бэбкок. — После слов Джоунза я сразу же подумал именно об этом. Исчезновение Вири и надменность барона произвели на меня такое сильное впечатление, что мой ум на какое-то время буквально прекратил функционировать, но эта мысль была совершенно очевидной: если нас каким-то образом провели, барон должен был в этом участвовать.

— Продолжайте, — сказал Эйнштейн с легкой усмешкой.

— Оказалось, что в соседнем доме живет мисс Айседора Дункан, известная американская танцовщица. Кстати, вы когда-нибудь видели, как она танцует? — неожиданно спросил Бэбкок.

— Я ненавижу балет, — сказал Джоунз. — Все эти дурацкие прыжки мешают сосредоточиться на музыке.

— К сожалению, я тоже никогда не видел мисс Дункан, — признался Эйнштейн. — Но, как и все в Европе, много слышал о ней. Говорят, она танцует не хуже Павловой.

— Гораздо лучше! — с жаром воскликнул Бэбкок. — Я видел ее только раз, в 1909 году, но не забуду этого никогда. Конечно, я не одобряю распутного образа жизни мисс Дункан, но должен признать, что она принадлежит к числу величайших балерин нашего времени. Я был очень разочарован тем, что ее не оказалось дома. Но нам все же удалось поговорить с ее секретарем — мисс Стурджис, тоже американкой.

— И что же мисс Стурджис сообщила вам о бароне Захарове?

— О, мы услышали от нее немало интересного, — сказал Бэбкок, устало усмехнувшись. — В сущности, даже намного больше, чем хотели услышать. Оказалось, что она смертельно ненавидит барона.

— Неужели? — расстроено воскликнул Эйнштейн. — Я ожидал совсем иного.

— Мисс Стурджис назвала барона ханжой и религиозным фанатиком, который все время сует свой нос в чужие дела. По ее словам, однажды барон Захаров попытался организовать в этом квартале нечто вроде крестового похода против мисс Дункан. Он предложил изгнать ее из этого

респектабельного района, мотивируя это тем, что она якобы расшатывает устои нравственности. Эта затея провалилась, он не успокоился и продолжал надоедать соседям своими письмами, в которых цитировал смелые высказывания мисс Дункан из газетных интервью и называл ее опасной революционеркой. Мисс Стурджис также сказала, что если бы не его высокий пост в русском посольстве, соседи с удовольствием выдворили бы из квартала его самого.

— Что еще она вам рассказала? — спросил Эйнштейн, внезапно просветлев. На его лице снова заиграла легкая улыбка.

— Каждое утро Захаров ходит в православную церковь, несмотря на то, что она расположена в нескольких километрах от его дома. Чтобы успеть к заутрене, он обычно встает в пять часов. Однажды он попытался использовать свое положение в посольстве и запретить одному магазину русской книги продавать сочинения графа Толстого — Толстой, видите ли, сомневается в непорочном зачатии. Кстати, дядя барона Захарова был патриархом православной церкви и жил в Москве. Сам барон не выносит католиков и евреев, а протестантов вообще приравнивает к атеистам. «Имея такого соседа, — сказала нам мисс Стурджис, — я понимаю, почему Россия остается такой отсталой страной».

Эйнштейн рассмеялся.

— Чудесно! — воскликнул он. — Теперь рассказ мисс Стурджис отлично вписывается в мою теорию.

— Тогда я сошел с ума, — сказал Джойс.

— Почему? — с улыбкой спросил его Эйнштейн.

— Потому что если бы барон вставал в пять утра для того, чтобы убивать кошек в церквях, или восхищался свободомыслием мисс Дункан, я еще мог бы представить его сообщником нашего загадочного Кроули. Но после того, что рассказала мисс Стурджис, он оказывается вне всяких подозрений.

Эйнштейн кивнул.

— Но ведь так все и было задумано. Когда сэр Джон сказал, что мисс Стурджис ненавидит барона, я подумал, что моя гипотеза развалилась. Но теперь я еще больше уверен в том, что нахожусь на правильном пути. Что было дальше, сэр Джон?

— После того, как мы покинули дом мисс Дункан, Джоунз сказал, что исчезновение Вири снова все изменило, и теперь я не должен идти вместе с ним к Кроули; он отправится туда один. Я не согласился, и мы даже чуть не поссорились. В конце концов ему удалось убедить меня. Я отправился в клуб «Диоген» — я часто захожу туда, когда оказываюсь в Лондоне, — и начал ждать... — Бэбкок остановился.

— Так-так, — подбодрил его Эйнштейн.

— Я ждал до наступления темноты. Потом не выдержал, взял экипаж и отправился к Джоунзу в Сохо...

— Хотите, я угадаю, что вы там увидели? — перебил его Эйнштейн. — Обычную английскую семью, простых людей с честными лицами, которые торжественно клялись вам, что никогда не слыхали о мистере Джордже Сесиле Джоунзе, не так ли?

— О боже! — воскликнул Бэбкок, вскакивая со стула. — Невероятно! Как вы догадались?

— Я прав? — спросил Эйнштейн.

— Абсолютно, — признал Бэбкок. — Но как, черт возьми, вы угадали?

— Гадание не имеет ничего общего с научным мышлением, — резко

сказал Эйнштейн. — Скорее всего, потом вы также попытались найти Ливерпульского Костолома — последнюю нить, ведущую к Джоунзу.

— Точно, — сказал Джоунз. — Но его комната была совершенно пуста. Хозяйка клялась, что не сдавала ее никому уже несколько месяцев.

— И как же вы поступили? — спросил Эйнштейн.

— Я вернулся в клуб «Диоген» и просидел там без сна целую ночь, ломая себе голову над тем, что произошло. Утром я отправился на почту, чтобы узнать, кому принадлежит ящик 718. Это был мой последний шанс найти Джоунза и «Золотую Зарю». Оказалось, что там всего 600 ящичков, и ящичка с номером 718 нет и никогда не было. Незримая Коллегия снова стала совершенно Незримой, как будто последние четыре года моей жизни я провел во сне. Воображаемый мангуст сражался с воображаемыми змеями.

Сэр Джон замолчал, уставившись в пустоту. Он вдруг начал сомневаться во всем, что раньше принимал на веру, и это ужасное сомнение не могло не отразиться на его лице. В комнате повисла напряженная тишина.

— Великолепно, — неожиданно сказал Джойс.

— Что? — раздраженно переспросил его Эйнштейн. — Вы сказали «великолепно»?

— Да, — мрачно подтвердил Джойс, — и я прошу сэра Джона простить мне это вопиющее бессердечие. Видите ли, я сам в некотором роде художник, и поэтому просто не мог не восхититься мастерством и даже, я сказал бы, элегантным стилем ваших противников. Они разыграли превосходный спектакль, сценарий которого совершенен, как блестящее математическое доказательство. Осталось только написать *quod erat demonstrandum*⁶⁹ — не правда ли, герр профессор?

— О чем вы тут вообще говорите? — устало спросил Бэбкок.

— О том, как красиво вас разыграли, — сказал Джойс. — Даже почтовый ящик, и тот оказался вымышленным. Вот этот штрих мне особенно понравился.

— Они действовали умно, — согласился Эйнштейн. — Дьявольски умно.

— И в то же время очень элегантно, — повторил Джойс. — Знаете, какой сюжет они взяли за основу — еще до того, как позаимствовать у мистера Чамберса ход с книгой, которая доводит людей до самоубийства? О, это очень, очень старая история, одна из самых старых историй в подлунном мире. У нее есть одна замечательная особенность: кому бы вы ее ни рассказали, этот человек сразу же сообщит вам, что уже где-то ее слышал или читал, но так и не сможет вспомнить, где...

— Эта история, — продолжал Джойс, — обычно начинается с того, что некий путник оказывается в незнакомом городе. В некоторых версиях он оказывается в городе, который знает как свои пять пальцев, но потом сворачивает куда-то не туда и попадает в район, в котором никогда раньше не был. Конечно, проще всего спросить дорогу у прохожих, но на улицах нет ни души. Он блуждает в отчаянии, пока на город не опускается ночь. И тут вдруг появляется Она — самая прекрасная женщина в мире. На ней ожерелье из огромных сияющих жемчужин или какая-нибудь другая сказочная драгоценность. Она приглашает путника к себе — точно так же в средневековых легендах королева фей приглашает в свой дом странствующего рыцаря. Он идет с Ней, и дальше все просто восхитительно,

⁶⁹ Что и требовалось доказать (лат.)

чудесно, великолепно — одним словом, сбываются все его романтические мечты. Знает ли кто-нибудь из вас, как заканчивается эта история?

— Да, — сказал Эйнштейн. — Вы были правы — у меня действительно такое ощущение, что я уже когда-то ее слышал. Я знаю, что было дальше. Они договариваются встретиться на следующий день у Нее. В условленный час он приходит и обнаруживает на месте ее дома заросший сорняками пустырь. Соседи уверяют его, что на этом месте уже лет сто не было никакого дома.

— Да, — задумчиво произнес Бэбкок. — Эта история мне знакома. Только в той версии, которую слышал я, исчезает целая улица. Герой ищет ее всю свою жизнь, но так и не находит.

Джойс улыбнулся.

— Иногда эту сказку рассказывают так: некий старик каждую ночь бродит по городу. Время от времени он встречает разных людей и за стаканчик виски открывает им свою душу: как он встретил Ее и что произошло потом. Поведав свою необычную историю, он отправляется дальше — искать пропавшую улицу, на которой живет его Любовь. Невероятно, но я встречал людей, которые утверждали, что лично знают этого человека. Не сомневаюсь, что Юнг отнес бы этот образ к архетипам. Двери в волшебный мир на миг распахнулись, а потом захлопнулись снова, и вам уже никогда их не найти. Теперь вы понимаете, сэр Джон? Вы невольно оказались действующим лицом сценария, который стар, как само человеческое воображение. Конечно, этот классический сценарий немного изменили с учетом ваших страхов и особенностей вашего характера; Ведьма, Королева фей или Богиня — называйте ее как вам угодно — с самого начала была злобной и опасной. Что же касается основной линии, они оставили ее практически без изменений.

— Они, — с горечью повторил Бэбкок. — Снова «они». Неужели вы по-прежнему считаете, что все это совершили обычные люди с помощью одних лишь материальных сил?

Прежде чем Джойс успел что-либо ответить, вмешался Эйнштейн:

— Если можно, давайте вернемся к этому вопросу через несколько минут. Видите ли, мне кажется, что сэр Джон не закончил свой рассказ, и нас еще ждет некая логическая развязка...

Бэбкок поднялся и зашагал по комнате.

— Да, — согласился он, — Если только это можно назвать развязкой. Побывав на почте и обнаружив, что почтового ящика номер 718 не существует, я вернулся в клуб «Диоген», всерьез опасаясь за свой рассудок. Не успел я дойти до дверей своей комнаты, как меня остановил портье. Он сказал, что в комнате для курения меня ждет какой-то джентльмен. Наверное, я двигался как сомнамбула; в те минуты мой ум был в каком-то странном оцепенении, и я вряд ли бы удивился, если бы оказалось, что это Джоунз, или Вири, или даже дьявол собственной персоной. Но это был Алистер Кроули.

— Я не мог ни говорить, ни думать, ни чувствовать. Даже страх, и тот улетучился. «Что вам угодно?» — спросил я его. В тот момент мне вновь пришли на ум слова Скотта о неутомимых тружениках и призрачных наслаждениях.

— Он говорил ровным, приятным голосом, без бравады и театральности, и со стороны, наверное, могло показаться, что двое хороших знакомых болтают о пустяках. Он сказал: «Странные вещи происходят, когда

воображаемый мангуст сражается с воображаемыми змеями. Мой вам совет: не пытайтесь ничего предпринимать. Все, кто шел против нас, пожалели об этом. Некоторые потеряли рассудок и покончили с собой. Некоторые попросту исчезли. Некоторые бежали на край света, но мы нашли их и там. Мы будем следить за всеми вашими передвижениями и расправимся с вами, когда этого захотим». Закончив, он улыбнулся, как будто похвалил мой галстук или сказал какую-нибудь другую приятную чепуху, а затем поднялся, чтобы уйти.

Не сделав и пары шагов к двери, он внезапно вернулся. Наклонившись, он приблизил свое лицо к моему и очень тихо произнес: «Неужели вы еще не поняли? Ваш Бог и Иисус мертвы. Они больше не могут защитить ни вас, ни других людей, которые молят их о помощи. Сейчас наша магия сильнее, ибо вернулись Древние Боги, и человек будет освобожден от вины и греха. Молитесь Иисусу, если хотите, но это поможет вам не больше, чем Вири или Джоунзу.

У нас длинные руки, и отныне они всегда будут на вашем горле, даже если вы этого не заметите. Мы найдем вас везде».

Это были его последние слова. Он ушел прежде, чем я успел прийти в себя после его богохульств. В тот же вечер я под чужим именем покинул Англию. Я отправился на юг Франции, в Арль, и остановился в небольшой гостинице. Там я прожил всего несколько дней. Однажды, вернувшись в свою комнату после службы в местной церкви, я ужасом обнаружил, что распятие над изголовьем моей кровати перевернуто. С того дня я постоянно переезжаю с места на место.

Джойс поднялся и с наслаждением потянулся, отбрасывая на стену позади себя причудливую тень, похожую на огромного паука.

— Иногда мне кажется, — сказал он, — что мы живем не в двадцатом, а в тринадцатом веке.

Фён по-прежнему свистел за окном.

Эйнштейн внимательно изучал остатки табака в своей потухшей трубке, как будто они могли дать ему ответ на вопрос, который его занимал.

— Видите ли, — произнес он наконец, — мне не кажется, что это дело так уж безнадежно. Я уже вижу слабый свет в конце туннеля. А вы, Джим?

Джойс слабо усмехнулся.

— Я тоже заметил несколько лучиков, но они еще не способны рассеять тьму, которая царит в моей голове. Если хотите, я могу поделиться с вами своими догадками.

— Будьте так добры, — попросил его Эйнштейн.

— У меня их четыре, — сказал Джойс, — и каждой из них я дал название:

1. *Четырехсторонняя метафора.*

2. *Неправдоподобная трагедия.*

3. *Количество сонетов.*

4. *26 подвесок.*

— Говорит ли это вам о чем-нибудь? — невозмутимо спросил он.

— Мне — нет, — ответил совершенно сбитый с толку Бэбкок.

— Мне тоже, — сказал Эйнштейн. — Но, возможно, вы поняли что-то, чего я, к сожалению, до сих пор не понял... А теперь я, подражая вам, могу перечислить идеи, которые помогли мне найти выход из лабиринта этой истории. У меня их восемь:

1. *Бритва Дэвида Юма.*

2. Чудесное умножение.
3. Случайная телепатия.
4. Чрезмерное число совпадений.
5. Слишком четкий образ.
6. Загадка альпиниста.
7. Невозможное имя.
8. Относительность измерений.

— Я думаю, что эти названия неплохо отражают суть того, что происходило на самом деле, — подытожил он. — По-моему, Джим, вы уже поняли, что я имею в виду.

— Я вообще ничего не понял, — возразил Джойс. — Вообще говоря, сейчас я понимаю еще меньше, чем до того, как вы перечислили эти ваши якобы полезные идеи.

— Очень интересно, — задумчиво произнес Эйнштейн. — Все мы видим только то, что приучены видеть... Я объясню свои идеи, но сначала вы, Джим, должны объяснить свои, раз уж вы начали эту игру.

Джойс осторожно снял очки и начал тщательно протирать их носовым платком.

— Я почти слеп, — сказал он задумчиво. Закончив священнодействовать с очками, он снова водрузил их на нос. — Ура! Я снова вижу! Мир сотворен заново! Мы творим этот мир заново каждый раз, когда изменяем свой взгляд на него, — продолжил он. — Давайте же теперь на несколько минут изменим свой взгляд и присмотримся повнимательнее к центральному элементу этой драмы — «Облакам без воды». Он замолчал.

— И что же мы увидим? — нетерпеливо спросил Бэбкок.

— Автор «Облаков» — и впрямь мудрец и книгочей, как сказал бы Банторн из оперетты «Пейшенс», — начал Джойс. — Он способен говорить две, а иногда, как я заметил, и три вещи сразу. Так, слова *consummatum est* — заключительные слова сонета, на который любезно обратил наше внимание сэр Джон, — могут быть цитатой как из католической, так и из черной мессы. Кроме того, они могут обозначать завершение акта любви. Это пример тройного смысла. Но наш автор может говорить и четыре вещи сразу: загадочное вино, которое часто упоминается в «Облаках», может быть выделением из срамных органов любовницы поэта, вином католической мессы, вином черной мессы и, наконец, обычным вином, которое в суфийской поэзии — например, у Омара Хайяма, — традиционно символизирует божественное опьянение. Вот что я имел в виду, говоря о четырехсторонней метафоре.

Итак, я спрашиваю себя: насколько в действительности мудр этот юноша? Трагический конец его поэмы кажется мне чересчур поучительным, и потому фальшивым. Конечно, мужчин, которые изменяют женам, гораздо меньше, чем песчинок в пустыне Сахара или атомов в нашей галактике, но все же их число очень велико. И отнюдь не каждый из них подцепляет сифилис, а если кто и подцепляет, то вряд ли сразу кончает жизнь самоубийством. Они лечатся и, если болезнь не очень запущена, легко от нее избавляются. Я не утверждаю, что страшный конец Артура Ангуса Вири невероятен, просто он не очень правдоподобен. В нем есть какой-то привкус морали, проповеди, как будто поэму дописывал брат покойного, преподобный Чарльз Вири. Именно это я имел в виду, говоря о неправдоподобной трагедии. Но вот вопрос, джентльмены: не кажется ли вам странным, что поэму начинает один человек, а заканчивает другой?

Первым отозвался Эйнштейн.

— Продолжайте, — попросил он. — Похоже, вы нашли часть головоломки, которая укрылась от моего внимания.

Бэбкок добавил:

— Я согласен с тем, что Вири никогда не опубликовал бы эту поэму, если бы ее финал не был столь поучителен.

Джойс торжественно стукнул тростью об пол.

— Пункт номер один принят, — сказал он. — Есть старое юридическое правило: «Вина доказана, если доказана ее часть». Возможно, это не всегда так, но тут есть над чем задуматься. Мы признали, что преподобный Чарльз Вири мог написать конец поэмы. В таком случае что мешает нам признать, что он мог написать ее всю, от начала и до конца? У меня сегодня целый день в голове крутилась фраза из «Божественной комедии»: «Ed eran due in ipso e ipso in due», «И было два в одном, единый в образе двойного». Это в том месте «Ада», где Данте описывает обезглавленного Бертрана де Борна, который держит свою голову в руке. Вспомните доктора Джекила и мистера Хайда, доктора Франкенштейна и его чудовище, Фауста и Мефистофеля... — Эйнштейн рассмеялся.

— Поразительно, — сказал он. — Последние два дня я все время думал о Фаусте и Мефистофеле. Помните слова Фауста: «Zwei Seelen wohnen in meiner Brust»? Мой отец часто повторял мне, что это самая глубокая фраза во всей поэме великого Гете. «Ах, две души живут в моей груди».

— В психологии рассматривается крайний случай такой внутренней двойственности — расщепление личности, — продолжал Джойс. — Но личность в той или иной степени расщеплена у каждого человека, даже если его и не считают душевнобольным. У каждого из нас есть темная сторона, которую Юнг так поэтично называет Тенью. Что же представляет собою Тень преподобного Чарльза Вири? Конечно же, она должна быть противоположна тому, что он выставляет напоказ, то есть его пресвитерианскому благочестию. По сути, его Тень должна обладать всеми теми качествами, которые мы наблюдаем у Артура Агнуса Вири — развратность, чувственность, неверность, бунт против Бога и Церкви. Короче говоря, я считаю, что «Облака без воды» написаны от начала и до конца преподобным Вири. На каждое «Нельзя» преподобного Чарльза Вири его внутренний «Артур» отвечает «А я буду!». Богохульник «Артур» написал строфы, которые полны похоти, с огромным наслаждением задерживаясь на каждой непристойной подробности воображаемой любовной связи с крайне испорченной и в то же время безмерно желанной женщиной. Преподобный же Вири устроил так, чтобы этот сборник эротических грез закончился смертью «Артура», наказанного за грехи, и дописал примечания, которые восстанавливают устои традиционной морали.

— Итак, джентльмены, — торжественно обратился Джойс к Эйнштейну и Бэбкоку, — принимается ли пункт номер два? Можно ли считать, что две души, написавшие «Облака без воды», живут в одной груди?

Бэбкок с сомнением покачал головой.

— В том, что касается психологии, ваша версия звучит убедительно, — сказал он. — Но она противоречит фактам, которыми мы располагаем.

— Факты, которыми мы располагаем, — заметил Эйнштейн, — были умышленно искажены вашими противниками, чтобы вы не смогли увидеть происшедшее в истинном свете. Продолжайте, Джим.

— «Облака без воды» — именно такая книга, какую я пытаюсь

написать, — сказал Джойс. — Книга, у которой много измерений, много уровней и много значений — одним словом, книга-загадка. А что может быть уместнее в наши дни, когда лучшие умы все чаще признают, что бытие, вся наша жизнь представляет собой одну огромную загадку? У любого, кто способен читать между строк и видеть скрытый смысл, обязательно возникнет вопрос: а что же такое на самом деле эти «Облака без воды»? С одной стороны, эта книга может быть тем, чем она кажется и старается казаться — историей супружеской измены, которая сопровождается назидательными комментариями священника и заканчивается трагически, ибо За Грехи Следует Расплачиваться Жизнью. Что ж, отличный подарок для среднего британского читателя. С другой стороны, если догадка сэра Джона верна, то «Облака без воды» — это подробное описание тантрических практик. И, наконец, эта книга может быть тем, о чем я вам уже говорил — криком расщепленной души благочестивого пресвитерианина, которого обуревают плотские желания. Он мечтает о коитусе, фелляции и куннилингусе, а затем наказывает свое Второе «Я» за эти греховные мечты.

— Но чем же она является на самом деле? — воскликнул Бэбкок. — Вы не только не даете ответа, но и еще больше все запутываете.

— Какова «реальная» длина стержня, профессор? — спросил Джойс у Эйнштейна.

— Это зависит от системы отсчета, в которой находится стержень, — с улыбкой сказал Эйнштейн, — а также от системы отсчета наблюдателя и разницы их скоростей.

Бэбкок поморщился.

— Бессмыслица какая-то. Длина не может изменяться просто так.

— А вот и нет, — возразил Эйнштейн. — Каждый раз, когда мы говорим о длине чего-либо, мы на самом деле говорим об инструментах, с помощью которых эта длина измерена. А показания инструментов зависят от того, с какой скоростью мы движемся по отношению к предмету, который измеряем. Лоренц получил для этого математическую формулу, но дальше не пошел, так как не поверил в ее следствия. А я в 1904 году все-таки решил поверить в эту формулу и посмотреть, куда это меня приведет. Это привело меня к решению всех головоломок, которые не давали покоя физикам со времен эксперимента Майклсона-Морли. Я пришел к очень простому выводу: не существует длины как *ding an sich*⁷⁰, т.е. как объективной категории; есть лишь длина-1, измеренная инструментом-1, длина-2, измеренная инструментом-2, и так далее. То же самое можно сказать и о времени.

— Но ведь это означает, что мы оказываемся полностью за пределами пространства и времени, — заметил Бэбкок. — Это гностицизм и платонизм.

— В каком-то смысле, — признал Эйнштейн. — Разница в том, что философия Платона заканчивается там, где моя только начинается. Он не смог установить связь между геометрическими архетипами и информацией, которую мы получаем от органов чувств. Я же научно доказал, что эта связь существует. Моя теория объясняет эксперименты, которые никак иначе объяснить невозможно.

— Расскажите ему о камне и поезде, — предложил Джойс.

— О, этот вид относительности был известен еще во времена Галилея, — сказал Эйнштейн. — Я просто придумал для него современный пример. Итак,

⁷⁰ Вещь в себе (нем.)

представьте себе, что вам захотелось швырнуть камень из окна движущегося поезда. Как он полетит?

Бэбкок озадаченно нахмурился.

— Мне кажется, что он полетит по прямой, но я в этом не уверен.

— Он действительно полетит по прямой, — сказал Эйнштейн, — но только с вашей точки зрения, точки зрения человека, который едет в поезде. А что увидит человек, стоящий в поле у железнодорожной насыпи? Как полетит камень с его точки зрения? Бэбкок задумался.

— Гм, — произнес он наконец, — В этом я тоже не уверен, но мне кажется, что для стоящего на месте человека камень полетит по какой-нибудь кривой.

— Точнее, по параболе, — поправил его Эйнштейн. — Тот, кто стоит у насыпи, увидит, что камень падает по идеальной параболе. Так какой же из этих двух взглядов следует считать истинным? Взгляд человека, который едет в поезде, или взгляд человека, который стоит на насыпи?

— Похоже, я начинаю понимать, к чему вы клоните, — сказал Бэбкок. — Каждый из этих взглядов является истинным в — как вы это называете? — системе отсчета соответствующего наблюдателя.

Джойс рассмеялся.

— Эти термины вам незнакомы, — сказал он Бэбкоку, — тем не менее, вы схватываете все буквально на лету. И знаете, почему? Потому что ваша Каббала основана на тех же принципах, только применительно к психологии, а не к физике. Вы просто увидели с другой стороны то, что уже давно вам знакомо.

Эйнштейн приподнял бровь и насмешливо спросил:

— Так что же, выходит, я каббалист?

— А что такое Каббала? — философски спросил Джойс. — Чем бы она ни была на самом деле, я считаю ее одним из способов обрести множественное видение. Так, аббревиатура I.N.R.I. с точки зрения каббалиста имеет смысл уже не только в христианстве, но и в греческой мифологии, египетской магии, алхимии, символной системе карт таро и так далее. Эти соответствия не алогичны, но аналогичны. Для каббалиста каждый символ — Христос, Дионис, Осирис, карты Таро — имеет смысл в своем мифологическом контексте, точно так же, как в теории профессора Эйнштейна каждое измерение истинно в своей системе отсчета. И в хитросплетении этих разнообразных и противоречивых символов каббалист ищет архетипы, которые, как недавно напомнил нам доктор Юнг, лежат в основе всей человеческой психологии. Точно так же профессор Эйнштейн старается выявить за разнообразными и противоречивыми показаниями инструментов абстрактные математические отношения, которые связывают одну систему отсчета с другой.

— Множественное видение, — медленно повторил Бэбкок. — Да! Это отлично передает суть каббалистики.

— Итак, вы согласны, — сказал Джойс. — Что же такое «Облака без воды»? Разве это не отличный пример каббалистического мышления — книга, у которой по меньшей мере четыре смысла? Разве это не модель множественного видения? Кроме того, я обратил внимание на слова сэра Джона о том, что в «Облаках» точно 114 сонетов. Я не силен в герметизме, но в молодости не раз посещал лекции дублинских мистиков — таких, как Джон Эглинтон и Джордж Рассел, — и помню, что число 114 играет в Каббале не последнюю роль. Я прав, сэр Джон?

— Совершенно верно, — сказал Бэбкок. — По традиции, Незримая Коллегия действует открыто на протяжении 114 лет, затем на 114 лет уходит в тень, затем снова действует открыто на протяжении 114 лет, и так далее.

— Но и это еще не все, — сказал Джойс. — В Каббале всегда можно заглянуть немного глубже. Кто-то из мистиков — то ли Эглинтон, то ли Рассел, я уже не помню, — однажды привел в качестве примера исторической связи между масонами и розенкрейцерами тот факт, что загадочные буквы L.P.D. на домах и документах масонов также дают в сумме число 114.

— Действительно, — сказал Бэбкок. — Ламед — 30, Пи — 80, а Далет — 4. Итого 114. Считается, что в этих буквах зашифрован процесс внутреннего алхимического превращения.

— Есть и другие объяснения, — сказал Джойс. — До того, как во Франции произошла революция, масоны «Великого Востока», духовным наследником которых мистер Кроули провозглашает «Ordo Templi Orientis», расшифровывали L.P.D. как *Lilia perdita destrue* — «растопчи лилию». Как вы знаете, лилия была символом Бурбонов, французской королевской семьи, которой, если верить легенде, масоны этой ложи объявили войну после того, как Филипп IV уничтожил тамплиеров. Вот вам еще один пример того, что на разных уровнях толкования каббалистические символы имеют совершенно разный смысл.

Эйнштейн начал раскуривать трубку.

— Джим, — сказал он, попыхивая дымом, — вы уже достаточно долго ходите вокруг да около. Что вы хотите нам сказать?

— Я хочу сказать, что «Облака без воды» написаны очень толковым каббалистом. И что преподобный Вири очень неплохо разбирался в Каббале, хотя и старался произвести на сэра Джона совершенно противоположное впечатление. Он знал, что 26 подвесок на Ордене Подвязки имеют каббалистический смысл, и не отставал от вас, сэр Джон, до тех пор, пока вы не вспомнили, что 26 — это Йод Хе Вау Хе, Священное Непроизносимое Имя Бога.

Джойс минуту помолчал, затем продолжил.

— Я не знаю, как Вири убил всех своих близких и почему он это сделал — никто в здравом уме не в состоянии понять, что творится в голове у религиозного фанатика, — но я абсолютно уверен, что настоящий убийца — он. Вся эта история с книгой, которая сводит людей с ума, вымышлена от начала и до конца, и, если вы помните, я уже объяснял, почему он позаимствовал ее у Ричарда Чамберса. Я вспоминаю еще одного горбуна, потерявшего рассудок из-за религиозного фанатизма и похоти, — Святого Павла. Ему принадлежат слова, которые отлично подходят к Вири: «Я делаю не то, что хочу, а то, что ненавижу».

В течение нескольких секунд Бэбкок, казалось, боролся с противоречивыми чувствами.

— Вы меня почти убедили, но ваша теория все же не объясняет некоторые моменты...

Внезапно зазвенел дверной колокольчик. Все настороженно посмотрели в коридор.

— Да, непростую вы нам рассказали историю, сэр Джон, — произнес Эйнштейн. — Джойс нашел ключи к загадкам, над которыми я до сих пор безуспешно ломал голову. Теперь я могу объяснить вам все и поставить в этом деле точку раз и навсегда.

В дверном проеме показалась Милева Эйнштейн, в руках у нее был какой-то предмет, завернутый в коричневую бумагу.

— Альберт, — сказала она. — Какой-то мальчишка только что принес тебе вот это.

Мужчины обменялись взглядами. Эйнштейн осторожно поднялся и подошел к Милеве.

— Нельзя сказать, что это для нас большая неожиданность, — заметил он, беря в руки посылку.

Милева вышла. Джойс и Бэбкок вытянули шеи, напряженно рассматривая предмет, который Эйнштейн нес к столу.

— Неужели это... — прошептал Бэбкок.

— Вот именно, — весело сказал Эйнштейн. — Последний штрих великого мастера. Здесь указан обратный адрес: «Великобритания, Лондон, Джермин-стрит, 93, М.М.М.», хотя марки нет и совершенно очевидно, что эта посылка отправлена не по почте.

— Он начал срывать бумагу.

— Нет, ради всего святого! — воскликнул Бэбкок. — Не делайте этого! Неужели вы так уверены в своей теории, что готовы подвергнуть себя огромному риску?

— О, я не испытываю ни малейшего страха, — спокойно сказал Эйнштейн, высвобождая из вороха оберточной бумаги какую-то книгу. Взглянув на обложку, он начал смеяться, сначала тихо, а затем все сильнее и сильнее, пока на глазах у него не выступили слезы.

Неужели это тот самый безумный смех? Нет. Эйнштейн в конце концов взял себя в руки и повернул книгу обложкой к Джойсу и Бэбкоку — так, чтобы и они могли прочитать заголовок.

— Вот она, джентльмены, — сказал он. — Ужаснее не придумаешь...

Надпись на книге гласила: «Детские стишки Матушки-Гусыни».

— Есть и «ма», и «гу», и «ки», — медленно произнес Джойс.

— Все сходится.

— Выходит, Кроули не шутил, и в этих стишках на самом деле зашифрованы все магические секреты! — воскликнул Бэбкок.

— Да нет, шутил, — сказал Эйнштейн. — И в этом как раз вся соль его шуток.

Он сел на место, вытирая слезы и все еще широко улыбаясь.

— Ну просто божественная комедия какая-то, — еле выговорил Джойс, давясь от смеха. — Сейчас мы все окажемся в дантовом чистилище.

— Вы хотите сказать, что все это время меня попросту дурачили? — обиженно спросил Бэбкок, которому было совсем не до смеха.

— И да, и нет, — ответил Эйнштейн.

— Очередной парадокс! — негодуяще воскликнул Бэбкок. — Послушайте, в вашей теории есть хотя бы одно категорическое «нет» или безоговорочное «да»?

Джойс, все еще смеясь, негромко пропел:

Парадокс, парадокс,
Хитроумный парадокс...

— Черт возьми! — не выдержал Бэбкок. — Могу я наконец узнать, над чем вы смеетесь?

Эйнштейн кивнул.

— Извините, — сказал он. — Я бы с удовольствием объяснил вам все, но мне кажется, что если я сделаю это сейчас, вы никогда мне этого не простите. А что думаете вы, Джим?

— Я думаю, — сказал Джойс, — что этот сценарий продуман настолько хорошо, что никакие ваши объяснения не смогут его разрушить. В нужный момент дверной звонок прозвенит снова, и Автор собственной персоной возвестит развязку, которую планировал с самого начала.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Эйнштейн. — Что ж,

— обратился он к Бэбкоку, — в таком случае я расскажу вам столько, сколько успею...

— Когда звонок прозвенит второй раз, — с шуточной торжественностью произнес Джойс, — каждый из нас превратится в тыкву.

— Надеюсь, я все же успею закончить свое объяснение прежде, чем это произойдет, — сказал Эйнштейн.

— Начинайте же! — нетерпеливо сказал Бэбкок. Эйнштейн немного помолчал, собираясь с мыслями.

— Начну с основ, то есть, применительно к современной философской мысли, с Дэвида Юма. Размышляя о чудесах, Юм объясняет, что такое необходимое и достаточное доказательство реальности чуда. По его утверждению, чудо неоспоримо только в том случае, если любое другое объяснение более невероятно, чем само это чудо. Назовем это «бритвой Юма», по аналогии с «бритвой Оккама». Например, если я сейчас скажу, что моя дорогая жена Милли летает по кухне в метре от пола, вы поверите мне только в том случае, если вероятность того, что я, Альберт Эйнштейн, могу солгать, окажется меньше вероятности того, что Милева может летать. Я дорожу своей репутацией честного человека, но не думаю, что вы будете долго колебаться, решая, что более невероятно — а) то, что Милли в самом деле летает по кухне, словно ведьма, или б) то, что я вам солгал. Несомненно, всегда легче поверить в то, что человек, каким бы честным он ни был, лжет, чем в то, что кто-то из его близких летает.

Эта идея продиктована обыкновением здравым смыслом, как и все остальные идеи Юма. Мы никогда не верим рассказам о необычных событиях, если был только один очевидец. Если очевидцев было несколько, мы начинаем слегка сомневаться, но даже в этом случае пытаемся убедить себя в том, что эти люди договорились между собой, или были мертвецки пьяны, или видели галлюцинации.

А теперь давайте применим «бритву Юма» к чудесному появлению дохлой кошки на алтаре. С чьих слов мы знаем об этом происшествии? Только со слов преподобного Вири. И о том, что миссис Вири нашла следы осквернения церкви, мы тоже знаем не от нее самой, а от преподобного Вири.

Опираясь на логику Дэвида Юма и здравый смысл, давайте спросим себя, что более невероятно: то, что таинственные сатанисты могут проходить сквозь стены, или то, что странный старик вроде Вири может говорить неправду? Ответ очевиден: первое более невероятно, второе менее невероятно. Естественно, мы выбираем менее невероятную теорию: Вири солгал.

— А как же быть с загадочными самоубийствами? — спросил сэр Джон. — Одно дело — неподтвержденные свидетельства Вири, и совсем другое — заметка, опубликованная в газете...

— Да, — согласился Эйнштейн. — Есть еще некая газетная заметка, или

нам кажется, что она есть. Скажите, откуда она появилась?

— Из инвернесского «Экспресса», — ответил Бэбкок.

— Не совсем, — сказал Эйнштейн. — Она появилась из кармана мистера Джорджа Сесила Джоунза. Только с его слов вы знаете, что эта заметка была вырезана из инвернесского «Экспресса». Кстати, когда Джоунз отправил своего секретаря купить газету, тот принес только один экземпляр. И действительно, зачем ему две одинаковых газеты? Вы положили к себе в карман вырезку, которую дал вам Джоунз, а на следующее утро увидели, что Вири читает ту же самую статью. Откуда взялась вторая газета? Вот то Чудесное Умножение, о котором я говорил. Объяснить его невозможно, то есть кто-то опять солгал. Почти все персонажи в этой истории каким-то образом связаны с издательским делом. Преподобный Вири и «Общество распространения религиозной истины» издали «Облака без воды» и, возможно, немало других, не менее занятных, книг. Джоунз и его братья по ордену издавали учебники для учеников «Золотой Зари». Кроули, как мы знаем, самостоятельно печатал свои книги. Любому из этой загадочной троицы не составило бы особого труда подделать газетную вырезку.

— О Боже! — потрясенно воскликнул Бэбкок. — Но я своими ушами слышал, как Вири говорил по телефону с инспектором Макинтошем из инвернесской полиции... То есть... Ну и глупец же я!

— Наконец-то, — сказал Эйнштейн. — Теперь вы все понимаете, не так ли? Вы слышали, как Вири говорил с кем-то в Инвернесе, позвонив по какому-то инвернесскому номеру, и вы предположили, что он разговаривает с инспектором полиции. Опять-таки, что кажется вам более невероятным: то, что произошла серия самоубийств, спровоцированных, — при этих словах он улыбнулся, — Матушкой-Гусыней, или то, что у Вири в Инвернесе был сообщник, с которым они инсценировали этот телефонный разговор? Ответ очевиден и в этом случае: версия с сообщником гораздо менее невероятна.

— Все это звучит весьма убедительно, — сказал Бэбкок. — Но мне все же трудно поверить в то, что Джоунз, Вири и Кроули действовали сообща.

— Мне тоже было трудно в это поверить, — сказал Эйнштейн, — пока вы не пересказали мне ваш с Джоунзом телефонный разговор, который состоялся в то утро, когда к вам приехал Вири. Меня поразили слова Джоунза: «Будьте осторожны, сэр Джон. Не забывайте о том, что горб Вири очень бросается в глаза». Откуда Джоунзу было знать, что Вири — горбун, если они никогда не встречались? Сначала я подумал, что вы могли сказать об этом Джоунзу в самом начале разговора, но потом вспомнил ваши слова о том, что Вири все время был рядом с вами. Вы, конечно же, слишком хорошо воспитаны для того, чтобы сказать в трубку «Да, кстати, он — горбун», когда этот горбун стоит прямо перед вами. Но тогда как, черт возьми, Джоунз об этом узнал? Это я назвал Случайной Телепатией. Лично я в нее не верю.

— Остается только одно правдоподобное объяснение: Джоунз и Вири с самого начала были сообщниками. Вири рассказывает вам, сначала в письмах, а потом и лично, несколько душераздирающих историй, которые должны напугать вас до чертиков, а Джоунз подсовывает вам фальшивую газетную вырезку, которая должна сделать рассказы Вири более убедительными.

Эйнштейн на минуту прервался, чтобы раскурить трубку, затем продолжил:

— Если предположить, что Джоунз и Вири были сообщниками, в этом запутанном деле сразу же проясняются некоторые темные места. Я

допускаю, что иногда число совпадений может расти с поразительной скоростью — особенно в системе отсчета человека, который настроен на их восприятие и считает их оккультными сигналами или предзнаменованиями. Однако в вашем рассказе, сэр Джон, совпадений чересчур много. Взять хотя бы то пугающее постоянство, с которым образы и ситуации из ваших снов и астральных видений — кстати, я считаю эти видения разновидностью снов, снами за несколько секунд до пробуждения, — проявлялись в вашей реальной жизни начиная с того момента, как вы впервые узнали о существовании Вири. И я спрашиваю себя: почему так много совпадений?

— На этот вопрос есть только один ответ, — сказал Эйнштейн. — Кроме вас, только один человек имел доступ к вашему «магическому дневнику». Только один человек читал его каждый месяц, якобы для того, чтобы руководить вашим духовным развитием. Только один человек мог помочь Вири вызвать у вас ощущение, что ваши кошмары становятся реальностью. И этот человек — Джордж Сесил Джоунз.

— Боже милостивый! — снова воскликнул Бэбкок.

— Вернемся к газетной вырезке, — продолжал Эйнштейн. — Если бы ее не было, у вас могли возникнуть сомнения в истинности этой истории, которая была известна вам только со слов Вири и очень напоминала классический роман ужасов. Таким образом, фальшивая вырезка была элементом хорошо продуманного плана, как и разговор с инспектором Макинтошем.

— Но, — возразил Бэбкок, — какими бы разумными ни были ваши доводы, мне все равно трудно поверить в то, что христианский священник, даже с раздвоением личности, мог помогать такому исчадию ада, как Кроули.

Эйнштейн усмехнулся.

— Давайте немного поразмышляем. Джойс предположил, что Артура Агнуса Вири никогда не существовало, и «Облака без воды» от начала и до конца написаны Чарльзом Вири. Что, если мы вывернем эту мысль наизнанку и предположим, что никогда не существовало Чарльза Вири, и «Облака без воды» написаны Артуром Ангусом Вири?

— Но ведь я своими глазами видел Чарльза Вири! — воскликнул Бэбкок.

— Если быть до конца точным, — сказал Эйнштейн. — вы переписывались и общались лично с человеком, который утверждал, что его зовут Чарльз Вири. Он был горбуном, а этот физический недостаток так сильно бросается в глаза, что практически целиком завладевает вашим вниманием при общении. Мало кто после разговора с горбуном может точно описать его внешность, так как горб производит очень сильное впечатление и мешает запомнить менее значительные детали — черты лица, рост, цвет волос. Тем не менее, вы запомнили одну очень интересную подробность и не раз о ней говорили. Я имею в виду необычайную бледность мнимого Вири. Помнится, вы сказали, что Вири был бледен, словно актер, загримированный для роли покойника. Вот это меня и удивило: Слишком Четкий Образ. Я еще подумал: хм, если бы я надел накладной горб и должным образом загримировался, а потом вошел в эту комнату и спросил профессора Эйнштейна, вы двое наверняка ответили бы мне, что профессор Эйнштейн вышел.

— Каббалистический стиль! — воскликнул Джойс. — Боже, как я не заметил этого раньше! Ну конечно же! Стиль тот же. А это значит, что настоящий автор «Облаков без воды» — как самих стихов, так и комментариев к ним, — Алистер Кроули.

— Алистер Кроули — сын богатого пивовара, — сказал Эйнштейн, — и поэтому наверняка может себе позволить, как и многие другие богатые англичане, не только квартиру в Лондоне, но и красивый старинный особняк где-нибудь в Шотландии. Например, в Инвернесе. Думаю, это очень легко проверить.

— А телефонный номер этого особняка — Инвернесс 418, — подхватил Джойс, — тот самый номер, который «Вири» набрал, когда якобы говорил с «инспектором Макинтошем». На самом же деле Кроули, загримированный под вымышленного «Вири», позвонил к себе домой и, чтобы ввести сэра Джона в еще большее заблуждение, сделал вид, что разговаривает с полицейским.

— Есть кое-что еще, — заметил Эйнштейн, — Вчера мы узнали о том, кто некий лэрд Боулскинский приехал в Шотландию, чтобы совершить горное восхождение. Мы знаем, что Кроули отличный альпинист. Вот вам Загадка Альпиниста. Давайте в духе каббалистики предположим, что эти двое — на самом деле одно лицо. И вспомним, что «дьявол», которого сэр Джон видел на Банхофштрассе прошлой ночью, появился как раз после того, как в город прибыл лэрд. Посылка, которую нам только что принесли, также наталкивает на мысль о том, что Кроули находится где-то поблизости. Я предполагаю, что вместе с особняком в Инвернесе Кроули каким-то образом получил или присвоил себе титул «лэрда Боулскинского», и что именно он стоит как за «преподобным Чарльзом Вири», так и за «Обществом распространения религиозной истины».

— Проклятье! — раздосадованно воскликнул Бэбкок. — Каким же я был дураком!

— Вас оставили в дураках настоящие мастера своего дела, — постарался успокоить его Эйнштейн. — Автор «Книги лжей» — гений мистификации.

— Мне неясно только одно, — сказал Джойс. — Каким образом ввязался в эту историю мистер Джордж Сесил Джоунз?

— Разгадка всегда находилась у нас прямо перед глазами, — сказал Эйнштейн. — Кроули был абсолютно честен — наверное, потому, что правда, которая похожа на ложь, развлекает его не меньше, чем ложь, которая похожа на правду. Если вы помните, еще в самом начале Джоунз рассказал сэру Джону о том, что есть еще одна «Золотая заря», и возглавляет ее Кроули. Нападки на себя и свой орден, вложенные в уста Джоунза, — характерное проявление необычного юмора Кроули. Сэр Джон с самого начала был в «Золотой Заре» Кроули, а мистер Джоунз, по-видимому, является правой рукой Кроули. Они провели сэра Джона через древнейший ритуал посвящения из тех, что известны антропологам, — пытку страхом. Все это было усложненной и расширенной версией того простенького спектакля, который Кроули разыграл на лекции со его так называемым «психобулометром». Более того, «обряд посвящения» был закодирован в буквах I.N.R.I. — смерть и возрождение, — над которыми сэру Джону было предложено подумать в самом начале.

— А как вы объясните ту ужасную звукозапись, которую «Вири» прислал сэру Джону? — спросил Джойс.

— Дайте мне несколько хороших актеров, и я сделаю вам запись ничуть не хуже, — уверенно ответил Эйнштейн.

В комнате на несколько минут воцарилась тишина. Ее нарушил Джойс:

— Теперь о чуде на Риджент-стрит. Неужели барон Захаров тоже был одним из участников заговора, а его православная набожность — всего лишь

очередной маскарад?

— Видите ли, — заметил Эйнштейн, — для антисемита, чье правительство распространяет фальшивые «Протоколы сионских мудрецов», и для человека, дядя которого будто бы является одним из столпов русской православной церкви, у барона Захарова довольно необычное «отчество» — Соломонович. Джим, объясните сэру Джону, что это значит.

— Сын Соломона! — воскликнул Джойс, — Как я сразу не заметил! Это значит, — пояснил он сэру Джону, — что отец барона был евреем.

— Что совершенно невозможно, учитывая все вышесказанное, — подхватил Эйнштейн. — Вот оно, Невозможное Имя. Кроули и здесь был честен — он оставил ключ, с помощью которого сообразительный человек легко проникнет за кулисы этого спектакля.

— А слова мисс Стурджис?

— Мисс Стурджис, будучи секретарем известной своим вольнодумством Айседоры Дункан, — сказал Эйнштейн, — по роду своей деятельности часто общается с эксцентричными людьми — богемой, авангардом, революционерами, называйте их как хотите. Я не удивлюсь, если окажется, что она хорошо знакома с Кроули и связана с ним отношениями романтического или какого-либо иного характера.

— Но, — сказал Бэбкок, — если барон Захаров — не русский дворянин, кто же он такой на самом деле?

— О, — усмехнулся Эйнштейн, — По-моему, совершенно очевидно, что это тоже был Кроули, только в другом наряде. — Однако Кроули, Вири и Захаров были разного роста, — озадаченно заметил Джойс. — Как вы объясните это?

— Сэр Джон сказал нам, что Кроули среднего роста. Надев накладной горб и ссутулившись, он мог легко сойти за человека небольшого роста. — Эйнштейн встал и, сильно ссутулившись, сделал несколько шагов по комнате — так, как ходят горбуны. — Видите? Теперь я выгляжу сантиметров на десять ниже, не правда ли?

— Принимается, — сказал Джойс. — Но вам будет гораздо труднее объяснить превращение Кроули в барона Захарова. Для того, чтобы стать ниже, достаточно ссутулиться, а как стать выше?

— Если вы помните, сэр Джон видел Кроули как Кроули всего один раз, — сказал Эйнштейн. — И этого Кроули, Кроули без маски, не было в саду, чтобы сэр Джон мог сравнить его с бароном Захаровым. Сэр Джон увидел, как в сад забегает один человек маленького роста, а потом столкнулся лицом к лицу со вторым человеком, который был значительно выше первого. Рост второго человека он точно не запомнил, потому что, по его словам, «барон» вел себя очень высокомерно, а властные, надменные, раздраженные люди всегда кажутся нам более высокими, чем они есть на самом деле. В нас срабатывает животный инстинкт: в стае командуют те, кто крупнее. Барон мог показаться вам высоким еще и потому, что на нем была большая русская меховая шапка. Вот что я имел в виду, говоря об Относительности Измерений.

— Если «Вири» и «барон» — одно и то же лицо, то есть Кроули, становится понятно, почему в саду не было никаких следов борьбы. Ничего не перемещалось в саду горизонтально; превращение почти наверняка совершилось в вертикальной плоскости. Костюм барона Захарова — черная борода, меховая шапка и пальто — был подвешен за дубом на резиновой ленте вроде той, которую используют в своих представлениях иллюзионисты

и медиумы. Кроули-Вири бежит в сад, хватая этот реквизит, прицепляет к ленте вещи Вири — пиджак с белым воротничком священника и бутфорский горб — и отвязывает нижний конец ленты от забора, к которому, скорее всего, она была привязана. Вещи Вири тотчас взлетают вверх и скрываются высоко в листьях дуба.

— Готов спорить, — завершил свой рассказ Эйнштейн, — что настоящие владельцы дома никому его не сдавали, и «барон» существовал только во время того короткого разговора в саду и на словах мисс Стурджис.

Бэбкок устало покачал головой.

— Возможно, в этом деле и не было чудес, — мрачно произнес он, — но все же определенно была некая дьявольщина.

— Неужели? — насмешливо спросил Джойс. — Вы просто еще не разобрались в нем до конца. Профессор очень подробно ответил на вопросы как, что и кто, но вопрос зачем все еще остается открытым. Мне кажется, что этот спектакль — не что иное, как посвящение страхом, и его последний акт еще впереди. Если Кроули одновременно руководит и «хорошими», и «плохими» каббалистами, суть этого маскарада для меня очевидна. В конце концов, сэр Джон, чем все это время занимались «плохие» каббалисты, как не инсценировали в реальной жизни ситуации из ваших ночных кошмаров? В сущности, они помогали вам справиться с вашими страхами.

— Черт! — вскричал Бэбкок. — Вы что, их оправдываете?

— Я всегда стараюсь понять других людей, а не судить их, — сказал Джойс. — Взять, к примеру, ваши сексуальные фобии...

— Я уже знаком с вашими безнравственными взглядами, — чопорно перебил его сэр Джон, — и ничуть не сомневаюсь в том, что Кроули оценил бы их по достоинству. Но я, слава Богу, в состоянии отличить хорошее от плохого.

Джойс с изумлением, отчасти нарочитым, возрился на юного Бэбкока.

— Дружище, если вы в состоянии отличить хорошее от плохого, зачем вам «Золотая Заря», зачем вам вообще учиться чему-либо? Вы же гений, мудрец, гигант мысли. Вы решили задачу, над которой ломали голову все философы с древнейших времен. Что есть добро и что есть зло? За всю историю человечества не было двух наций, племен и даже двух людей, которые ответили бы на этот вопрос одинаково. Более того, ни один разумный человек не может ответить на него раз и навсегда даже для себя: сегодня он думает так, завтра иначе. А вы знаете ответ! Я потрясен. Да что там — я благоговею перед вами. Я готов припасть к вашим стопам.

— Джим, — попытался успокоить его Эйнштейн, — зачем столько сарказма? В наше время большинство молодых людей столь же наивно, как сэр Джон.

Но Джойса уже невозможно было остановить. Он вскочил и начал возбужденно расхаживать по комнате.

— Всю жизнь, — продолжал он, — я учился наблюдать внимательно и беспристрастно. На мой взгляд — и я думаю, что профессор со мной согласится, — объективность есть основа и необходимое условие любого научного исследования. Она также нужна для того, чтобы писать книги, которые я хочу писать. Теперь послушайте меня внимательно, сэр Джон. Спектакль, в который вас вовлекли Джоунз и Кроули, — отличный пример того, как легко человек обманывает себя. У вас были определенные фантазии, и Джоунз всего лишь постарался превратить их в реальность. Все, что с вами произошло, — только отражение ваших страхов и предрассудков,

а люди, которые играли в этом спектакле, старались помочь вам преодолеть эти страхи и предрассудки. Я не мистик, но для меня очевидно, что «Золотая Заря» — это довольно хитроумный способ научить людей видеть мир таким, каким его видит ученый или художник, то есть без искажений, вносимых моралью и предрассудками.

— Существует большая разница, — холодно заметил сэр Джон, — между предрассудками и принципами.

— Конечно, — согласился Джойс. — Это у других предрассудки, а у меня — принципы. Это другие упрямы, а я просто настойчив, это другие эгоистичны, а я просто уважаю себя, это другие пьяницы, а я просто люблю иногда пропустить рюмочку-другую. Мне продолжать? Это другие со странностями, а я просто эксцентричен. Это другие наивны и легковерны, а я всего лишь по-детски открыт и простодушен. Это другие умничают, а я умею элегантно излагать свои мысли. Это другие сластолюбцы, а я романтик. Это другие параноики, а я всего лишь осторожен. Это другие дураки и тупицы, а я просто люблю поступать по-своему.

Сэр Джон улыбнулся и шутливо поднял руки вверх:

— Все-все, сдаюсь. Я понял вашу мысль. Конечно, у меня есть предрассудки, и я в самом деле иногда стараюсь их выдать их за принципы, как это делает большинство других людей. Но неужели вы хотите убедить меня в том, что и в извращенной сексуальности Кроули и его помощников нет ничего сатанинского?

— Для объективного наблюдателя, — спокойно сказал Джойс, — поклонение половому акту не более абсурдно, чем любая другая форма поклонения. А если верить «Истории поклонения половым органам» Томаса Райта, «Золотой ветви» сэра Джеймса Фрэзера и множеству других этнологических исследований, это вообще самая древняя из всех религий. Эта форма поклонения когда-то была очень широко распространена и до сих пор сохранилась в индуизме, исламе и буддизме; более того, ее следы можно найти даже в христианстве...

Снова прозвенел дверной звонок.

— А вот и наш гость, — объявил Джойс, — Наверное, он весь вечер прятался в вашем саду, профессор, слушая наш разговор.

Взгляды троих мужчин устремились в коридор, где вскоре появилась Милева, а за ней — хорошо одетый мужчина средних лет, приветливо улыбающийся, с бутылкой шампанского.

— Сэр Алистер Кроули, лэрд Боулскинский, — представила его Милева.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Все видимые предметы — лишь картонные маски.

Герман Мелвилл, «Моби Дик»

Камилла: Сэр, вы должны снять маску.

Незнакомец: Да?

Кассильда: Да, теперь ваша очередь. Мы все уже сняли свои маски, остались только вы.

Незнакомец: У меня нет маски.

Камилла {испуганно шепчет Кассильде}: Нет маски? У

него нет маски?

Роберт Чамберс, «Король в желтом»

Если бы не подвязка, я мог бы никогда не увидеть звезду.

— Алистер Кроули, «Звезда и подвязка»

XXXVII

Кроули пересек комнату, залитую багряным светом заходящего солнца, и вручил шампанское Эйнштейну.

— Наконец-то наш маскарад закончился, и я предлагаю это отпраздновать. Я подумал, что всех вас, должно быть, мучит ужасная жажда, и поэтому принес вам этот дар Диониса, — сказал он.

— Отличная идея, — радостно воскликнул Джойс. Бэбкок вскочил, дрожа от негодования. Лучи заходящего солнца причудливо окрасили его лицо в золотые и красные тона.

— Вы мерзавец, — холодно сказал он Кроули. — Как вы посмели так жестоко меня разыграть?

Кроули уже осторожно открывал шампанское.

— Весь этот мир, — заметил он небрежно, — есть не что иное, как огромный розыгрыш.

Бэбкок с трудом сдерживался.

— Вы месяцами изводили и обманывали меня. Вы заставили меня пережить ужасы, которые едва не лишили меня рассудка. Вы... вы... да вы просто негодяй!

— Вы пришли к нам в поисках просветления, — сказал Кроули, — вот вы его и получаете. Неужели вы думали, что Истина прибежит к вам по первому зову, словно верный пес? Разве буквы I.N.R.I. не предупредили вас о цене алхимического превращения? Разве вы не знали с самого начала, что вам придется сразиться со всеми вашими страхами?

— И все-таки вы не станете отрицать, что были жестоки по отношению к этому молодому человеку, — спокойно заметил Эйнштейн.

— Жесток? — переспросил Кроули и расхохотался. — Отрицать? Дорогой Альберт, да я настаиваю на этом! Я жесток, ибо я и есть огонь очищающий.

— Вы богохульствуете, пытаюсь оправдать свои садистские наклонности, — возмутился Бэбкок. — Вы мне отвратительны.

— Ага, — сказал Кроули, разливая шампанское по бокалам, — я вижу, в вас все еще есть боевой дух. Мне это нравится. Возможно, когда-нибудь вас будут вспоминать как одного из любимых учеников Кроули. Сказано ведь: кого Бог любит, того наказывает.

— Еще богохульство, — промычал Бэбкок.

— Еще шампанского, — сказал Джойс. — Я свое уже выпил.

— Насколько я понимаю, — сказал Эйнштейн, сосредоточенно разглядывая малиново-красный огонек в своей трубке, — ваш план посвящения сэра Джона предполагает определенный финал. Надеюсь, мы не разрушили его тем, что преждевременно объяснили сэру Джону ваши фокусы.

— Выпейте еще шампанского, — предложил Кроули Бэбкоку, наполняя его бокал. — Этот спектакль закончится именно так, как я планировал, с той лишь разницей, что вместо одного кандидата будет три.

В комнате повисло молчание.

Сердце: тук, тук, тук.

Первым обрел дар речи Джойс.

— Три, — переспросил он. — Я чую в этом какой-то подвох.

Эйнштейн вяло поинтересовался:

— Вы тоже слышите это странное жужжание?

Все посмотрели на Кроули, потом друг на друга.

— Удивительно, — сказал Джойс. — На какой-то миг мне вдруг показалось, что я понял Платона. Как будто движущийся во времени и пространстве образ замер, и я увидел мировую линию в четырех измерениях, вечную и неподвижную. Ничего себе! Великая мутная река сознания будто застыла.

— Странный звук, — снова сказал Эйнштейн, — как будто жужжат миллионы пчел...

— А я вот не слышу никакого жужжания, — спокойно заметил Джойс. — Бэбкок, с вами все в порядке? Вы что-то позеленели.

Бэбкок и вправду позеленел, потом почему-то побагровел.

— Интересно, — произнес он медленно. — Никогда в жизни я не чувствовал себя лучше, чем сейчас.

Книжный шкаф в углу вдруг начал уменьшаться в размерах. Джойс с изумлением наблюдал за этой метаморфозой. Жужжание заметно усилилось.

— Удивительнее всего то, — заметил Кроули, — что, сколько бы вы ни выставили солдат, горбунов всегда будет на один больше.

— Вы правы, — сказал Эйнштейн. — Каждый ответ порождает новый вопрос. Но в этом вся прелесть игры.

Кроули спокойно наблюдал за тем, как съеживается дубовый книжный шкаф.

— Для вас и для меня — да, — сказал он. — Но большинство людей хочет, чтобы солдат было ровно столько, сколько горбунов. Им кажется, что каждый вопрос должен иметь ответ.

— Этот шкаф и вправду съеживается, или мне только кажется? — спросил Джойс.

Неожиданно шкаф превратился в цюрихский экспресс, который пронесся, грохоча: одночасье, одночасье, одночасье.

Потом он превратился из экспресса в алтарь. Кроули в багряном плаще взмахнул огненным Жезлом, и сознание Джойса снова замерло.

Стоп. Вперед. Стоп. Вперед.

Вокруг Джойса танцевали мириады чудовищ. «Правду ты мне говоришь, вдоль по улице идя», напевали они. Рогоносец! Рогоносец! Самое крупное тайное общество в Европе. Рогоносец!

— Слушайте все, — сказал Кроули. — ИЕОУ ПУР ИОУ ПУР ИОАТ ИАЕО ИООУ АБРАКСАС САБРИАМ ОО ОО АДОАИ ЕДЕ ЕДУ АНГЕЛОС ТОН ТЕОН ЛАИ ГАЙЯ АЭПЕ ДИАТАРНА ТОРОН! Солнце, живущее во мне! Ты огонь! Ты рождаешь звезды! Ты окружено силой и огнем! Великий Солнцезмей! Я приветствую тебя! Я приветствую тебя, великий дикий зверь! Желание моей души! Желание моего ангела! Славься, Грааль! Славься, чаша Вавилона! Славься, мой ангел, сливающийся с моей душой! Да откроется вам всем скрытый свет, душа, порождающая все души!

Одновременно, одновременно, одновременно, понимаю, понимаю, понимаю.

— Не могли бы вы повторить последнюю фразу, — попросил Джойс. — Я что-то не до конца понимаю, что происходит в этой комнате.

Сэр Джон толкнул дверь магазина «М.М.М.» и прошел через Парфенон, собор Святого Петра, Эйфелеву башню, восточные пагоды, мрачные банки с готическими фасадами, орден амеб, орден сороконожек, орден рыцарей-тамплиеров, орден Мемфиса и Мизраима, академии, лаборатории, женские монастыри, пекарни, часовни, могучие воды Амазонки и Ганга. Большое может скрываться внутри малого. Слабоумные фермерские отпрыски, размахивая полотнищами с надписью «Свободу инстинктам», мчатся в атаку на плотный строй полицейских.

Комнату начали заполнять Тайные Вожди, медленно материализуясь прямо из воздуха прозрачного. Элиас Эшмол, Тайный Мастер, Совершенный Мастер, Избранный из Пятнадцати, Рыцарь Треугольника; Томас Воэн, Верховный Инспектор 33-й степени Древнего и Принятого Польского Устава; сэр Эдвард Келли, Возвышенный Хранитель Царской Тайны; доктор Иоанн Ди, Князь Милости, Рыцарь Пната, Тайный Совершенный Мастер; Родерик Борджиа, папа римский Александр VI, Великий Рыцарь Лота и Феникса; Михаэль Майер, Мудрец Элии, Мудрец Дельф, Мастер Тройного Тау; Парацельс, Великий Рыцарь Святого Андрея; Адам Вейсгаупт, Рыцарь Палестины, Великий Избранный Святой Рыцарь; Христиан Розенкрейц, Старый Мастер Королевской Арки; Вольфганг фон Гете, Истинный Мастер-Адепт Символических Лож; мученик Жак де Молэ, Рыцарь Иерусалима, Рыцарь Палестины, Рыцарь Жезлов, Верховный Шотландский Архитектор Ереси, Великий Рыцарь Содомы; король Фридрих, Великий Рыцарь; король Баварии Людовик, Верховный Правитель Звезд, Повелитель Хаоса, Великий Философ; Кинг-Конг, Примат Острова Черепов; Карл Кельнер, Великий Хранитель Ереси Креста и Розы; Карл Великий, Доктор Изедов; Валентинус, Патриарх Мемфиса и Сент-Джо; сэр Ричард Бартон, Верховный Командор Храма и Князь Иерусалима; Базилид, Первосвященник Коллегии Гнозиса; Пифагор, Рыцарь Ливийской Цепи; сэр Ричард Пэйн-Найт, Командор Красного Орла; Манес, Патриарх Планисфер, Совершеннейший Архитектор, Рыцарь Израиля; Атилла, Предводитель Гуннов, Храбрый Мастер; Людвиг ван Бетховен, Совершенный и Знаменитый Адепт Ордена Павлинов, Мастер Треугольника; Симон Волхв, Рыцарь Золотой Элевсинской Ветви; Иоганн Себастьян Бах, Очень Быстрый Мастер Органа; Аполлоний Тианский, Великий Архитектор Тайного Города; Вольфганг Амадей Моцарт, Рыцарь Волшебной Флейты, Прусский Рыцарь, Рыцарь Храма, Верховный Мастер-Рыцарь Орла; Бенджамин Франклин, Великий Топор Королевской Арки, Верховный Рыцарь Выбора; Томас Джефферсон, Архитектор Света и Совершенства, Великий Еретик; Катулл, Мудрец Лабиринта и Рыцарь Высшей Любви; Мелхиседек, Рыцарь Кадош, Рыцарь Великий Надзиратель, Рыцарь Королевской Тайны Небесных Колесниц; Осирис, Верховный Искатель Истины и Рыцарь Ливана; Тахути, Рыцарь Королевской Арки, Рыцарь Тайного Склепа; Будда, Великий Мастер Просветления; Лао-цзы, Великий Мастер 90-й и последней степени, Патриарх Ордена Мизраима; Дон Кихот Ламанчский, Рыцарь Иерусалима, Рыцарь Печального Образа, Избранный из Девяти, Верховный Избранный, Кавалер Королевской Арки Еноха, Шотландский Рыцарь Совершенства, Великий Мастер, Рыцарь Тайного Склепа, Рыцарь Радуги, Верховный Надзиратель, Верховный Смотритель Креста и Розы, Великий Избранный Святой Рыцарь, Истинный Мастер Тайного

Знания, Рыцарь Израиля, Рыцарь Мемфиса и Мизраима, Почетный Великий Мастер и Первосвященник, Адепт 33-й степени Шотландской Масонской Ложи, 10-й степени «Ordo Templi Orientis», 97-й степени Ложи Мемфиса и Мизраима, КОРОЛЕВСКИЙ ВЕРХОВНЫЙ ВЕЛИКИЙ МАСТЕР Гностической Католической Церкви, ВЕРХОВНЫЙ ИЛЛЮМИНАТ; а также великое множество разнообразных благородных обезьян, свиней, носорогов, рыб и беспозвоночных, а также почтенные представители орденов пчел, тараканов, мокриц, муравьев, термитов, саранчи и креветок, а также самые разумные амёбы из тех, которые известны науке.

— Приятно снова оказаться в колыбели, — робко заметил Джойс. — Когда впервые мочишься в кровать, сначала тепло, потом холодно. Но сейчас я просто утопаю. Нет, я ведь умею плавать. Откуда взялись медузы?

— О боже! — закричал Бэбкок. — Все в комнате превращается в женские груди!

— Я понял, я понял! — воскликнул Джойс. — Это закат сознания. Но вот какое это сознание — индивидуальное или... о, нет...

Вокруг груди большие маленькие конические сферические грушевидные удлинённые полные тощие высокие груди французских шлюх с задорно торчащими сосками плоские груди восточных женщин с маленькими сосками упругие мягкие дряблые из них начинает капать молоко капли сливаются в один огромный белый поток словно нежный тёплый дождь в раю молоко летит по параболе действие силы тяжести похоже на подвесной мост похоже на радугу похоже на бесконечную синусоиду на экране осциллографа но боже что это! появляются зеленоватые чешуйки все груди превращаются в русалок

Я Эйнштейн, я Бэбкок, я Кроули боже я трубка я пепел душа мира да я стул Иисусе! я все еще Джеймс Джойс мне так кажется кажется ли мне?

Эйнштейн стоит на Банхофштрассе и смотрит вдаль туда где сверкающие рельсы железной дороги сходятся в одну линию и скрываются за горизонтом огибают землю огибают солнечную систему огибают галактику огибают вселенную огибают все существующие миры и возвращаются на Банхофштрассе небо заполнено сверкающими шариками мириады жемчужин опалов сапфиров изумрудов все они складываются в гигантскую розу в центре которой растёт сияющий крест тик-так тик-так лепестки увлажняются и нежно блестят словно внутренности огромного влагилица

Человек-ястреб — думает Джойс поднимаясь из лабиринта.

Вернись в Эрин, родной край.

Merde, сказал генерал Канбронн. В семье он был известен как мистер Харрис.

Эйнштейн заглядывает в туннель сознания вспоминает как прыгал по деревьям с другими обезьянами вспоминает как убегал от хищников когда был лошадей носорогом зеброй тапиром вспоминает себя свиньей бегемотом верблюдом оленем жирафом антилопой вспоминает печали и радости тюленя моржа волка и панды проваливается еще глубже и вспоминает себя птеродактилем тиранозавром ихтиозавром поток сознания снова выносит его на поверхность он видит себя бобром полевой мышью дорогуша ты мне всегда верный белкой крысой воет на луну пробегает по кроличьим норкам становится мотыльком землеройкой летучей мышью ласточкой чирикает воробьем поет соловьем плавает в прозрачной голубой воде шевеля жабрами квакает погружается в генетический водоворот проходит все стадии одноклеточного развития и вдруг становится драным слепым на один глаз

испуганным голодным грязным шелудивым старым дворовым котом который поет

Ах, мой милый Августин, все прошло, прошло, прошло!

А где это вы только что были, любопытствовал Джойс.

Очень интересно, сказал Эйнштейн. Оказывается, не все наши предки были приличными людьми. Большинство из них даже не были млекопитающими.

Бэбкок находит в конце туннеля Дверь и распахивает ее. Оттуда вываливаются миллионы голубых подвязок, отделанных белыми кружевами.

Это приводит к искривлению позвоночника, сказал доктор Бостик Бентли Бэбкок, высунувшись из лифта, летящего в пространстве. Бледность... неспособность сосредоточиться... мех на ладонях, как у оборотня... в конце концов приводит к слабоумию. Ты должен контролировать себя. Я никогда этим не занимался. Ни один порядочный англичанин не станет эти заниматься.

Бэбкок кричит, истерически рыдая.

Изыди от меня, проклятый, сказал Рогатый Бог, в вечный огонь, уготованный для Сатаны и его ангелов. Я видел, что ты делал в шкафу. С подвязками родной матери.

Но я не смог найти других подвязок, умоляюще причитал Бэбкок.

Эйнштейн с беспокойством посмотрел на Бэбкока. Вы уверены, что с ним все будет в порядке, спросил он Кроули.

Небольшая гомеопатическая истерия еще никому не повредила, ответил Кроули, зевая.

Вы бессердечный мерзавец, сказал Бэбкок.

Merde, сказал генерал Канбронн. Просто найди свою территорию.

Появились муравьи, маршируя колонной по одному, затем по два, затем по три.

Это греческая фаланга, сказал Эйнштейн. Смотрите, вон впереди Александр Македонский...

Полевая мышь закричала опять.

Ничего страшного, сказал Бэбкок, Джойс. Просто передозировка сочувствия.

Я еще человек, спросила полевая мышь.

Да-да, вы все еще сэр Джон Бэбкок, успокоил ее Эйнштейн.

Но полевая мышь в вас все еще остается, добавил Кроули. Точно так же как акула, птеродактиль...

Эволюция — это не отвлеченная теория, тихо сказал Эйнштейн, а то, что сейчас происходит с нами.

Бэбкок закричал опять.

Все зашло слишком далеко, запротестовал Эйнштейн.

Кроули превратился в преподобного Вири, горбатого, бледного, безумного. Часы медленно, печально и звучно проббили тринадцать раз.

Лягушки и мыши, воскликнул Вири. Жестокость? Извращения? Хотел бы, чтобы все были похожими на меня, но лучше быть живой мышью, чем летающей собакой. Кучи дерьма. Мерзость. Месячная грязь. Безумие Луны. Незаконное проникновение.

С Луны начала капать оранжево-красная менструальная кровь, падая на щеку Бэбкока.

Фу, тьфу, сказал он, содрогнувшись от отвращения.

Он начал вытирать кровь платком, и она вдруг превратилась в золото —

множество золотых слитков, сложенных в пирамиду. Змей родился снова, и я краснею.

Алхимическая тайна красного золота, мимоходом заметил Кроули.

Это всего лишь природное явление, добавил Джойс. Первое слияние.

Почему я знал, что вы скажете именно это, удивился Бэбкок.

Иисус Христос, сказал Джойс.

Комната начала уменьшаться в размерах.

Все основано на внутреннем сгорании, пояснил Эйнштейн.

Неужели искривляются измерения, поинтересовался Джойс.

Боже, прошептал Бэбкок. Сейчас нас всех раздавит в лепешку.

Похоже, мы движемся со скоростью, близкой к скорости света, предположил Эйнштейн. Математика только в ваших робких грехах отрочества.

Матка продолжала сокращаться.

Но мы же сейчас задохнемся, закричал Бэбкок.

Нет, спокойно сказал Джойс, сейчас нас всех выбросит... в новый мир.

«Я почти достиг Индии», сказал Воображаемый Мангуст с кожей оливкового цвета. Он шел по коридору мимо троглодитов, карликов, пещерных людей, крабов, гигантских подсолнухов. Тик-так. Тик-ток.

Зажглись звезды в поясе Ориона, указывая путь к Сириусу. И все-таки я не понимаю, задумчиво сказал Джойс. Почему именно в этот день месяца?

А что, сказал Кроули. Пять дней после начала месячных. Мужской цикл — 25 дней, женский — 28. Бенгальцы знали это еще две тысячи лет назад. 23 плюс 5 равно 28.

Три... пять... восемь, медленно произнес Эйнштейн. Вместе получаем... 358.

Земля снова материализовалась из Хаоса.

V. I. T. R. I. O. L.

Visita Interiora Terrae Rectificando Invenies Occultum Lapidem, пропел Бэбкок в экстазе, свисая с креста вниз головой. «Посети внутренние части Земли; перегонкой получишь философский камень». Сказано, что он скрывается в самой отвратительной и презренной из всех вещей. Столько намеков, кодов, двусмысленностей... а это все время было у нас прямо перед глазами. Девять месяцев: девять богинь Луны...

Merde, сказал генерал Канбронн с лицом Наполеона и в цилиндре дядюшки Сэма, украшенном тремя звездами из пояса Ориона.

Съешь это с кетчупом, добавил Эдуард III.

Дерьмовый ад алхимиков, сказал Джойс Анх Хонсю. Светящиеся оранжево-красные внутренности. Зов мрачной утробы. Весь западный мир сошел с ума, потому что святой Павел испытывал страх перед *vagina dentata*⁷¹.

Джойс разделился пополам, превратившись в Сада и Мазоха.

Любовь, что имени стыдится своего, сказал Мазох, надевая нижнюю юбку Норы. Напугайте меня до смерти!

⁷¹ Зубастое влагалище (лат.); этот латинский термин используется для обозначения страха кастрации в психоанализе, а также для пренебрежительного описания женщины, которая способна постоять за себя, дать отпор мужчинам.

Чуть больше дисциплины, сказал Сад, одетый в гестаповскую форму. Ползайте на брюхе, свиньи. Сознание человека — это ни что иное, как его раздутое «Я».

Но ужас, Яго, сказал Мазох. Ужас.

Муравьи маршировали уже в колонну по пять.

Внезапно они превратились в Уильяма Шекспира.

Они утверждают, что я не джентльмен, сказал Шекспир.

Rectificando, прогрохотал цюрихский экспресс. Rectificando, rectificando, rectificando...

Физика есть психология, объяснял Эйнштейн, обращаясь к книжному шкафу, который он, по-видимому, принимал за группу первокурсников. Вперед-назад — это садомазохистское измерение: агрессивность или робость, правильно? А вверх-вниз — это иерархия стаи: кто ест первым и так далее. А влево-вправо... логика Аристотеля... можно сравнить с игрой «угадай, в какой руке конфета». Четвертое же измерение...

Ну же, нетерпеливо сказал Джойс. Четвертое измерение — это..?

Секс, сказал Эйнштейн.

Что? воскликнул Джойс.

Даже Кроули выглядел удивленным.

Я и сам не очень хорошо понимаю эту часть своей теории, признался Эйнштейн. Видите ли, семя можно представить как вектор во времени... генетика как отрицание энтропии.

Откуда такое сильное удовольствие, спросил Джойс. Наш мозг начинает работать иначе, и мы чувствуем больше... но почему удовольствие словно растекается по всему телу?

Это следующая ступень эволюции, ответил Кроули.

Прошлое настоящее будущее — это пустынная улица, обнаженная плоть под звездами. О боже, простонал Бэбкок.

Следующая ступень эволюции, сказал Джойс. Неплохая мысль.

Неужели вы думали, что эволюция остановилась, спросил Кроули. Неужели вы считали, что боль и лишения — вечный удел человека?

Вы хотите сказать, произнес Эйнштейн, что наш мозг может научиться преобразовывать любое ощущение в эротическое удовольствие? В это нелегко поверить.

Наш мозг и так преобразовывает любое ощущение, сказал Кроули. Если он полностью пробужден и осознает свои действия, почему бы ему не реагировать на любое ощущение как на оргазм?

Это и есть то золото, которое искали алхимики, воскликнул Бэбкок. Как я до сих пор этого не понял!

Может быть, мы просто сильно пьяны, сказал Джойс, чувствуя, как его пенис превращается в кактус пейот трилистник гигантский подсолнух пихту ель чайную розу движущийся фургон с надписью КОКАИН ИНТЕРНЭНШНЛ ИНКОРПОРЕИТЕД комету на орбите бесконечные пещеры из розовых голубых фиолетовых морских кораллов 358 Змей есть Мессия ГОСПОДЬ ГОСПОД и БАРД БАРДОВ Ибо Он Будет Править Вечно и БЕСКОНЕЧНО

Муравьи маршировали колонной по девять.

Я связь родства расторг пред целым светом, закричал Бертран де Борн, выпрыгивая из камина с головой в руке, за это мозг мой отсечен навек от корня своего в обрубке этом: два в одном, единый в образе двойного.

Берт, твою мать, держи свой край, заорал Иезекиль Паунд.

Интересно все-таки переживать собственную смерть.

Вакти-вакти-вакти-вакти бум бум, сказала Скрытая Переменная. Хагиос хагиос хагиос ИАО. Кимагу Кимагу Кимагу.

Filia et Pater unus Deus, пропел Кроули. АРАРИТА.

АРАРИТА АРАРИТА АРАРИТА откликнулся из огня Король в Желтом.

Одновременно одновременно одновременно сказала Красная Кобра Желания.

Rectificando rectificando rectificando сказал Бэбкок.

Незаконное и невозможное проникновение, с улыбкой пробормотал Джойс. Любой ребенок ужасно хочет знать, что происходит за закрытыми дверями. Тайна запретной комнаты.

За алтарем, мастурбируя, появился Адам Вейсгаупт в красно-бело-синем цилиндре дядюшки Сэма, украшенном тремя звездами из пояса Ориона.

Я взываю к тебе, сказал Вейсгаупт, ужасный и Незримый бог, живущий в темных закоулках духа АРОГОГОУАБРАО СОТОУ МУДОРИО ФАЛАРТА ОО АЭПЭ о духовное солнце о глаз о вождение о мой отец о солнце о самодостаточный о наивысший о нерожденный!

Он кончил, хрипя, как человек, на шее которого затягивается петля.

Я семя звезд сказал первый сперматозоид с ликом Отца.

Я огонь который горит но не сжигает сказал второй сперматозоид с ликом Солнца

Я то виден то не виден сказал третий сперматозоид с ликом Кота Шрёдингера.

Они собираются застрелить эрцгерцога прошептал Эйнштейну прямо в ухо какой-то неизвестный голос.

Земля крестьянам заводы рабочим хлеб голодным прокричал Ленин взбираясь на книжный шкаф.

Толпа одобрительно загудела. Помесье Бэбкоков разграблено. Королевская семья убита. Люди с монголоидными лицами совокупаются группами прямо на улицах.

Какой еще эрцгерцог пробормотал Эйнштейн.

Вошел хор рабочих и грянул:

Вставай, проклятьем клейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.

Я провозглашаю диктатуру пролетариата, сказал Ленин, швыряя кирпич в Кота Шрёдингера. Каждый должен срочно научиться играть в шахматы. С капиталистическим Schweinerei покончено. Больше не будет ни мелкобуржуазного субъективизма ни декадентского империалистического идеализма ни додиалектического эмпириокритицизма. Одновременно одновременно. Вся власть Советам.

Муравьи маршировали уже колонной по двенадцать

Дорогуша, сказала королева Виктория, глотая кирпич. Ты мне всегда верный.

Съешь это с кетчупом, сказал Ленин. Я объявляю о начале пятилетнего плана. Трактор пройдет по миру победным маршем Господа. Обо всем представлять отчет в Центральный Комитет. Кружоворот азота в природе впервые остановился. Меньше власти Советам.

Красный оранжевый желтый зеленый голубой синий фиолетовый гоблины весело пляшут.

Съешь это с кетчупом, сказал дьявол булькающим голосом.

Неразумное в погоне за несъедобным, сказал Эдуард III с терновым венцом на голове лютиком в руке и темно-голубой подвязкой на левом бедре. Любовь, что имени стыдится своего. Париж — слишком дорогое место для того, чтобы умереть.

Он превратился в Мельмота-Скитальца и поковылял прочь, пьяно шатаясь и громко жалуясь на судьбу.

Муравьи маршировали уже колонной по сто. Дверь в Черную Башню снова распахнулась, жужжание усилилось во сто крат. Вся власть Советам: миф о *vagina dentata*, зубастом влагалище. У зла, как и у добра, есть свои таинства: только сумасшедший может быть абсолютно уверен в чем-либо. Азатот, Демон-Султан, первобытный Хаос в центре Бесконечности, завыл: Я все знаю о тех подвязках, извращенцы! Муравьи маршировали колонной по тысяче.

Аккордеонист заиграл «Die Lorelei». Джойс наблюдал за причудливыми тенями, которые плясали на стенах. «Цветы, — пробормотал он, — Blumen». Тигровая лилия.

О боже, простонал Бэбкок.

О боже, повторил он.

О БОЖЕ, прохрипел он, смеясь и плача одновременно.

Что это с ним, поинтересовался Эйнштейн.

Белый Свет Пустоты, из которого рождается все сущее, сказал Бэбкок. Это не метафора. Я видел его.

А, это, сказал Эйнштейн. Это всего лишь атомное ускорение, которое влияет на электрохимические процессы, лежащие в основе функций вашего мозга. Скрытая Переменная.

Вы хотите сказать, вскричал Джойс, что мы так замедлились или ускорились или что мы там еще сделали потому, что каким-то образом оказались внутри физического процесса, при помощи которого наш мозг создает формы?

Конечно, сказал Эйнштейн. К примеру, все эти прыжки и рывки — не что иное, как проявление квантовой дискретности.

Ладно, сказал Джойс, по крайней мере у вас есть хоть какая-то теория. Но неужели вы в нее верите?

В данный момент — да, сказал Эйнштейн. Но я сомневаюсь, что буду по-прежнему верить в нее завтра утром. Возможно, мне потребуется еще лет тридцать, чтобы доказать самому себе математически, что такие мосты существуют.

По-вашему, возбужденно спросил Кроули, этот этап трансформации происходит на атомном уровне?

На субатомном уровне, уточнил Эйнштейн. На уровне мостов через суперпространство, при помощи которых Скрытая Переменная дирижирует этой квантовой симфонией. Не подумайте только, что я знаю, о чем говорю. Как я сказал, мне потребуется лет тридцать или даже больше для того, чтобы объяснить это математически. Пока же Бетховен описывает это гораздо лучше, чем физика.

Omina in Duos, сказал Король в Желтом. *Duo in Unum. Unus in Nihil*⁷².

Сколько мы уже сидим в этой пещере, взволнованно спросил Эйнштейн.

⁷² Все в Двух; Двое в Одним; Одно в Ничто (лат.).

Огонь ослабевают.

Несколько миллионов лет назад мы были рыбами, сказал Джойс.

Заполнить все три анкеты в трех экземплярах, сказал Ленин с лицом Сталина. Тайная полиция пройдет по миру победным маршем Господа. Посещайте стоматолога как минимум два раза в год. Оргазмы отпускаются только по разрешению, заверенному круглой печатью. Одновременно, одновременно, одновременно. Никакой власти Советам.

Пока они стояли на пустынной улице, вокруг них медленно росли всевозможные сооружения: Парфенон, собор Святого Петра, Эйфелева башня, восточные пагоды, Вавилонская башня, небоскреб Эмпайр-стейт-билдинг, египетские пирамиды. Все это движение сопровождалось жужжанием и гулом множества насекомых. Тараканы строили нефы и крытые галереи для готических соборов, муравьи, уже в колонну по миллиону, воздвигали аркады и архитравы, сороконожки и раки под строгим надзором мудрых старых крабов-отшельников сооружали базилики и контрфорсы, термиты и тарантулы трудились день и ночь, кирпич за кирпичом складывая консоли и капители, москиты и жуки создавали дорические византийские ионические и коринфские колонны, повсюду росли шалаши, иглу и вигвамы, вот появился Стоунхендж. Суэта, шум, движение, жужжание не прекращались ни на минуту; появлялись все новые дворцы, соборы, трущобы и гетто, ибо поколение приходит и уходит, а домовладельцы живут вечно.

Муравьи маршировали уже колонной по миллиарду.

Я вызываю тебя, пропел Людвиг, МА БАРАИО ИОЭЛ КОТА АРТОБЕЛА АБРАОТ о мать о истина ты искусство ты пустота ты богиня красоты и любви

Черт возьми, да ведь я — самка гиппопотама, с удивлением заметил Бэбкок.

Джойс взглянул на прекрасную девушку, которая сидела на камне посреди Рейна и расчесывала свои золотые волосы, и понял, что она на самом деле — самка носорога.

Я-то думал, что мы уже все загадки разгадали, пожаловался он. Я Исида, неопишуемая Царица Природы, с еще большим удивлением воскликнул Бэбкемот. Я мать всех вещей. Господи Иисусе, по-моему, я сейчас буду рожать.

Космическое рождение повторяется снова и снова мое маково-красное влагалище но ведь у меня нет влагалища где мой член кто меня кастрировал где я о боже радость материнства снова и снова Матка сокращается. Комната сокращается. Лифт в космосе между вербальными концепциями зимы.

В начале был Свет, сказал Эйнштейн, выглядывая из лифта в межзвездном пространстве. Материя — не что иное, как узелки энергии.

Мадам, я Адам, представился Тетраграмматон, иудео-греческий торговец фидами. Человек, план, канал: Панама. Черт, да ведь он бешеный пес, а?

Я часто слышал, как часы бьют полночь, сказал Джойстафф.

Появилась Лола в черных колготках в сеточку и короткой юбке, из-под которой выглядывала голубая подвязка. Она оттянула подвязку, затем с хлопком отпустила и запела:

Кто не ведал страха смерти
И не думал о награде —
Уцелеет в круговерти
Дьявольского Маскарада.

Сэр Джон пробрался сквозь густой туман на противоположную сторону улицы, толкнул дверь с надписью «М.М.М. Оккультные и мистические книги всех времен и народов» и вошел внутрь.

Поосторожнее с сэром Джоном Пилом, сказал сэр Талис, сворачиваясь в кольца.

Я вызываю тебя, произносил Кроули нараспев все быстрее и быстрее. О нерожденный о тот кто создал небеса и землю о тот кто создал ночь и день. Ты есть я достигший совершенства Ты есть истина в материи Ты есть истина в движении

Прелюбодееяние мужеложство мерзость, напыщенно произнес Вири. Рогоносцы, любители подвязок.

Я никогда не делал это своим грязным членом, ваше преподобие, сказал Джек-Потрошитель. Только прекрасным чистым ножом.

Пора платить за квартиру, сказал О'Черт. Домовладельцы живут вечно.

Если бы мы стояли в самом центре выставки фейерверков, сказал Эйнштейн, то вы бы все сразу же поняли мою теорию пространства-времени, поняли бы ее интуитивно, через непосредственное восприятие. Но проблема в том, что мы не стоим на месте, а летаем вместе с огнями этих фейерверков, с такой же скоростью, поэтому и не можем увидеть, как они движутся. Хм, а почему же я сейчас это вижу?

Мой лучший друг в колледже был гомосексуалистом, сказал Джойс Бэбкоку. Я понял это только каких-то лет десять назад. Оказывается, в Ирландии искусство лицемерия развито еще лучше, чем в Англии. Боже, я обязательно напишу книгу о Хантере и покажу всему человечеству весь ужас его положения.

Никогда не думал, что дыхание может доставлять столько удовольствия, отозвался Бэбкок.

Я — рыба, которой миллион лет, человек, который рождается в 1984 году и проживет тысячу лет в дюжине галактик, счастливым тоном похвастался Эйнштейн. Боже, Алистер, что вы с нами сделали?

Распахнул двери восприятия, ответил Кроули.

Сравню ли с летним днем твои черты, спросил Шекспир, женоподобно лепеча.

Содом и Гоморра, пробурчал Вири. Лондон и Париж. Нелегальное проникновение.

Ты будешь фотоном.

Джойс внезапно понял, что они — четверо арабов в национальной одежде, которые сидят вокруг костра вот уже семьдесят тысяч лет.

Что-то ты чересчур жесток, отец, сказал Эйнштейн. Хиросима... Нагасаки... Нью-Йорк...

Эйнштейн с ужасом смотрел на вздымающееся пламя.

Сколько это уже длится?

Ты и твои свинские книги, сказала Лючия Джойс. И твои подвязки подвязки подвязки.

Идеи разбиваются на атомы восприятия, пробормотал Джойс.

Должен же это когда-нибудь кончиться. Или мы очутились в Бесконечности?

Из люка вылез Адам Вейсгаупт в остроконечном колпаке звездочета, украшенном изображением глаза в треугольнике. Трудись, масон, пропел он, воздвигай Храм!

Это ад.

Сейчас нас всех раздавит.

Плаваем в пустоте, сказал Эйнштейн, сила тяжести равна нулю.
Релятивизм инструмента.

Это скоро кончится. А если нет?

Но Иерофант Кроули ударил в пол одиннадцать раз своим Жезлом,
декламируя нараспев:

Никто не Виновен, никто не Прощен;
Делай, что Хочешь: вот весь Закон!

Расколите череп, завыл в бреду Вейсгаупт. Меч к бою! Да будет земля
уничтожена, а небеса прокляты. Все вокруг ложь, хотя и божественная!

Я умираю. Нам отсюда не выбраться.

Аромат роз и клевера там, где никогда не светит луна.

О'Нил видел нижнюю юбку королеву Молли, сказал Джойс и засмеялся.

В конце концов, это было не так уж плохо. Мы плаваем в пространстве,
превратившись в гениталии.

Джойс превратил себя в голубую книгу, распался на атомы, вычленил
себя из бытия, размножился и воплотился в миллионах библиотек.

Фу-фу, сказал сэр Талис. Чую кровь англосакса.

Бэбкок рассмеялся. И этого-то я боялся? Картинки из детской книжки?

Убирайся, спокойно сказал сэру Талису Джойс. Ты всего лишь один из
фрейдистских символов. *Eutaenia sirtalis*, обыкновенная подвязочная змея.
Сэр Талис, подвязки — теперь вы понимаете, Бэбкок? Эту змею еще
называют райской. Отсюда и образы рая в ваших снах.

Ей-богу, Джойс, сказал Эйнштейн с лицом доктора Ватсона. Как вы это
делаете?

Элементарно, Эйнштейн, ответил Джойс с лицом Шерлока Холмса.

Через окно влез доктор Карл Юнг.

Действительно, этот фрейдистский анализ позволяет обнаружить истину,
сказал он, но отнюдь не всю. В гностических культах змея — символ
бессмертия и перерождения. В представлении примитивных народов змея
рождается заново каждый раз, когда сбрасывает кожу.

Из глубин подземелья в Сен-Жиле
Страшный крик разнесся на мили
«О, боже святой! —
Сказал брат Игнатий, —
У епископа ведь геморрой!»

*Das Buck ist ein Schwein*⁷³, обвиняющим тоном сказала Нора. Нам нечего
жрать, а он пишет о подвязках.

Видите ли, — беспокойно сказал Джойс, — я считаю фетишизм самой
древней религией.

У доброй половины английских мужчин есть какой-нибудь фетиш, сказал
Кроули. Обычно это школьная надзирательница, психологический аналог
империализма.

⁷³ Эта книга — свинья (нем.)

Так и есть... признался Джойс. Мне нравится, когда Нора мне выговаривает... когда ее глаза вспыхивают гневом. Джойс осмеян, оклеветан, изгнан, осужден, отвергнут, унижен, голоден. Слухи путешествуют, словно триппер: Дублин, Париж, Лондон, Цюрих, Москва, Гонконг, Нагасаки, Хиросима, Сидней, Гонолулу, Мендосино, Чикаго, Техас и снова Дублин. Говорят, что он стал неизлечимым наркоманом, что его парализовало, что он умер от белой горячки в Нью-Йорке, что он страдает от семи венерических заболеваний, что он пристаёт к официантам, что он пишет неприличные анонимные письма королеве Англии, а также нескольким монашкам и девочкам-подросткам, что он вуайерист, что он эксгибиционист, что он с идиотской улыбкой испражняется в парках, ожидая аплодисментов, что он ослеп от сексуальных излишеств и онанизма, что он мочится в кровать, что он бродит по школам, нюхая сиденья велосипедов старшеклассниц, что он сотрудничает с английской или немецкой, или обеими разведками, что он стал тупым и послушным орудием в руках иллюминатов, что Нора изменяла ему с его родным братом, с его лучшим другом, с семьёй священниками, с девятью раввинами, с Избранным среди Пятнадцати, с домом Ротшильдов и с оркестром из отеля «Уолдорф-Астория». Его книги, вместе с книгами де Сада, Мазоха и Уайльда, нужно сжечь в тайной комнате Исчезнувшей Пирамиды в Исчезнувшем Городе на Исчезнувшем Континенте Му. Его самого нужно раздеть, отстегать плетью, защекотать, замучить, повесить, утопить, четвертовать и распять.

Прости им, Отец, сказал он, ибо они не ведают, что творят.

Он отбросил коньки. Полетели искры, астральные вибрации потрясли атмосферу, его душа поднялась над телом, зрители увидели шаровые молнии и неопознанные летающие объекты, землетрясение сбросило Дублин в море, небеса задрожали, и он умер как собака.

Почему вы ищете Джима именно здесь, спросил ангел, отваливая могильный камень. Из могилы Джойса полезли цветы — у каждого цветка семь лепестков, на каждом лепестке семь секретов, у каждого секрета семь названий.

Мумия Осириса восстала из гробницы.

Я — часовщик из Амстердама, сказала она. Круговорот азота в природе.

Улисс восстал из могилы.

Я — рекламный агент в Дублине, сказал он.

Станислаус Джойс вылез из-под ковра, неся на себе каинову печать.

Что я, сторож брату моему, спросил он. Кроме того, она сама меня соблазнила...

Вот черт, сказала Нора Барнакл.

Джойс восстал из могилы в ореоле славы, великолепия и утонченности.

Ну и глупцы же вы, воскликнул он, хохоча. Неужели вы думали, что я умер?

«Поминки по Финнегану» — очень забавная книга, пропел Мастер Масон.

Merde, сказал генерал Канбронн. Век Разума. Перед боем всегда надевайте коричневые штаны.

Дракула восстал из могилы.

Не забудьте включить меня в процесс I.N.R.I., сказал он. Домовладельцы живут вечно. Другая сторона дьявола. Я никогда не пью вино.

Ввели Эдуарда Эйнштейна и Лючию Джойс в смиренных рубашках. Достаточно было одного взгляда на их фигуры и лица, чтобы понять, что они

страдают от хронической шизофрении.

Ты бросишь мою мать, обвиняющим тоном сказал Эдуард Альберту. Ты никогда не любил меня. Ты любил только свои проклятые уравнения. Ты чудовище. Ты живешь только в своем узком мирке и никого не любишь. По-моему, я скоро сойду с ума.

О, нет, сказал Эйнштейн, всхлипывая.

Видите, сказал Кроули Бэбкоку. Теперь настал его черед пройти этап Нун. Смерть на белом коне.

Лючия Джойс игриво приподняла юбку, показывая голубую подвязку.

Ну давай, что же ты, закричала она Джеймсу. Спрячься под землю. Я знаю, что ты нас видишь. Ты все видишь. Ты знаешь все про всех — мужчин женщин мальчиков девочек — и всегда видишь всех насквозь, не так ли? Ты живешь только в своем узком мирке и никого не любишь.

Черт, сказал Джойс, с трудом сдерживая рыдания.

А вот и еще один кандидат, весело сказал Кроули.

Вы подонок.

Плохо ужасно отвратительно дерьмово быть сыном гения, пожаловался Эдуард Эйнштейн.

Будто я не знаю, сказала Лючия Джойс.

Я есмь ОН, внезапно затянул Кроули, вновь приковывая к себе их внимание. Нерожденный Дух и бессмертный огонь который жалеет о зле совершаемом в этом мире Тот кто гремит и сверкает молниями Тот кто дышит огнем Тот кто проливает на землю дождь жизни

Истинное посвящение длится вечно.

Нужно бороться, нужно победить, сказал Ленин.

Нужно джина больше пить, добавил Джойс.

Мастера Масоны распевали, танцуя вокруг костра:

Славим Троицу Святую,
Дух Святой — вот идеал.
В нем природу Бог мужскую
С женской мудро сочетал.
И направо, и налево
Тебя славим, Чудо-Древо!

Мне кажется, сказал Джойс, что произошла какая-то мутация, и мы перешли от символично-вербального сознания к абсолютному сознанию тела. Что вы на это скажете?

Отчасти вы правы, задумчиво согласился Эйнштейн. Но я также замечаю признаки непосредственного восприятия. Мне кажется, что теперь вы должны гораздо лучше понимать мою теорию относительности. Даже я сам сейчас понимаю ее гораздо лучше, чем прежде.

Но этот стол, сказал Джойс. Боже мой, что нам с ним делать?

А что случилось со столом? поинтересовался Эйнштейн.

Мы внутри него, сказал Джойс.

Да... тихо сказал Эйнштейн... верно. Мы внутри него, а он внутри нас. Это мост...

Боже, сказал Джойс. Этого не может быть.

В материальном мире, счастливо продолжал Эйнштейн, меньшее всегда находится внутри большего. Но в мире, который создан нашим сознанием... mein Gott... большее может быть внутри меньшего. Так действует наша

мысль... Мы обретаем такие же размеры, как то, что мы воспринимаем и познаем... Это как лента Мёбиуса.

Из влажной могилы славлю тебя, донесся откуда-то снизу глухой голос Тима Финнегана.

Из ждущего лона славлю тебя, простонала Молли Блум.

Хвала тебе от земли целинной, прокричал Осирис.

Хвала тебе от девы невинной, пропела Исида.

Крест превратился в фаллос.

Фаллос превратился в крест.

Крест превратился в бешено вращающееся солнце.

Два филина и воробей, сказал Король Лир, три ворона и соловей, все свили гнезда в моей седой бороде.

Они двигались к Нулю.

Боже, ведь это черная дыра, воскликнул Шварцшильд⁷⁴.

Врата ада, сказал Бэбкок.

Чаша Девы, поправил их Кроули.

Ноль превратился в огромный пульсирующий пончик. Джойс засмеялся.

Девять месяцев растем, чтобы оттуда выбраться, а потом всю жизнь стараемся туда вернуться.

Пончик превратился во вращающуюся галактику.

— Мы что, так и просидели здесь три или четыре часа, хохоча, словно идиоты? — наконец спросил Джойс.

— По правде говоря, да, — сказал Эйнштейн.

— Что, уже все закончилось? — спросил Бэбкок.

— Не думаю, — ответил Джойс. — Неужели вы не видите то, что вижу я?

Земля содрогнулась. Ктулху⁷⁵ поднялся из бездны, размахивая подвязками с белыми пятнами и ценными бумагами всех компаний и корпораций мира. Правительства рассыпались, словно кегли. Биржи обрушились. Анархисты заполонили улицы, крича «Смерть ублюдкам с Уолл-Стрит» и вешая на фонарях банкиров, президентов корпораций адвокатов президентов землевладельцев священников раввинов и вообще всех людей в чистых белых рубашках. В парламентах, конгрессах, антикварных магазинах, лавках, офисах, булочных, монастырях, троллейбусах, госпиталях, каруселях, университетах, академиях, лабораториях, женских монастырях, соборах, судах, цехах начались оргии. Огромные члены вонзались во влагалища, задние проходы и рты чувственных актрис, трясущихся от старости пожилых дам, важных философов, королей, епископов, мальчиков, девочек, солдат, игумений, банкиров, хныкающих поэтов. Королева Виктория совокуплялась сразу с 358 охранниками. Душевнобольные испражнялись в колодцы, фонтаны и чаши для пунша. Слабоумные фермерские отпрыски, размахивая плакатами с надписью «Свобода инстинктам», врывались в зоомагазины и насиловали собак, кошек, обезьян, птиц, тарантулов. Андре Бретон бродил по Парижу, стреляя в случайных прохожих. Последний юрист был задушен кишками последнего полицейского. Папа Римский вышел на балкон своей резиденции

⁷⁴ Шварцшильд, Карл (1873 — 1916) — немецкий астроном, который в 1916 году на основе общей теории относительности Эйнштейна создал теорию черных дыр.

⁷⁵ См.: Говард Ф. Лавкрафт, «Зов Ктулху» (1926).

и начал удовлетворять себя двадцатипятисантиметровым искусственным фаллосом, бессвязно напевая «Ктулху фтагн». Домохозяйки разделались со своими мужьями, побежали на скотные дворы и начали спариваться с козлами, воя «Ио Пан Ио Пан Пан!» Нигилисты атаковали с автоматами сумасшедшие дома, расстреляли весь персонал и выпустили сумасшедших на улицы. Поэты-авангардисты захватили редакции газет и начали публиковать статьи со странными заголовками: «ЧТО ЭТО — НОВОЕ ЭЛЕКТРОМАГНИТНОЕ ЯВЛЕНИЕ ИЛИ УМИРАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДУШИ?», «ТОЛЬКО СУМАСШЕДШИЙ АБСОЛЮТНО СВОБОДЕН», «ЗВЕЗДНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ СО ЗВЕЗД, НО Я ПОТЕРЯЛ СВОЮ ЛЮБИМУЮ», «ГДЕ БЫЛ БОГ, КОГДА МЫ В НЕМ ТАК НУЖДАЛИСЬ?» На следующий день женщины сплотились и довершили кровавую бойню. И небо стало телом богини Ночь — прекрасной и непроглядно черной матери всех звезд. Вдруг, в одно мгновение ока, все изменилось. Все стало как прежде. Четыре человека снова сидели в комнате, глядя сквозь время в бесконечность.

КРОУЛИ

[Торжественно]:

В моем безумном сердце призрака
Тридцать девять лет назад я был
От смеха и ярости: хлеб и вино Призрачной Массы.
[Масса исчезает; они начинают плавать в воздухе.]

ДЖОЙС

[Литургически]:

В моем высокогорном сердце
Тридцать два года назад я смеялся
От глупости и презрения: плоть и кровь
Призрачного Времени.
[Время исчезает; они входят в вечность.]

ЭЙНШТЕЙН

[Точно]:

В моем ясном и прозрачном уме
Тридцать пять лет назад я все выражал
Числами и линиями: кожа и кости
Призрачного Пространства.
[Пространство исчезает; они входят в бесконечность.]

КРОУЛИ

[Неистово]:

Пока непокорность не найдет в себе
Истину менее скучную, чем истина смерти,
Мое призрачное сердце будет хулить
Как призрачного Бога, так и призрачного Человека.

ДЖОЙС

[Печально]:

Да, пока наше сердце не найдет в себе
Истину более яркую, чем истина жизни...
[Появляется Исида; все смотрят на нее.]

БЭБКОК

[Восхищенно]:

Мое призрачное сердце наконец пронзила
Серебряная пуля божественного взгляда.

КРОУЛИ

[Похотливо]:

Мое призрачное сердце наконец пронзила

Серебряная пуля божественных глаз.

Я — Зверь, на котором восседает Блудница.

Я — звезды в ее волосах.

[Исида и Осирис соединяются, превращаясь в Апопа.]

МЕСКАЛИТО

[зеленый, с заостренными ушами, пританцовывая]:

Тебе пою хвалебную песнь

Я есмь тот, кто я есмь.

МАСТЕР-МАСОН

Слава Тебе, кто превыше всего,

Источник семени моего!

[Фаллос в форме пирамиды поднимается снова.]

ЛОЛА ЛЕВИН

Вечному Солнцу славу поем,

Единому в Трех, Тройному в Одним!

МАСТЕР-МАСОН

И направо, и налево

Тебя славим, Чудо-Древо!

[Появляется Святой Ангел-Хранитель.]

ЭЙНШТЕЙН

[Видя Ангела]:

Единое поле...

ДЖОЙС

[Видя Ангела]:

Вечный круговорот...

БЭБКОК

[Видя Ангела]:

358:Мое тайное «Я», мой неприятель,

мой дьявол, мой спаситель...

КРОУЛИ

[Уважительно, обращаясь к Ангелу]:

Роза и Крест, вечное объятие!

[Кукарекает петух, наступает Золотая Заря.]

ДЖОЙС

[Интуитивно постигая суть времени]:

Дети... Бесконечное воспроизведение самих себя...

ЭЙНШТЕЙН

[Аналитически постигая суть пространства-времени]:

Единство... Плюс один и минус один...

БЭБКОК

[Ощущая Силу]:

Секс... Это все время любить самого себя...

КРОУЛИ

АРАРИТА. АРАРИТА. АРАРИТА.

[Фён перестает дуть. Актерами, как уже говорилось, были духи, и в воздухе прозрачном, свершив свой труд, растаяли они.]

ДЖОЙС

Цветы каждую весну расцветают снова. Земля к земле, прах к праху,

merde к merde. Каждую весну цветы расцветают снова.

ЭЙНШТЕЙН

Круговорот азота в природе.

БЭБКОК

Через темный подземный мир — к Золотой Заре.

КРОУЛИ

[С усмешкой]:

К новому и неизвестному...

XXVIII

Джойс проснулся первым и долго лежал, слушая звонкое пение птиц в саду. Лучи солнца нежно грели ему лицо, и он понял, что день уже в самом разгаре.

Еще не совсем веря в то, что ему удалось выбраться из бесконечности в реальный мир, он очень осторожно поднялся на ноги и подошел к окну. Трава в саду показалась ему ядовито-зеленой и светящейся — одно из неприятных последствий приема наркотика. С улицы доносились голоса, где-то громко пел соловей, который, по-видимому, его и разбудил. Был солнечный весенний день, ведьмин ветер наконец выпустил Цюрих из своих отвратительных объятий.

— Боже мой, — сказал Джойс очень тихо. Мир был таким, каким его увидел обнаженный и удивленный Адам: во всем чувствовалось присутствие и любовь Творца.

— Уже утро? — сонно спросил Бэбкок, пошевелившись в своем кресле.

— Уже день, и в этот день мир отдыхает, — задумчиво сказал Джойс.

Бэбкок протер глаза и сказал:

— Боже мой.

— Да-а, — сказал Джойс. — Неплохо мы повеселились вчера вечером, не правда ли?

— А вы тоже видели Святого Ангела-Хранителя? — спросил сэра Джон, вскакивая на ноги и потягиваясь.

— Я увидел... очень многое, — сказал Джойс. — Самое главное: я увидел, каким должен быть мой новый роман, о котором я постоянно думал.

— Мне кажется, — сказал Бэбкок, — что я увидел Бога и умер.

Пока они разговаривали, Эйнштейн тоже проснулся и поднялся из своего кресла.

— Помните, Джоунз говорил вам что-то о встрече со Святым Ангелом-Хранителем? — спросил он сэра Джона. — Если я не ошибаюсь, он говорил, что после этой встречи человек может создать новую научную теорию или произведение искусства, или просто стать более сострадательным и религиозным? Боже мой, — добавил он.

Джойс отвернулся от окна. Его глаза, огромные за толстыми стеклами очков, были полны удивления.

— Мне кажется, мы все увидели Бога и умерли, — сказал он.

— Каждый по-своему.

— Когда ушел Кроули? — спросил Эйнштейн.

— На заре, — сказал Бэбкок. — Вы двое уже задремали. Я помню, что вы уже похрапывали, когда мы ним с еще разговаривали.

— Да? — сказал Джойс. — И о чем же вы с ним разговаривали, если не секрет?

Бэбкок посмотрел в окно и улыбнулся золотому солнечному свету.

— Я рассказал ему о докторе, которого встретил в поезде два дня назад. Этого доктора зовут Юнг — да вы и сами его знаете, так как уже не раз о нем упоминали. Я сказал, что хочу некоторое время побыть здесь и пообщаться с Юнгом, прежде чем отправиться в Лондон и начать следующий этап Посвящения.

— Так вы собираетесь продолжить Посвящение? — спросил Джойс.

— Как только буду готов, — ответил Бэбкок. — То есть, когда доктор Юнг сочтет, что я готов.

Эйнштейн то ли присвистнул, то ли глубоко вздохнул.

— «Ибо Он словно огонь расплавляющий», — процитировал он.

Джойс повернулся к Эйнштейну.

— А что дало вам наше вчерашнее приключение?

— Наконец-то все стало на свои места, — ответил Эйнштейн. — Теперь я вижу всю теорию как единое целое, вижу все связи между частными явлениями. Мои статьи об относительности — только начало. Как только я закончу статью об относительности ускорения, начну работать над теорией единого поля. — Он ликующе улыбнулся. — На эту теорию у меня уйдет лет двадцать или даже больше, но она того стоит. Наши представления о пространстве так же примитивны и смешны, как представления древних, которые утверждали, что Земля плоская. Пространство тоже искривляется. Любое движение есть движение по орбите, вокруг какой-то массы. Инерция и сила тяжести — это материальные проявления искривлений пространства. И это только начало, фундамент для моей будущей теории...

— То есть вы не обижаетесь и не злитесь на Кроули за то, что он использовал наркотики и прочие штучки первобытных шаманов? — спросил Джойс.

— Ни в коем случае, — сказал Эйнштейн. — По-моему, за эти несколько часов я узнал о физике гораздо больше, чем за всю свою предыдущую жизнь. А что скажете вы?

— Я тоже не обиделся, — признался Джойс, — но если я увижу Кроули на улице, то повернусь и пойду в обратном направлении. Одной ночи в пещерах Элевсиса хватает на всю жизнь, и греки это знали.

Эйнштейн начал медленно расхаживать по комнате.

— Такое чувство, как будто наши мозги вымыли с мылом, — сказал он. — Как будто — *mein Gott* — мы родились заново.

— Точно, — сказал Джойс, родились заново. Кстати, это выражение восходит еще к элевсинским мистериям, о которых я только что упомянул. Дигенами, или «дважды родившимися», называли тех, кто целую ночь проходил посвящение в пещере Деметры. Ни одному из историков не известно доподлинно, что происходило в этой пещере, но я думаю, что теперь нам будет нетрудно предположить.

— А заклинания, которые пел Кроули, — вспомнил Эйнштейн. — Неужели это те же заклинания, которые использовались две с половиной тысячи лет назад?

— Не думаю, — сказал Джойс. — Это был довольно плохой греческий, с вкраплениями египетского и латыни. Скорее всего, эти заклинания сначала использовали гностики, потом другие еретические секты, искажая и дополняя их... Бэбкок, — неожиданно сказал он, — я не прошу вас нарушать клятву, но все же не могли бы вы ответить на два нескромных вопроса. Во-первых, правда ли, что в Масонском Слове восемь букв?

— Да, — сказал Бэбкок.

— А его каббалистическое значение — 72? — продолжал Джойс.

— Да.

— Спасибо, теперь я знаю все, что хотел узнать. Я думаю, Джойс говорил правду, утверждая, что вашему ордену четыре с половиной тысячи лет. — Джойс улыбнулся. — Точно так же слово «Дур» превратилось в сначала в «Турикум», а потом в «Цюрих». Это слово — ключ ко всему.

— Что ж, джентльмены, — сказал Бэбкок, беря свой чемодан, — мне было очень приятно общаться с вами, и я благодарен вам за помощь. Но теперь мне нужно как можно быстрее увидеться с доктором Юнгом.

— Вы будете для него просто бесценной находкой, — сказал Джойс, смеясь. — Как минимум половина вашего бессознательного уже вышла на поверхность.

— Нет, — сказал Бэбкок, — все не так просто. Как сказал Кроули, цитируя «Упанишады», «из этого можно вычесть бесконечность, и бесконечность останется».

— Да, — сказал Джойс. — Бесконечность останется...

— Всегда есть еще один горбун, — с улыбкой заметил Эйнштейн.

— Желаю вам удачи, Бэбкок, — сказал Джойс, снова принимая чопорный вид.

— Удачи, сэр Джон, — сказал Эйнштейн, пожимая молодому человеку руку и провожая его до двери.

Джойс остался один в комнате. Он стоял и смотрел на книжный шкаф.

— Цветы, — произнес он. — Blumen. Блум?

Вернулся Эйнштейн.

— Итак, Джим, что за чертовщина с нами произошла?

— Я не химик, — медленно произнес Джойс, — но мне нравится ваша метафора насчет мытья мозгов. Мне кажется, что эти химические вещества и есть тот универсальный растворитель, который тщетно искали алхимики. Они растворяют в мозгу рефлекторные дуги, поэтому наши старые идеи и старое «Я» просто тонут в океане новых сигналов.

— Что-то вроде того, — сказал Эйнштейн. — Скажите, вы теперь и вправду думаете, что сможете написать тот роман, о котором мечтали?

— Иначе и быть не может, — убежденно сказал Джойс. — Я наконец-то нашел структуру, которая лежит в основе всего — «Одиссеи», «Гамлета», Моисея, скитающегося по пустыне, в основе цветов, искусств, органов тела и всех остальных аллегорических структур. Простая человеческая истина — вот на чем все это держится. — Он снова рассмеялся. — Критикам понадобятся десятилетия, чтобы это понять.

— О чем это вы? — спросил сбитый с толку Эйнштейн.

— О теме своей будущей книги, теме, которую я месяцами пытался сформулировать и которая месяцами медленно росла на задворках моего сознания, — сказал Джойс и лучезарно улыбнулся.

— И что же это за тема?

— Притча о добром самаритянине, — сказал Джойс. — Простая жизненная история, которая настолько обычна, что люди ее не замечают, пока не ткнешь их носом.

— Обычна, — повторил Эйнштейн. — Я так и думал, что вы выберете что-нибудь совершенно обычное.

— Так и есть, — сказал Джойс. — Эту ночь мы запомним навсегда, потому что она была необыкновенной. Но предположим, что она была

обычной. Просто собралось четверо мужчин, которые говорили о том, о сем. И предположим, что наутро один из нас был убит кирпичом, который свалился с крыши. Разве остальные трое не вспоминали бы эту ночь так же ярко, как мы сейчас вспоминаем ее из-за посвящения, которое устроил нам Кроули? Вы еще не поняли? Никто не видит обычного, пока не становится слишком поздно. Я — клянусь Богом, Иисусом и Аллахом — заставлю их увидеть, пусть даже мне потребуется на это столько же времени, сколько вам — на вашу теорию единого поля.

— Значит, — сказал Эйнштейн, — каждый из нас нашел то, что искал. Но все мы искали разное. Думаю, так бывает всегда.

— Мне тоже пора идти, — неожиданно сказал Джойс. — Я должен вернуться прежде, чем Нора начнет волноваться и думать, что я умер пьяным где-нибудь в сточной канаве.

— Не забывайте обо мне, когда вернетесь в Триест.

— Не забуду, профессор, — Джойс остановился у двери. — Кстати, который час? — спросил он и, спохватившись, добавил: — Я имею в виду: в этой системе отсчета.

Эйнштейн достал из жилетного кармана часы и внимательно посмотрел на циферблат.

— Одиннадцать часов тридцать две минуты ровно.

Из коллекции сайта «РазныеРазности»

<http://hotmix.narod.ru>